

ТАЙНА САМЫ ДОЖДА

Модный художник приезжает в Англию по приглашению престарелого аристократа, поклонника живописи и роз. Всё складывается весьма удачно — в наличии уютная деревушка, щедрый заказчик, очаровательная девушка... Но появляется таинственная Дама Дождя, предвестница скорой смерти. И художнику приходится столкнуться с чередой таинственных событий, ниточки которых тянутся в прошлое.

P.S. мистики в произведении нет.

Глава 1

Засынь хоть всей землей

Деяния тёмные, их тайный след

*Поздней иль раньше выступит на свет.
(У. Шекспир «Гамлет»)*

конец апреля, 1926 год

Ожидать встречи с пожилым человеком, а увидеть миловидную девушку — это очень даже неплохо. Ричард Дюран, художник, только что начавший входить в моду во Франции, был удивлен и обрадован, обнаружив, что его встречает юная особа — черноглазая и чернокудрая, в кокетливой шляпке, лихо сдвинутой набок и открывавшей розовое маленькое ушко. Шляпная булавка в виде розы так и горела на солнце. Девушка сидела в открытой коляске, запряженной двумя превосходными лошадьми, держа вожжи.

Заметив его, девушка помахала рукой и заулыбалась, показав разом все жемчужинки, которыми был полон ее смеющийся, немного большеватый рот.

— Мистер Дюран! Я за вами! — крикнула она, сдерживая лошадей, готовых немедленно ринуться в путь.

— Зовите меня просто Ричард! — отозвался художник, забрасывая саквояж в коляску.

— Это весь ваш багаж? — удивилась девушка и протянула для рукопожатия крепкую ладонь. — Меня зовут Роуз Форест. Я секретарь лорда Сент-Джонса, а по совместительству — медсестра, сиделка, чтица и девчонка на посылках.

Она рассмеялась так заразительно, что Ричард тоже рассмеялся.

— Багаж приедет позже, — объяснил он. — Там картины, которые милорд хотел посмотреть, и холсты, если он что-нибудь пожелает мне заказать.

— Пожелает, — заверила его Роуз. — Старичок равнодушен к живописи. Вы это поймете, когда увидите его коллекцию. Честное слово, служители Лувра позеленели бы от зависти!

Они поехали по скалистой дороге, закручивавшейся серпантином. Справа шумело море, ударяясь в берег с неутомимой иступленностью, слева громоздились отвесные скалы, в расщелинах которых Ричард заметил много птичьих гнезд. Несколько черных воронов сидели на каменных выступах. Время от времени клювы их разевались, но карканья не было слышно — все заглушал прибор.

Подхлестывая лошадей, Роуз не переставала болтать, доставляя, впрочем, Ричарду огромное удовольствие — приятно слушать веселую болтовню хорошенькой девушки.

— Вас, наверное, удивляет, что мы едем в коляске, а не в каком-нибудь шикарном автомобиле? Просто старичок любит покой и тишину. Авто, по его мнению, создают слишком много шума и чадят немилосердно, а это плохо для роз.

— Роз?

— Да, это вторая страсть моего хозяина. У него великолепный цветник, он сам любит покопаться там часок-другой, и его заботы приносят результат. Чем же еще может

похвалиться Англия, как не английскими розами? Так сказала Роуз! — она снова заливисто расхохоталась над собственным каламбуром. — Вы впервые здесь?

— Бывал два раза в Лондоне, но недолго. А в Девоне — впервые. Здесь очень красиво, не правда ли?

— Красиво? — Роуз сложила губы трубочкой и повертела головой, словно только сейчас обнаружила, где находится. — Может, и так, но когда проживешь здесь двадцать лет и еще два года, все навеивает уныние. Я бы давно уехала... — она отвлеклась, натягивая поводья, чтобы пропустить мотоциклиста.

— Что же вам мешает? — поинтересовался Ричард, любуясь ее прелестным личиком и черными кудряшками, падавшими на белоснежный воротничок.

— Деньги! Еще год работы, и я скоплю достаточно, чтобы отправиться путешествовать. Я закончила курсы медсестер, владею стенографией и изучаю иностранные языки. Поступлю секретарем к какому-нибудь археологу — и в Египет! Или в Индию! Вот эта жизнь по мне!

— В наше время многие молодые девушки мечтают стать певицами или актрисами... Вас подобное не прельщает?

— Актрисы? Фу! Эти жеманные тощие особы вызывают только отвращение! Нет! Я мечтаю о гробницах фараонов (их ведь, кажется, не все еще раскопали?), о джунглях, где спрятаны древние города. Вы никогда не хотели отправиться в дебри Амазонки на плоту? Или подняться на Памир?

— Признаться, нет, — с улыбкой ответил Ричард. — Больше всего я люблю Авиньон и Париж.

— Это скучно, — девушка состроила забавную гримаску и бросила на художника лукавый взгляд. — Уверена, вы точно найдете общий язык с хозяином. Он страшный домосед и не уезжал дальше Дартмута. Почти ни с кем не общается, замкнут, молчалив и интересуется только галереей и садом.

— А его семья?

— Никакой семьи нет. Знаете, эдакий закоренелый холостяк, который считает вертихвостками всех женщин моложе пятидесяти, и старухами — всех женщина старше пятидесяти. Аристократ до мозга костей, в его понимании женщина способна лишь рожать, следить за домом и поддерживать руку мужа с улыбкой кроткой и любезной. Вы спросите, как же он принял на работу меня? О, я — особая история! Мой дядя служил у него садовником и попросил взять меня секретарем, пока не найдется подходящий и расторопный молодой человек на эту должность. Я проработала две недели, и лорд Сент-Джонс отозвал объявление о поиске нового секретаря. При этом он очень мило объяснил моему дяде, что я прекрасно подхожу, потому что от меня не пахнет улитками, и я четко выговариваю слова, — Роуз прыснула, вспоминая об этом. — Думаю, когда хозяин был молод, его обманула какая-нибудь роковая красотка, и он навсегда утратил веру в порядочность женщин. А может, решил никогда не жениться под впечатлением несчастной судьбы младшего брата. От бедняги сбежала жена, он не смог оправиться от предательства и умер.

— Печальная история, — заметил Ричард, чтобы поддержать разговор.

— Ой, что вы говорите! Бывают истории куда трагичнее и печальнее! — отмахнулась девушка. — Лично я не стала бы умирать! Ну, поплакала денек-другой от обиды и... нашла другого!

— Может, он любил ее, и не хотел другой.

— Глупости! Все женщины одинаковы! Уязвленное самолюбие, вот что это было, а не любовь. Подумать только, он осчастливил ее, ввел в круг английской знати, а она — фьюить! — и исчезла! Кстати, она была француженка!

— Уверю вас, — отшутился Ричард, — неверность — это не наша национальная черта.

Развлекая себя разговором, молодые люди добрались до вершины холма, откуда открывался прекрасный вид на морское побережье и деревушку внизу. Еще один поворот — и вот уже перед ними старинные ворота, охраняемые грифонами из черного камня. На боках грифонов виднелись полустертые вензеля.

— Добро пожаловать в Энкер-Хауз! — торжественно провозгласила Роуз и направила коляску по дорожке вглубь сада. — К сожалению, хозяин уделяет саду вокруг дома столь же мало внимания, сколь много уделяет розарию. Если привести в порядок деревья, остричь газоны и обновить беседки, здесь было бы чудно. А так — бррр! — мурашки бегут по спине! Раньше в подобных местах обманутые мужья закапывали неверных жен и их любовников.

Ричард засмеялся, но шутка ему не понравилась. Сад и в самом деле производил гнетущее впечатление. Ветви деревьев, похожие на костлявые руки, нависали над самой тропой. В тени замшелых стволов росли поганки на кривых тонких ножках. Всюду груды валежника, унылость и запустение. Зато дом выглядел гораздо лучше. Даже не дом — настоящий замок в стиле Тюдоров. Между двумя фронтальными башнями располагалась крытая галерея, оконные стекла которой и новенькая черепица так и сияли солнечными бликами. На террасе стояли восточные статуи и горшки с цветами — целыми охапками кремовых хризантем и великолепных роз. Стены дома живописно обвивал плющ, добираясь до окон третьего этажа.

— Так и просится на холст! — восхитился Ричард.

— Я надеюсь, хозяин закажет вам Энкер-Хауз в лучах восходящего солнца, — тут же заявила его спутница, — и вы пробудете у нас в гостях еще месяц-другой. Иначе я сойду с ума от скуки!

— Вы живете здесь?

— О нет. Хозяин не любит, чтобы прислуга постоянно маячила перед глазами. Я, кухарка, экономка, дворецкий и конюх — все мы обосновались во флигеле, остальная прислуга — проходящая и работает подённо. Но обычно я ночую у дяди, он живет в деревне, что в низине. Она такая маленькая, что у нее даже нет названия. Смешно, правда? Деревня без названия! Но возвращаюсь я всегда к семи тридцати, без опозданий. Хозяин на редкость пунктуален. Советую и вам почаще посматривать на часы.

— А ваш дядя? Вы говорили, что он садовник...

— Был. Невнимательно же вы слушаете! — пожурила Ричарда девушка. — Хозяин рассчитал его, когда началась война.[1] Отговорился сокращением расходов. Но мне кажется, именно — отговорился. Думаю, все дело в том, что он никого не хотел подпускать к своим любимым розам. Если вы ему понравитесь (а впрочем, даже если не понравитесь!) он покажет вам розарий. Я не слишком сентиментальна, но должна признать — хозяин поднаторел в садоводстве. Даже у моей двоюродной тетушки Пешиенс нет таких экземпляров!

Роуз резко натянула поводья, останавливая коляску перед террасой.

— Выпрыгивайте из коляски, — скомандовала она, — я скажу Джейкобу, чтобы он унес ваш саквояж в комнату для гостей. О, вот и он! Не правда ли, похож на тролля?

Джейкоб оказался мужчиной лет тридцати, огромного роста, нескладный, рыжий, с грубым, но добродушным лицом. Он или не слышал слов Роуз, или не обратил на них внимания. Во всяком случае, ничуть не обиделся на сравнение с троллем. Потрепав лошадей по холкам, конюх ласково сказал:

— Совсем вас загоняла...

— Отнеси багаж мистера Дюрана, — продолжала распоряжаться девушка. — Ему приготовлена комната в южном крыле.

Она поманила Ричарда в дом:

— Джейкоб — славный парень, хотя и тугодум. Он не женат, живет с сестрой, ее зовут Беатрис, и она не в себе. Джейкоб присматривает за ней. Вялотекущая шизофрения или что-то подобное — я не разбираюсь в психических заболеваниях. Она находится в ином мире, бедняжка, вы ее еще увидите. Бродит по округе и днем и ночью, не опасна, но очень странная!

Ричард обратил внимание, что рыжий Джейкоб проводил девушку долгим взглядом, но она этого не заметила, потеряв к лошадям и конюху интерес и всецело поглощенная гостем.

— Здесь у нас индийский уголок, — она махнула рукой на статуи террасы. — А там — китайский. За домом разбит розарий, и хозяин распорядился построить настоящую китайскую пагоду, потом посмотрите. На крыше висят колокольчики, внутри облицовка керамическими плитами с драконами — красота, да и только! Пойдемте, я покажу вам дом, — она схватила Ричарда за руку и потащила к парадному входу.

— Осторожнее! Здесь осколки! — остановил их недовольный возглас.

Путь им преградила женщина — удивительно блеклая, с белёсыми ресницами, водянистыми глазами и светлыми волосами, убранными в аккуратный пучок. Она напомнила Ричарду один из тех грибов-поганок, что в изобилии росли в запущенном саду. На ней был уродливый твидовый пиджак с широкими плечами и узкая юбка до середины икр — такие начали носить в Англии после войны. Туфли, правда, были щеголеватые — маленькие, с медными аккуратными пряжками и каблучками-стаканчиками. Это немного примирило Ричарда с остальным нелепым нарядом.

Роуз же сразу присмирела и выпустила руку гостя.

— Мисс Миллер, сообщите хозяину, что мы прибыли, — церемонно сказала она. — Это мистер Дюран, из Франции. Мистер Дюран, это — мисс Миллер, наша экономка.

Цепкие водянистые глаза экономки оглядели Ричарда с ног до головы, да так пристально, что он невольно поежился, а потом мисс Миллер обратилась к Роуз:

— Приведите в порядок прическу и шляпку, мисс Форест. Вы ведь знаете, милорд не терпит неряшливости.

Роуз с комичным ужасом схватила за голову и обнаружила, что потеряла шляпную булавку. Ричард бросился помогать в поисках, и совместными усилиями они отыскали эту страшную принадлежность женского туалета, больше похожую на стилет средневекового убийцы. Все это время мисс Миллер наблюдала за ними безо всякого выражения. Закрепив шляпку, Роуз извлекла зеркальце, посмотрелась в него и осталась довольна. Похоже, экономка тоже была удовлетворена, потому что отступила в сторону, давая молодым людям пройти, и напомнила:

— Осторожнее, тут осколки. Я разбила вазу. Позже скажу Джейкобу, чтобы убрал. Подождите, я сообщу милорду о вас.

Она вошла в дом, а Роуз подтолкнула Ричарда локтем и зашептала:

— Некоторые называют ее ведьмой, но я уверена, что она — немецкая шпионка. Препротивнейшая особа. Скоро сами убедитесь.

— Есть ли у нас союзники? — так же шепотом отозвался Ричард, принимая игру.

— О да! Миссис Пауэлл, кухарка. Очень милая женщина и точно не замечена в сношениях с врагом! Она вдова, ее сын погиб на войне. Он был летчиком. А вот с нашим дворецким — мистером Эйблом Вилсоном — держитесь начеку. Не смотрите, что он всегда вежлив — это самый большой хитрец, какого я когда-либо встречала. Есть в нем что-то от волка, который притворялся овцой в сказке о пороссячих домиках.

— Чувствую, здесь мне предстоит жизнь, похожая на бой.

— Ну, то ли еще будет, — ответила Роуз, играя ямочками на щеках.

Вернулась мисс Миллер и пригласила пройти в гостиную.

— Лорд Сент-Джонс ждет вас, — сказала она таким тоном, словно Ричард был продавцом на разнос и по ошибке постучал с парадного входа, а не с черного.

Они прошли в гостиную, обставленную богато, но не вычурно. Оригинальными украшениями типично английской обстановки были статуэтки из бронзы, изображавшие многоруких восточных божков.

Хозяин Энкер-Хауза встретил гостя, сидя в инвалидном кресле. Лицо у лорда было усталым, худощавым и породистым. Очки в золотой оправе, глубокий взгляд. Седые волосы коротко острижены, от виска к подбородку тянется застарелый шрам. Старомодные одежды, толстая цепь часов, спрятанных в жилетный кармашек — Сент-Джонс словно сошел с полотен художников конца прошлого века.

— Милорд... — Ричард никогда раньше не общался с английским аристократами, о спеси которых столько рассказывают, и поэтому не знал, как следует себя вести. Единственная леди, с которой он был знаком и общался в Париже — леди Эштон, была француженкой по происхождению.

— Называйте меня — сэр Джеймс, мой мальчик, оставим все эти титулы, — сказал лорд приятным звучным голосом. — Я вам в отцы гожусь, если не в дедушки, меня уже утомляет излишняя чопорность. К тому же, сейчас на это не обращают внимания. После войны все изменилось — женщины обрезают волосы, а мужчины, наоборот, их отрастили, — он усмехнулся, заметив, как Роуз и Ричард непроизвольно коснулись своих причесок. — Не принимайте на свой счет. Рад, что вы приехали. Надеюсь, путешествие было приятным? Наши края пришлись вам по душе? Хотя Роуз и не признает этого, Девон очень живописен.

— Что до меня, скучно столько лет любоваться одним и тем же берегом, сказала Роуз, поправляя цветы в вазе. — Как только вы заплатите мне за работу — я сразу отращу крылышки и умчусь в Египет.

— Не слушайте ее, — ответил сэр Джеймс с легким смешком, и этим сразу расположил Ричарда к себе. — Она создана для того, чтобы нарушать общественное спокойствие. Впрочем, и ее дядюшка такой же — порох, а не человек. Если встретитесь с ним, старайтесь не прекословить, он из тех, кто сначала бьет, а потом жалеет. Однажды он повздорил с викарием и так разукрасил его...

— Никаких страшных историй! — запротестовала девушка, разворачивая инвалидное кресло к столу. — Вы бы ему еще про Даму Дождя рассказали, чтобы он испугался и сбежал от нас.

— Дама Дождя? — переспросил Ричард.

— Это наш местный призрак, — пояснила Роуз. — Некоторые утверждают, что видят

призраков. Не обращайтесь внимания, я просто болтаю глупости. Присаживайтесь, мистер Дюран, сейчас будет чай, вы прибыли как раз вовремя. Вы же останетесь с нами, хозяин?

— Останусь, шалунья, — отозвался он, потрепав ее по руке.

Появилась полная женщина в белом переднике и кружевной наколке. Она поставила на чайный столик серебряный поднос с печеньем и булочками и отступила на несколько шагов, ожидая дальнейших распоряжений. Лицо у нее было немного нервное, с пухлыми щеками и вишневым маленьким ротиком. Зато глаза были огромными, темными и влажными, как у рафаэлевских мадонн, и брови ровными полукружьями шли от переносицы к вискам, а темные волосы были уложены толстыми косами на затылке.

Сэр Джеймс при помощи Роуз занял место во главе стола, Ричард расположился в кресле по правую руку от хозяина, а сама Роуз принялась хлопотать вместо хозяйки.

— Благодарю вас, миссис Пауэлл, — сказала девушка, разливая чай по тончайшим фарфоровым чашкам. — Попробуйте вот эти булочки с джемом, мистер Дюран. Они — гордость нашей милой, милой миссис Пауэлл. Готова поспорить, даже французские кондитеры не смогут тягаться с ней!

Ричард не любил сладкое, но покорно взял булочку, намазал ее джемом и откусил кусочек.

— Очень вкусно, — признал он.

Миссис Пауэлл просияла улыбкой и выплыла из гостиной, с неожиданной легкостью неся свое пышное тело.

— После войны мы стали жить экономнее, — сказал сэр Джеймс, — но традицию чаепития отменить невозможно. Обед у нас в семь часов, от ужина мы отказались — сейчас это добрая привычка всех истинных патриотов. Но если слишком проголодаетесь, обратитесь к Элеоноре, она не оставит вас в беде.

— Элеонора — это миссис Пауэлл, — тут же подсказала Роуз. — Я ее обожаю!

— Слуги живут во флигеле, — продолжал лорд, — но для вас я распорядился приготовить комнату в доме. Она на втором этаже, вам будет удобно.

— Мой багаж в Торки, — сказал Ричард. — Там картины и холсты, если вы захотите сделать заказ. Всё должны привезти завтра.

— Тогда сегодня — отдыхайте. Если захотите, мисс Форест покажет окрестности. А завтра я провожу вас в галерею и розарий. Вам нравятся розы, мистер Дюран?

— Только как натура, — засмеялся Ричард. — Мисс Форест рассказала о вашей страсти. Боюсь, я далек от цветоводства. И зовите меня, пожалуйста, Ричард.

— Тогда я буду звать вас Дик. Да, согласен, что тяга к земле появляется, обычно, на старости лет. Вам, молодым, ближе небо, — Джеймс отставил чашку с недопитым чаем. — Мисс Форест, позовите Эйбла, я хочу поработать в саду до ужина.

— Конечно, сэр, — Роуз с готовностью вскочила, и Ричард понял, что некоторая фамильярность в общении с хозяином — всего лишь видимость. Девушка была обыкновенной прислугой в этом красивом и богатом доме. Она вернулась через несколько минут в сопровождении дворецкого — чопорного, невозмутимого, с напояженными редкими волосами, расчесанными на прямой пробор и тонкими черными, как будто приклеенными, усикам. Ричарду не понравилась его походка — шел он бесшумно, как будто крался, и даже остановился у стены, словно хотел остаться незамеченным. Не понравился художнику и взгляд мистера Вилсона — такой же колючий и оценивающий, как у экономки. Впрочем, такие взгляды — характерная черта слуг, считающих себя приближенными к

хозяину. Они всегда боятся — не займет ли кто-то их место.

Коротко поклонившись гостю, дворецкий поправил плед, прикрывавший ноги лорда, и покатил кресло к выходу. В окно было видно, как они проследовали в сад. Лорд снял очки и устало уронил их на колени. Видимо, беседа с гостем совсем утомила его.

— Ваш хозяин болен? — спросил Ричард у Роуз, которая тоже наблюдала эту сцену.

— Малярия, — коротко ответила она. — Ранение в ногу и голову. Вот и все болезни. У старичка была бурная молодость. Он участвовал в афганской компании и не любит об этом рассказывать.

Они немного помолчали, а потом девушка улыбнулась, словно прогоняя тягостные мысли:

— Хотите посмотреть Воронью Кручу? Это местная достопримечательность, как и Дама Дождя. Обрыв над морем, такая высота — дух захватывает! Говорят, римляне сбрасывали оттуда кельтских мятежников. Они не разбивались о скалы и не тонули, а превращались в воронов, возрождаясь для следующей жизни. Но если пожелаете отдохнуть с дороги, я покажу вашу комнату.

— Я не устал, — заверил ее Ричард, и Роуз вновь просияла улыбкой — на сей раз радостной. — С удовольствием прогуляюсь по Вороньей Круче, если дадите слово не сбрасывать меня.

— Вас ещё не за что, — обнадежила девушка.

После чая они обогнули дом и прошли мимо розария еле заметной тропинкой. Ричард ощутил головокружительный запах роз — сладкий, но не приторный, сильный, но ненавязчивый. Запах, который лучше самых дорогих духов. Потом на смену сладкому аромату пришел другой — терпкий и свежий, запах моря. Оставив замшелый сад справа, молодые люди миновали буковую рощу и оказались на берегу. Скалы здесь вдавались глубоко в море полукруглым мысом. Далеко внизу шумели волны, пенные шапки взлетали и опадали, отчего казалось, что основание скал всё время в тумане. Тяжелые тучи клубились на горизонте, почти сливаясь с морем. Сквозь них пробивались лучи солнца — ослепительные снопы света. Они уходили в толщу моря, придавая волнам зеленоватый оттенок.

— Какой вид! — восхитился Ричард и снял шляпу, пораженный величественной красотой.

— Да, мило, — согласилась Роуз. — Кто может подумать, что каких-нибудь двести лет назад всё здесь кишело пиратами? Если приглядеться, то вон там вы увидите развалины пиратской крепости. Потом её перестроили в маяк, он действовал ещё во времена деда моего хозяина — Арчибальда Сент-Джонса.

— Кто здесь не боится произносить проклятое имя проклятого рода? — раздался вдруг писклявый голосок, и Ричард невольно отшатнулся — ему показалось, что кто-то вещает прямо из-под земли.

Над обрывом показалась голова в чепце. Пожелтевшие кружева уныло обвисли вдоль загорелого лица, седые прядки прилипли к впалым щекам, а глаза смотрели темно и недобро.

— Беатрис! Как вы нас напугали! — Роуз досадливо встряхнула кудрями и взяла Ричарда за руку, шепча ему в самое ухо: — Это сестра мистера Марвина, она сумасшедшая. Не обращайтесь на её болтовню.

Тем временем из расщелины в скале вылезло самое странное существо, которое когда-

либо доводилось видеть Ричарду. Сумасшедшей Беатрис было около шестидесяти лет. Худое тельце и маленькие, как у ребенка, ручки нелепо контрастировали с большой головой. Женщина была одета в шерстяное платье с обтрепанным подолом, на плечах висела небрежно наброшенная цыганская шаль, одним концом достигающая колен. Тощие ноги в полосатых чулках едва удерживали большие башмаки, перетянутые вокруг щиколотки бечевкой. На сгибе локтя висела корзина, полная жёлтых цветов раkitника.

— Думаешь, я не слышу, что ты бормочешь?! — женщина отряхнула платье и исподлобья посмотрела на Роуз, та выдержала взгляд, насмешливо улыбаясь. — Я не сумасшедшая, мистер. Она врёт, эта мерзкая девчонка Форест. Форесты всегда врут. А я всегда говорю правду, — она обернулась к Ричарду и принялась невозмутимо отряхивать лацканы его пиджака от несуществующей пыли.

— Что вы делаете? Прошу вас, остановитесь... — Ричард попытался уклониться от ненужной заботы, испытывая чудовищную неловкость из-за слов о Роуз, но саму девушку это ничуть не смутило, да и Беатрис тоже. Она так энергично занялась одеждой художника, что едва не ударила его по лицу. Роуз перехватила загорелую дочерна руку сумасшедшей и сказала громко и четко:

— Он уже чистый, мисс Марвин.

Но Беатрис вырвалась и снова начала отряхивать одежду молодого человека:

— Как же, чистый! — бормотала она при этом. — Разве ты не видишь, противная девчонка, что он весь в земле? Разве можно так небрежно относиться к покойникам? Эти Джонсы никогда хорошо не заботились о покойниках, как будто сами никогда не умрут. Но они тоже умрут — и их тоже сбросят со скалы. Да-да, обязательно сбросят!

Роуз бросила на Ричарда выразительный взгляд, отводя руку Беатрис:

— У вас такие красивые цветы, — сказала она, и душевнобольная занялась корзинкой, позабыв о Ричарде. Что-то гнусаво напевая, Беатрис села в траву и принялась украшать раkitником валун на краю обрыва. Пение ее становилось все громче, и Ричард понял, что она поет песню Офелии из «Гамлета»:

*— Он мертв и ушел, леди,
Он мертв и ушел,
В головах у него зеленая трава,
В ногах у него могильный камень.[2]*

— Что она делает?! — спросил Ричард, у которого волосы на голове зашевелились от подобного зрелища.

— Разве не понятно? — ответила Роуз с холодной насмешкой. — Украшает камень цветами. В нашей деревне любят рассказывать страшные истории о пиратах и их невинных жертвах. Мисс Марвин — большая любительница подобных историй. И утверждает, что командовали пиратами Джонсы, которых королева Елизавета возвела потом в дворянский чин.

— Жестокосердные, жестокие Джонсы! — подхватила сумасшедшая, услышав знакомое имя. — Триста лет назад они стали называться Сент-Джонсами, думали обмануть судьбу! Но назовись ты хоть тридцать раз святым, черную душу это не обелит! Я до сих пор слышу стоны тех, кто был убит. «Спасите! Спасите! Сжалесь!» — их крики со временем стали слабее, но я слышала их, когда они были полны боли и отчаяния!

— Сумасшедшая, — фыркнула Роуз. — Нам лучше уйти.

— Но разве её можно оставить здесь? — запротестовал Ричард.

— С ней ничего не случится, — заверила девушка, увлекая его в сторону усадьбы. — Она лазает по этим скалам, сколько я себя помню. Если хотите забрать ее с собой — придется нести старушку на руках. Своей волей она не уйдет. Но боюсь, тогда она расцарапает вам лицо и проредит волосы. Вам ведь было бы жаль лишиться таких локонов! — она дёрнула Ричарда за волосы и засмеялась. — Когда я увидела вас, то сначала приняла за девицу. Из вас получилась бы премилая девушка!

Ричард позволил увести себя, то и дело оглядываясь на сгорбленную фигурку у камня. Безумная Беатрис сидела на самом краю обрыва, свесив ноги и глядя на море, и пела тонким дребезжащим голоском, раскачиваясь в такт песне.

Перед тем, как лечь спать, Ричард долго стоял у открытого окна отведенной ему спальни. Комната была обставлена несколько старомодно, но удобно и уютно, а из окна был виден розарий — кусты, усыпанные цветами, походили на волны. Они омывали многоярусную крышу китайской беседки-пагоды, которая плыла по душистому морю словно корабль. Ричарду даже почудился тихий мелодичный звон, навевавший грёзы о далеких краях, пустынях и верблюдах.

Прекрасное место, прекрасная девушка, и совершенно прекрасный старикан этот английский лорд. А если старикан раскошелится и купит несколько картин, да еще и закажет пару полотен — то будет вдвойне распрекрасным.

[1] Имеется в виду Первая мировая война 1914–1918 гг.

[2] «He is dead and gone, lady,
He is dead and gone,
At his head a grass-green turf,
At his heels a stone».

— Кто такая Дама Дождя? Вы вчера упоминали о ней, — спросил Ричард за завтраком.

Роуз сидела напротив, читая свежую газету. Девушка читала с таким вниманием, что пришлось дважды ее окликнуть.

Сэр Джеймс передал через Вилсона, чтобы его не ждали к завтраку, а Роуз сказала, что он никогда не завтракает — по утрам у него нет аппетита. И Ричарда это ничуть не расстроило, а даже обрадовало. Миссис Пауэлл прислуживала им, но не вступала в беседу, и молодые люди были все равно, что одни.

Расправляясь с яичницей и беконом, к которым полагались запеченные до почерневшей кожицы помидоры, Ричард с удовольствием поглядывал на свеженькое личико девушки. Она была особенно хороша, освещенная утренним солнцем, с оранжево-желто-красным шарфом, повязанным вокруг головы на манер восточного тюрбана, и походила на одну из пышных роз, которые стояли в вазах на подоконниках, столиках и полках.

— Дама Дождя? — рассеянно переспросила Роуз, не отрывая глаз от газетных колонок. — Об этом надо спросить у Беатрис. Она утверждает, что в дождь часто видит женщину, которая плачет. Женщина закутана в саван, и Беатрис считает, что дама — жертва пиратов, погибшая несколько столетий назад.

— Призрак?! — восхитился Ричард.

— Неужели вы верите в призраков? — Роуз насмешливо приподняла брови. — Не разочаровывайте меня. Я думала, вы прибыли из цивилизованного мира. Может, вы еще верите, что можно убить человека, насыпав ему за шиворот могильной земли?

— Зря смеетесь. Во всем цивилизованном мире сейчас очень популярны спиритические сеансы. Даже люди из высшего общества вертят блюдечки по столу.

— Ну не глупо ли? — девушка протянула Ричарду молочник, чтобы он добавил сливки в чай. — В мире есть вещи поважнее вызывания духов. Вы знаете, что лондонские рабочие готовят общую забастовку, добиваясь увеличения заработной платы? По-моему, государство поступает неправильно, обогащаясь за счет дешевого труда.

Ричард был далек от политики, но слушал Роуз с удовольствием, да и смотрел на нее тоже с удовольствием.

— Вы коммунистка?

— Нет, но я уверена, что все те ужасы, что пишут о коммунистах в наших газетах — пропаганда прессы и война с инакомыслием. Впрочем, хватит, — она резко встала, отодвигая стул. — Заканчивайте завтрак без меня, мне нужно еще разобрать корреспонденцию хозяина. Кстати, — она задержалась на пороге, — привезли ваши вещи, я велела перенести их в библиотеку.

Ричард проводил девушку взглядом и поймал себя на мысли, что похож сейчас на тролля-конюха. Допив чай, художник вышел на террасу, любясь пышными клумбами и кустарником.

— Вы ранняя пташка, — послышался за его спиной голос. Оглянувшись, Ричард поспешил поздороваться с лордом Сент-Джонсом. Дворецкий за спинкой инвалидного кресла показался ему противнее, чем вчера. У мистера Вилсона был тонкий длинный нос, что придавало ему сходство с собакой. К тому же, он им постоянно подергивал, словно аромат роз его раздражал, и от этого походил на собаку ещё больше. Лорду хватило одного

взгляда на Ричарда, чтобы понять, что гостю неприятно присутствие Вилсона.

— Можете идти, Эйбл, — разрешил он. — Дик, не считите за труд, составьте мне компанию на утренней прогулке. Я покажу вам розарий.

— Почту за честь, — Ричард занял место дворецкого и покатил кресло в сторону сада.

— Роуз уже рассказала вам о моей маленькой слабости, — сказал сэр Джеймс. — Знаю, она посмеивается надо мной. Откуда в современных девушках столько скепсиса, Дикон? В мое время юные барышни млели от котят, цветов и красивых младенцев.

— Да, теперь у девушек другие ценности, — ответил Ричард. — Современные девицы мечтают о приключениях, водят автомобили, играют в гольф или теннис, и совсем лишены сентиментальности.

— Пожалуй, мисс Форест — как раз такая. Поосторожней с ней, Дик. Она хорошая девушка, но очень уж... легкомысленная. Мне не хотелось бы отправлять вас домой с разбитым сердцем. Как на это посмотрят ваши родители? Кстати, как они отнеслись к поездке в Англию?

— В наше время не спрашивают разрешения у родителей, если хотят отправиться в путешествие, — Ричарда позабавила наивность собеседника. Похоже, не только его одежда была старомодной, но и мыслями он находился в том счастливом времени, которое сейчас называли «до войны».

— Ваши папа и мама художники?

— Вовсе нет. Вы удивитесь, но они далеки от искусства. Матушка сидит дома, это теперь называется — вести хозяйство. Но так как из хозяйства у нас только египетская кошка, все время мама проводит за вышиванием диванных подушек и составлением букетов из засушенных цветов. Отец работает в страховой корабельной компании, читает только утреннюю газету и говорит, что нас погубят коммунисты.

— Можете считать себя счастливецом, — сказал сэр Джеймс, и в его словах Ричарду послышалась горечь. — Нет ничего страшнее одиночества. Жаль, что многие понимают это слишком поздно.

Не успели они выехать на гравийную дорожку, как их догнала запыхавшаяся Роуз.

— Сегодня нет писем, — заявила она, предупредив вопрос Ричарда. — Я увидела вас в окно и решила присоединиться. Хозяин ведь сманил вас, чтобы похвастаться розами? Ни за что не пропущу такой момент!

Она мягко оттеснила Ричарда, и сама покатила кресло сэра Джеймса. Надо признать, у нее это получалось гораздо лучше.

Розарий в Энкер-Хаузе был разбит не очень умело, но с любовью. По обе стороны дорожки шли густые заросли вьющихся роз, а дальше пестрели красные, желтые, розовые и белые кусты, подстриженные в виде полусфер. В центре стояла маленькая пагода, это ее Ричард видел из окна спальни. На изогнутых уголках крыши висели бубенчики, и самый легкий порыв ветра заставлял их звенеть.

— Тут чудесно! — Ричарду не пришлось проявлять ложную вежливость, красота этого уголка поразила его. — Я не знаток, но вы, похоже, собрали неплохую коллекцию цветов, сэр Джеймс. Сколько здесь сортов? Тридцать? Сорок?

— Пятьдесят два, — подсказал лорд Сент-Джонс. Он сделал Роуз знак ехать не торопясь, и она послушно замедлила шаг. — Это единственное место, где я отдыхаю душой. Взгляните на эти цветы. Они прекрасны, верно, Дик? Прекрасны, но красота их недолговечна. Может, поэтому они особенно дороги мне.

— А мне больше всего нравятся вот эти! — Роуз, желая переменить тему и развеять печаль хозяина, указала на куст с огромными белыми цветами. — Разве они не заслуживают, чтобы запечатлеть их красоту на холсте?

— Вы правы, — согласился Ричард, разглядывая розы.

— Чего же вы ждете? Хотите, я сбегая за красками и прочей вашей художественной ерундой? — не дожидаясь ответа, она умчалась в дом.

Хозяин посмотрел ей вслед с улыбкой:

— Вот непоседа!

Он приподнял в ладони крупный бутон и залюбовался:

— Посмотрите, Дикон. Какое совершенство линий, какая гармония цвета, формы и аромата. Этот сорт — моя гордость. Сейчас мало кто их разводит. Эти розы называются «Альба», ими любовались еще древние римляне. А Йорки сделали «Альбу» геральдическим знаком. Я смотрю на нее и вижу Ричарда, герцога Йоркского. Он был моим предком и возмечтал стать королем Англии. Удача отвернулась от него, его убили в сражении при Уэйкфилде. Убили, отрубили голову, насадили её на копье, надели на мертвое чело венец из белых роз^[1] и ради насмешки выставили на базарной площади, чтобы каждый мог плюнуть в несостоявшегося короля. Да, в той войне многие белые розы стали красными — из-за предательства или из-за пролитой крови.

— Очень красивые цветы, — сказал Ричард. — И куст удачно посажен — деревья не бросают на него тень.

— Вот слова истинного художника! — усмехнулся лорд Сент-Джонс. — Высаживая их, я меньше всего беспокоился о надлежащем освещении. Розы — капризные существа. Да, для меня они — живые, не смотрите так скептически. А в последнее время цветы — единственные мои собеседники.

Ричард почувствовал острый прилив жалости к одинокому лорду. Обычно угрюмое, лицо его сейчас посветлело, он смотрел на розы с отеческой любовью.

— У вас есть прекрасный секретарь, — пошутил Ричард, стараясь ободрить старика. — Мисс Роуз — большая охотница поговорить.

— Увы, рассказы стариков не всегда интересны молодым, — скупой улыбнулся Сент-Джонс.

— Думаю, ваши рассказы были бы очень увлекательны, хотя несколько печальны и жестоки.

— Вся наша жизнь такая — печальная и жестокая, — ответил лорд, устремляя на Ричарда странный взгляд — как будто смотрел сквозь него далеко-далеко в прошлое. — Роуз, верно, рассказала вам и о моем несчастном брате?

— Э-э...

— Можете не смущаться. Все в округе знают эту постыдную историю и врут напропалую, переиначивая каждый на свой лад. Будь брат жив, я не был бы так одинок. Но он ушел раньше, чем я. И, похоже, я не смогу оправиться от утраты. Старшие всегда любят младших больше, чем младшие — старших. Я даже смирился с его браком. Хотя сначала был вне себя от гнева. Сент-Джонс женился на актрисе! Какой позор для нашего рода...

Ричард молчал, не зная, что ответить на эту горькую речь, но на его счастье примчалась Роуз с мольбертом, коробкой художественных принадлежностей и складным стулом.

— Вам не стоило так себя утруждать! — запоздало запротестовал Ричард, но девушка только отмахнулась.

— Хозяин платит мне, чтобы я быстро бегала, — засмеялась она, помогая Ричарду устроиться. — Ведь так, хозяин?

Лорд потрепал ее по руке:

— Вы шалунья, дитя мое. Но это хорошо. Хорошо, когда в доме звучит смех. Отвезите меня в дом, мисс Форест, я устал и хочу отдохнуть. Дик, я обязательно куплю что-нибудь из ваших работ для моей галереи и закажу вид на Энкер-Хауз. Ракурс выберете сами. Работайте не торопясь. Меня интересует картина размером около четырех или пяти футов в длину.

— Я справлюсь недели за две — две с половиной, — ответил Ричард, мысленно прикинув темп и объем работы.

— Тогда — месяц. Энкер-Хауз и прислуга будут в вашем полном распоряжении, — сэр Джеймс похлопал Роуз по руке, давая понять, что можно двигаться.

Роуз шутливо поклонилась и подмигнула Ричарду:

— Вы не успеете досчитать до трех, как я уже вернусь!

Ричард ничуть не усомнился в ее словах. Он уже понял, что мисс Форест была сродни весеннему ветру — только летать не умела. Установив мольберт, Ричард за четверть часа сделал подмалёвок — три белые розы в каплях росы, один бутон поднят надо всеми, золотистый в свете солнца, и еще два прячутся в листве. Он так увлекся работой, что не заметил, как подошла Роуз. Он увидел ее, только когда она склонила голову на холст, стараясь заглянуть художнику в глаза.

— Надеюсь, вы забудете мою резкость за завтраком? Боюсь, я бываю излишне горячей, когда говорю о политике, — извинилась она, невинно хлопая ресницами.

— Я уже все позабыл, — заверил ее Ричард и получил в ответ нежную улыбку.

Пока Ричард прорабатывал рисунок, добавляя блики светло-серой и серо-голубой краской, Роуз обрывала сухие цветы с кустов и то и дело заглядывала через плечо художника.

— Не понимаю, как у вас это получается! — вздохнула она наконец. — Ничего не было, и вдруг — вот тебе розы, да еще такие прекрасные. Вам не кажется, что они — самые печальные цветы в розарии? Смотрите, даже если ветер затихает, их лепестки всё равно трепещут. Как нежно и печально...

— Белые цветы всегда навевают романтическую грусть на молоденьких девушек, — отшутился Ричард, — потому что их цвет напоминает подвенечное платье, а все девицы втайне мечтают о замужестве и грустят, что их еще никто туда не позвал.

Роуз вмиг позабыла о сборе цветов и бросилась в наступление:

— Все это — домыслы самодовольных мужчин! Тех самых, которые считают, что у женщин такие же пустые головы, как у фарфоровых куколок! На самом же деле... — она осеклась, заметив, что молодой человек смеется, но ничуть не обиделась. — Ах, вы разыграли меня! Придется вас наказать. Прямо сейчас я уйду. Уйду на кухню, помогу миссис Пауэлл чистить горох. К обеду она хочет подать гороховую похлебку с ветчиной. А вы — вы останетесь наедине с розами. Беседуйте с ними, если я вам не нравлюсь.

Девушка состроила грозную гримаску и убежала в дом, а Ричард вернулся к картине. Слова Роуз посеяли странное смятение в его душу. Теперь и ему казалось, что белые розы необыкновенно печальны, и каждый их лепесток трепещет.

— Ветер, ветер, обыкновенный ветер, — произнес он, стараясь успокоиться.

Но гнетущее чувство не проходило. Он даже обрадовался, когда стал накрапывать дождь — можно было свернуть холст и уйти, не будучи заподозренным в суеверных страхах.

С моря напоззли тучи, и пришлось зажечь свечи, потому что стало темно. В Энкер-

Хаузе не было электричества, но Ричард нашел, что так уютнее и романтичнее. Остаток дня они с Роуз провели за игрой в шахматы и карты, а сэр Джеймс появился лишь, когда подали обед, и вид у лорда был нездоровый. Он пожалел, что непогода помешала показать гостю галерею — на картины надо смотреть при хорошем дневном свете.

— Мы непременно посетим галерею завтра, — сказал лорд, чему Роуз горячо воспротивилась.

— Если не пойдет дождь, — заявила она, — я заберу мистера Дюрана на прогулку. Он должен проникнуться величием Энкер-Хауза, чтобы написать самую лучшую в своей жизни картину! Осмотр галереи можно отложить. Галерея никуда не денется.

Сэр Джеймс посмотрел на девушку с сомнением, но спорить не стал. Пожелал всем спокойной ночи и удалился в сопровождении Вилсона.

— Вы должны благодарить меня горячо-горячо, — заметила Роуз, когда молодые люди остались одни. — Хозяин может заговорить до полусмерти кого угодно. А так вы вместо нудной лекции о венценосных умертвиях получите прогулку на свежем воздухе и приятную компанию.

— Если не будет дождя, — весело напомнил Ричард, все больше и больше попадая под очарование черноглазой мисс Форест. Если бы его спросили, он не смог бы внятно объяснить, что в ней так его пленило. Она была мила и чудесна. Что ещё нужно?

Отправляясь ночевать во флигель, Роуз махала Ричарду рукой, пока её тонкая фигурка не растворилась в темноте, и засыпая, он предвкушал приятный день и весьма приятный месяц в Энкер-Хаузе.

Проснуться пришлось от тихого стука. Ричард испуганно прислушался и не сразу сообразил, что это дождь барабанит в окно. Часы в холле пробили три раза.

«Вот так и сходят с ума», — усмехнулся Ричард, переворачиваясь с боку на бок. Но сон улетел и не желал возвращаться. Дождь усилился, и молодой человек с сожалением подумал, что прогулку с хорошенькой помощницей сэра Джеймса придется отложить.

Встав, чтобы выпить воды, Ричард выглянул в окно, и тихо присвистнул — небо затянуло, а на западе бесшумно вспыхивали молнии. Грома не было слышно, но сомнений нет — тучи до утра не разойдутся. Потом взгляд его переместился в сторону розария, и он увидел Роуз. В одной ночной рубашке она стояла возле любимого куста и меланхолично обрывала цветы, не обращая внимания на проливной дождь. Кудри ее намокли и распрямились, спускаясь теперь ниже плеч.

Странное поведение девушки смутило Ричарда, но невольно он поддался красоте открывшейся ему картины — Роуз, освещаемая вспышками молний, в намокшей рубашке, облепившей стройное тело, была удивительно хороша. Белые розы и белая рубашка светились особым, призрачным светом.

Ричард не удержался и схватил со стола альбом и карандаш. Он успел сделать лишь приблизительный набросок, когда с сожалением увидел, что прекрасная натурщица исчезла.

Забираясь в холодную постель, и с головой укрываясь, чтобы согреться, Ричард уже в полусне подумал: «Какая, однако, экстравагантность! Гулять под дождем ночью! Удивительная девушка».

[1] На самом деле — бумажную корону.

— Прогулку придется отложить! — с сожалением заявила Роуз, появляясь к завтраку с утренней газетой под мышкой. — Дождь льет, как из ведра. Неприятно, но такова Англия!

— Ночью вас этот дождь ничуть не пугал, — шутливо заметил Ричард, намазывая мармелад на тончайший ломтик поджаренного хлеба.

— Ночью? — девушка удивленно приподняла бровь. — Ах, ночью. Конечно, кто же боится дождя, сидя под крышей?

— Можете не притворяться, — дурачась прошептал Ричард, — я видел вас в саду, в одной ночной рубашке, но не выдам тайну даже под пытками. Что, черт побери, вы там делали?!

Девушка посмотрела на молодого человека с беспокойством.

— Наверное, вам это приснилось? — предположила она.

Не подумав, что у дамы могут быть свои причины умалчивать ночные похождения в нижнем белье, Ричард начал настаивать:

— Уверю, Морфей не сыграл бы со мной столь злую шутку. Я почти успел нарисовать вас. Вы выглядели очаровательно — как Офелия, собирающая цветы.

Он поспешил принести папку, и показал Роуз рисунок, сделанный ночью. Девушка рассмотрела его очень внимательно и вернула художнику:

— И все же вы ошиблись. Эта дама вам приснилась. Или, действительно, была привидением. Может, это кто-то из предков хозяина? Какая-нибудь отравительница, не нашедшая после смерти покоя?

— Вы напрасно смеетесь. Эта дама была очень похожа на вас. Правда, я видел её лишь со спины...

— Чепуха! — решительно оборвала его девушка и чуть покраснела. — У меня и ночных рубашек нет. Все современные девушки спят в пижамах. Возможно, вы видели Беатрис? Он часто бродит по округе. Особенно когда её брат выпивает слишком много. А теперь — будьте хорошим мальчиком, дайте мне десять минут покоя — без призраков и приведений. Я хочу прочитать новости.

Ричард обиженно замолчал. Он был уверен, что дама под дождем ему не приснилась и не была плодом воображения, и уж тем более он не мог принять Беатрис за ночную незнакомку. Ему не терпелось продолжить разговор, но Роуз всем своим видом показывала, что не желает, чтобы её беспокоили. Она раздраженно перевернула газетный лист и вновь углубилась в чтение.

— Вас интересуют новости о забастовке? — вежливо спросил Ричард, но ответа не получил.

Скучая, он принялся рассматривать пейзаж за окном. Во время дождя все выглядело уныло, даже листва казалась серой. От серой массы сада отделилось серое пятно под серым зонтом и направилось к Энкер — Хаузу. Женщина! Женщина, закутанная в плащ, сгибающаяся чуть не вдвое от порывов ветра.

— Ого! — не выдержал Ричард. — А вот еще одна любительница бродить в непогоду. И как она не боится улететь вместе с зонтиком?

Роуз машинально взглянула в окно и бросила газету на стол.

— Сегодня ведь среда, как я могла забыть, — она поспешно допила чай и спрятала

чашку на полочку под столешницу. — Я исчезаю!

Она и в самом деле исчезла — юркнула в дверь, ведущую в библиотеку. И сделала это вовремя, потому что в ту же секунду появился Вилсон, вытянулся стрункой и сказал нараспев, глядя в потолок:

— Мисс Пруденс Бишоп!..

Ричард поспешно встал, чтобы приветствовать гостью. Ею оказалась женщина лет пятидесяти или чуть больше — полноватая, надменная, в шляпе-корзине, украшенной колосками, жаворонками и васильками, искусно сделанными из шелка, папье-маше и перьев. Правда, колоски уже утратили свою желтизну, васильки поблекли, а жаворонки порядком растеряли перышки, но мисс Бишоп носила этот головной убор с королевским величием. Она казалась бы симпатичной, если бы не крупный нос и тяжелый, породистый подбородок.

Гостья смерила Ричарда таким негодующим взглядом, что впору было спасаться бегством, подобно Роуз.

— Ричард Дюран, художник. К вашим услугам, мисс. Не присоединитесь ли...

Мисс Бишоп прикрыла рот круженным платочком и отвернулась, словно оказалась одной комнате с зачумленным:

— Вилсон! Доложите лорду Сент-Джонсу обо мне. Я пока подожду библиотеке. Я не могу находиться рядом с *иностранцем*!

И она прошествовала в библиотеку, вздыхая и ахая на разные лады. Ричарду оставалось лишь посочувствовать Роуз, которая выбрала крайне неудачное место для прятков. Закончив завтрак, он расположился в гостиной и занялся набросками, продумывая композицию новой картины. От работы его отвлек тихий стук в окно. За стеклом маячила знакомая кудрявая головка. Ричард поспешил открыть раму, девушка ловко запрыгнула на подоконник и оказалась в комнате.

— Видели ведьму? — спросила она, отряхивая кудри от капель дождя. — Готова поспорить, она с вами и разговаривать не стала.

— Не стала, — признал Ричард, с улыбкой смотря, как девушка приводит в порядок прическу. — Вам удалось избежать встречи с ней?

— Еще бы! Сначала спряталась за штору, а потом тихонько выскочила в окно. Не могла слушать её стенаний по поводу «оккупации иностранцев».

— Вы отважная!

— Это вынужденная мера, — скромно ответила Роуз.

— Чем вы так прогневили старую леди? Постойте, я догадаюсь. Слишком рьяно говорили в её присутствии о феминизме!

— Что-то вроде того, — Роуз смешалась, но Ричард не придавал этому значения. Он вернулся к рисункам, весьма довольный, что снова оказался в компании очаровательной барышни.

Девушка тем временем устроилась в кресле напротив, и вид у нее был крайне задумчивый.

— Мисс Ведьма пришла к сэру Джеймсу? — спросил Ричард.

— Да, она приходит каждую среду. Иногда к завтраку, иногда — на чай. Она — несостоявшаяся невеста младшего Сент-Джонса.

— Так это ей он предпочел француженку? — догадался Ричард. — Что ж, неудивительно. Я понимаю бедного парня.

— Не забывайте, что тогда мисс Бишоп было восемнадцать, — возразила девушка. — Мой дядя говорил, что её называли пикантной малышкой и считали очень милой.

— Значит, это предательство жениха так её изменило?

— Во всяком случае, она не пошла замуж за другого, и стойко перенесла сплетни после расторжения помолвки.

— Теперь вы её защищаете. Очень нелогично. И очень по-женски.

К его удивлению, Роуз не ответила на насмешку, а только вежливо улыбнулась.

Прошло несколько дней — неспешных, порой дождливых, но одинаково приятных. Ричард находил, что ему несказанно повезло очутиться в таком прекрасном месте. С утра он работал над полотном, если погода позволяла, а после чая гулял с Роуз, которая как раз освобождалась от работы. Они катались в коляске по побережью, бродили по розарию, беседуя обо всем на свете, ссорясь и мирясь по сто раз за полчаса. За ужином к ним присоединялся сэр Джеймс, но он почти не участвовал в разговорах — больше молчал, слушая молодых. В девять вечера лорд отправлялся спать, и Роуз убегала, чтобы дать ему лекарства или сделать укол.

Однажды утром, когда солнце осветило Энкер-Хауз особенно ярко, Вилсон передал Ричарду приглашение посетить галерею и проводил гостя в северное крыло. Там уже ждали сэр Джеймс и Роуз.

— Радуйтесь! — воскликнула девушка, выбивая пальцами дробь на спинке инвалидного кресла. — Сегодня вы попадёте в святая святых Энкер-Хауза! Руками ничего не трогать и не отставать от экскурсовода!

— Мисс Форест всегда шумит с утра, — заметил сэр Джеймс.

Ричарду показалось, что старый лорд особенно грустен, хотя и пытается это скрыть. Шаги их гулко отдавались под высокими сводами, а позади неслышно следовал Вилсон, держась поближе к стене, совсем, как крыса. Портьеры на окнах были приподняты, чтобы солнце могло осветить картины, висевшие на противоположной стене.

Коллекция картин поразила воображение художника. Больше всего здесь было работ импрессионистов — Моне, Сезанн, Ренуар, но попадались и полотна голландских художников. Две картины Яна Вермеера — женщина, режущая хлеб, и прачка. Несколько картин эпохи итальянского Возрождения в золотисто-красных тонах. Китайские картины на шелке — полупрозрачные цветы, девушка-пастушка, бредущая за отарой в тумане.

В конце зала висели портреты Сент-Джонсов. Хозяин, бывший до этого немногословным, начал долгий рассказ об истории рода Джонсов. Сэр Джеймс помнил наизусть биографию каждого из своих предков и рассказывал о них с нескрываемой гордостью.

Притихшая Роуз не вмешивалась, потому что видела, что гостя не на шутку увлекли рассказы о старине. Она скучала, но не осмеливалась заговорить. Что же касается Ричарда, он потерял всякое представление о времени, но в конце концов не выдержал и воскликнул:

— Как вам это удастся?! Вы помните каждого!

— Когда я был ребенком, отец приводил меня сюда три раза в неделю, — со скупой усмешкой ответил лорд, — и повторял то же самое, что вы сейчас слышите. Я буду помнить его слова, даже если забуду собственное имя. Вот это — мы с братом. Ему только-только исполнилось десять лет. Чарльз держит таксу, а мне велели взять книгу. Я хотел Буффа — так звали таксу, но отец не позволил. Старшему полагалось выглядеть умнее. Вы можете поверить, что у меня когда-то были золотые локоны?

Ричард не ответил. Его внимание привлекла другая картина. Она висела в самом углу, будто специально спрятанная подальше. Портрет женщины в широкополой шляпе, украшенной цветами и птицами, написанный в стиле импрессионизма — тонко, мазками, создававшими иллюзию вибрации. Но черты лица казались смазанными — полузакрытые глаза, похожие на черные щели, скорбный маленький рот, еле заметный румянец на впалых щеках. Что-то зловещее и застораживающее одновременно.

— Кто это? — спросил Ричард, не в силах оторвать взгляд от изображения.

— Это моя беспутная невестка, — ответил лорд. — Работа Чарльза.

— Он был очень талантлив, — сказал Ричард. — Её лицо так печально, и словно подернуто пеленой дождя.

— После всего, что она совершила, я хотел сжечь проклятый портрет, — сказал лорд незнакомым глухим голосом. — Но не смог. Это последняя работа Чарльза, он был одержим и картиной, и этой женщиной. В ней частичка его души.

— Вы хорошо поступили, — горячо сказал Ричард.

— До вас я никогда не обращала на неё внимания, — сказала Роуз. — А теперь разглядела, и скажу, что она меня пугает. От нее исходит зло и какой-то могильный ужас. Вы не находите? — она склонила голову к плечу, разглядывая картину. — Нет, она мне совсем не нравится. Я вообще не люблю безнравственных женщин. Прекратите на нее так глазеть, Ричард!

— Это всего лишь картина, её не стоит бояться, — резко сказал сэр Джеймс. — Вы ошибаетесь, мисс Форест. В работах моего брата не может быть ничего ужасного и могильного. Чарльз страстно любил жизнь. Как же несправедливо, что его любовь продлилась столь мало. Мне до сих пор больно от этого. И ведь именно я его погубил.

— Что вы говорите? — пробормотал Ричард.

Роуз невольно отдернула руки от инвалидного кресла.

— Это моя вина, — продолжал лорд, не замечая испуга молодых людей. — Чарльз всегда был неудачником. Сбежал из дома, уехал в Париж, чтобы стать художником. Постоянно впутывался в неприятности, постоянно просил денег, а мы всё прощали. Думали, со временем остепенится. Я надеялся, что брат женится на какой-нибудь милой девушке, у меня появятся племянники, и замок вновь наполнится детским смехом. А он женился на актрисе. На актрисе! — лорд издал сухой смешок, странным эхом прозвучавший под сводами. — Разумеется, она не хотела детей. Ребенок был для нее бременем, окончанием карьеры. Я промолчал бы, это не моё дело. Но она стала обманывать бедного Чарльза ещё до свадьбы. Я раскусил эту хитрую ведьму, хоть и не сразу. О да, она была красива! Только под красивой оболочкой скрывалось гнилое сердце. Ее звали Брижит. Разве Брижит — это имя для леди Сент-Джонс? А уж её поведение... Никаких манер, сплошное жеманство кокетство. Она не успокоилась и после замужества. Однажды я застал её с мужчиной. В саду, прямо у дома. Какое бесстыдство! Пригрозил рассказать обо всем Чарльзу. Я бы никогда так не поступил, ведь этот дурачок боготворил жену. Узнай он, что под личиной ангела скрывался дьявол — такое известие могло его убить. Я думал, невестка станет вести себя смирно из боязни быть разоблаченной, но... В ту же ночь она забрала вещи, фамильные драгоценности Сент-Джонсов — и исчезла. Чарльз места себе не находил, заявил в полицию, но беглянка не оставила следов. Спустя несколько лет я узнал, что её видели в Каире с каким-то греческим миллионером. Красива, весела, беззаботна, как и прежде. А тот тип, что был с ней в саду, тоже пропал, выехал из гостиницы. Чарльз долго искал жену, всё

не верил, что она могла его бросить. Утверждал, что с ней что-то случилось. Просто места себе не находил. А потом его нашли на скалах Вороньей кручи. Самоубийство. Еще одно позорное пятно на славной фамилии Сент-Джонсов. Какой стыд! Хотя... это уже не важно. Род исчезнет с моей смертью, и о них, — сэр Джеймс широким жестом обвел портреты предков, — о них забудут. Все мы уйдем во тьму. В черноту и мрак.

— Успокойтесь, хозяин, вам нельзя волноваться, — сказала Роуз, сочувственно глядя на старика. — Мы уже всё посмотрели, давайте, вернёмся? Я попрошу миссис Пауэлл сварить какао и почитаю вам Теннисона — вы ведь его так любите. Тем более, смотрите — стало темно. Похоже, опять будет дождь.

За спиной лорда она сделала Ричарду несколько выразительных гримасок, чтобы он почувствовал угрызения совести за то, что заставил старика вспомнить трагическое прошлое и задуматься о печальном будущем.

До вечера Роуз не отходила от сэра Джеймса, и Ричарду пришлось коротать время в одиночестве. Мысли его крутились вокруг портрета Брижит Сент-Джонс. С пугающей настойчивостью в памяти снова и снова возникало бледное лицо, похожее на маску. Он рано ушел к себе, долго валялся в постели и не мог уснуть, а посреди ночи проснулся от шума дождя. Часы пробили три раза.

Повинуясь непонятному чувству, Ричард подошел к окну и приподнял портьеру. Возле розового куста стояла темноволосая дама в белой ночной рубашке и обрывала цветы. Дождь так и хлестал, но женщина его словно не замечала.

— Сегодня ты от меня не уйдешь! — пробормотал Ричард.

Накинув халат и схватив зонт, он прямо в домашних туфлях помчался по лестнице вниз, чтобы поймать обманщицу Роуз. Он оказался на месте всего через пару минут, но успел увидеть лишь удалявшуюся белую фигурку. Бросившись следом, Ричард понял, что если девушка выйдет за пределы розария — её не найти в темноте, в заброшенном саду Энкер-Хауза.

— Пойдите, Роуз! Я вас видел! — крикнул он.

Она оглянулась через плечо, и Ричард остановился, как вкопанный. Это была не Роуз, а совсем другая женщина, и она поспешила скрыться, нырнув под вязы, склонившиеся ветвями до самой земли. Преследовать её не было смысла — попробуйте сыграть в прятки в заросшем саду, ночью, да ещё под проливным дождем. К тому же, Ричард порядком стухнул. А вдруг, в самом деле — призрак?..

Спотыкаясь, он вернулся в дом, нехотая вспомнив, что граф отпускает на ночь всю прислугу. Ну не глупо ли? Ему послышались осторожные шаги в коридоре. Ричард замер, но старый дом хранил гробовое молчание. Немного выждав, Ричард стал подниматься по лестнице на второй этаж и тут же снова услышал приглушенные шаги — будто кто-то пробежал гостиную по пышному восточному ковру. Поколебавшись, Ричард перегнулся через перила, пытаясь разглядеть — нет ли кого внизу, но комната тонула во мраке, только поблескивали медные шишечки на спинках кресел. Словно угадав его намерения, перебежчик затаился, но стоило Ричарду сделать шаг, как внизу тоже раздались шаги. После этого художник оказался в своей комнате быстрее, чем можно было прочитать детскую считалочку про Гектора-Протектора, и закрыл двери изнутри на засов.

Остаток ночи Ричард спал урывками, просыпаясь в странном волнении. В обрывках сновидений он преследовал призрачную фигуру, почти настигал её, но она ускользала, едва оглядываясь, и он замирал от радости и умиления, видя на короткий миг самое прекрасное

лицо на свете. В одно из пробуждений Ричард не выдержал — сел за стол и принялся по памяти рисовать лицо женщины под дождем. В его мыслях образ дамы был ярким, но в полной мере передать красоту незнакомки на бумаге он так и не смог. Он разорвал два наброска, скомкал и выбросил в корзину, досадуя на своё неумение.

Наутро он рассказал о происшествии Роуз. Разговор происходил, как всегда, за завтраком, и прелестная помощница графа так заинтересовалась, что даже отложила газету.

— Вы хорошо её разглядели? Даму в саду? — деловито осведомилась девушка. — Сможете узнать при встрече? Хозяину не понравится, что полуголые девицы разгуливают по его земле.

— Она была очень красивая, — взгляд Ричарда затуманился, едва он вспомнил ночную гостью. — Черные прямые волосы, огромные темные глаза, брови расположены близко к переносью, и кажется, что она немного хмурится... Прекрасный овал лица, верхняя губка более пухлая, чем нижняя, над правой бровью — родинка...

— В самом деле? — Роуз искоса взглянула на молодого человека и пробормотала: — Можно подумать, вы описываете себя в женской ипостаси!

Ричард не слышал. Он был захвачен ночным приключением, а ещё больше — таинственной дамой, любившей прогуливаться под дождем. Роуз постучала ложечкой по чашке, возвращая его в реальность.

— Вам точно не почудилось? Меня пугает, что вы говорите совсем как безумная Беатрис. Дождь, дама в белом... Потом начнете слышать крики тех, кого убивали пираты.

— Надеюсь, до этого не дойдет, — ответил Ричард с принуждённым смешком.

— Не знаю, не знаю, — протянула Роуз, рассматривая его нарочито внимательно. — Сейчас вы очень напоминаете некоего седовласого джентльмена, который думает об умерших гораздо больше, чем о живых людях. Поэтому я опасаясь, не станете ли вы похожи на некую седовласую леди, которая прыгает по горам и распевает песни о покойниках.

— Вы очень зловеще пошутили, — сказал Ричард.

— О! Извините, если напугала. Но в следующий раз, когда увидите посторонних на землях сэра Джеймса, лучше позовите Джейкоба, — и она развернула газету, словно отгородившись ею от всего внешнего мира.

В этот раз работа над картиной не приносила удовольствия, потому что мысли художника были заняты событиями прошедшей ночи. Но постепенно утро и творческий азарт сделали свое дело, и Ричард даже засвистел бравурный марш, особенно удачно изобразив солнечные пятна на черепице Энкер-Хауза. Лёгкие шаги за спиной заставили его рассмеяться:

— Вот и вы, Роуз! Взгляните, как вам... — он обернулся и замолчал. Перед ним стояла не Роуз, а безумная Беатрис. Склонив голову к плечу, она разглядывала картину.

— Художник, — сказала она. — Этого и следовало ожидать.

Сегодня Беатрис повязала шаль на бедрах, на цыганский манер, а корзинка в её руке была полна душистых трав — мяты, шалфея, базилика и петрушки. Выглядела она на редкость живописно, и Ричард предложил:

— Хотите, я вас нарисую?

— Рисуйте, — легко согласилась она, и села прямо на газон.

Ричард достал альбом и сангину и принялся за набросок. Беатрис держалась очень прямо и гордо, как ребенок перед фотографом.

— Сегодня вы ничего не поёте, — заметил художник.

— Я ведь позирую! — обиделась она.

Начало разговору было положено, и Ричард небрежно спросил, чтобы не испугать сумасшедшую:

— А кто такая Дама Дождя?

Беатрис взглянула на него насмешливым и глубоким взглядом, и Ричард на мгновение усомнился в её болезни, но последующие слова уверили его в обратном:

— Станные вопросы вы задаете, мистер. Кто же знает правду о Даме Дождя? Наверное, она — одна из жертв жестоких Джонсов. Из тех несчастных, кого сбросили со скалы. Обычно она приходит во время грозы, когда ливень такой, что пузыри на лужах. Я пробовала поговорить с ней, но она молчит и только плачет. Еще она приходит, когда хочет предупредить о чьей-то смерти.

— Вы часто ее видите? Даму Дождя?

— Она и сейчас здесь.

Ричард невольно оглянулся. Поляна была пуста.

— Я никого не вижу, — сказал он осторожно.

— Потому что вы слепы, — презрительно отрезала Беатрис. — Большинство людей не способны видеть дальше собственного носа.

Она многозначительно потрясла пальцем и несколько раз приложила его к собственному носу, потом подскочила и попыталась ткнуть в нос и Ричарда, он отстранился.

— Вы не верите, — сказала Беатрис отрывисто. — Это девчонка Форест наговорила на меня. Я не сумасшедшая. Я всё вижу и очень много знаю. Вы думаете, жестокие Джонсы изменились? Нет! Чёрная кровь не может очиститься. Все эти розочки, картинки — лишь для того, чтобы скрыть черные дела!

— Похоже, вы много знаете о семье Сент-Джонсов...

— О! Я знаю о них всё. И еще больше — помню. Думаете, они такие святоши? Е молодости вся округа стонала от их буйного нрава. Однажды избili викария — эти двое, братья, Джеймс и Чарльз. А однажды — подрались между собой, едва не до смерти!.. Кровь пиратов никогда не станет кровью святых! Молодая жена Чарльза тоже это поняла, поэтому и скрылась, исчезла, растаяла!.. Она бежала так быстро, что даже я не смогла догнать её!.. И их мертвецы никогда не обретут успокоения, их прах беспокоят до сих пор, и они стонут в холодном каменном склепе...

— Что вы болтаете, мисс Марвин! — раздался испуганный крик. Со стороны дома семенила миссис Пауэл. Белый передник взвился, как парус, а сама кухарка — красная и сердитая — схватила Беатрис за плечо, пытаясь увести.

— Простите, мистер Дюран. Я отправила её в огород за травами, а она забыла обо всём, да еще ругает хозяина. Вы должны быть ему благодарны, мисс Марвин. Он платит вашему брату и смотрит сквозь пальцы, как вы шныряете по его землям. Сейчас же пойдемте со мной. А вы, мистер, не слушайте эту полоумную.

Беатрис вывернулась из-под руки миссис Пауэл, как ящерица. Подобрав юбку, сумасшедшая отскочила на безопасное расстояние, показала кухарке язык и крикнула:

— А ты не умеешь готовить! Деревенщина! Деревенщина! Скоро кого-нибудь отравишь своей стряпней!

Кухарка ахнула и прижала ладони к пухлым щекам, а Беатрис принялась рассыпать траву из корзины, приплясывая и напевая какие-то песенки на диковом языке. Пение её

становилось все пронзительнее и перешло в вопли, от которых вороны испуганно слетали с ближайших деревьев.

В довершение всего появилась мисс Миллер. Некоторое время она наблюдала за происходящим с каменным лицом, а потом велела:

— Миссис Пауэл, будьте любезны, сходите за мистером Марвином. Пусть утихомирит сестру.

— Да, мэм. Хорошо, мэм, — пролепетала кухарка и поспешила уйти.

Ричард с сожалением развел руками, обращаясь к безумной Беатрис:

— Закончим рисунок в другой раз.

Та вдруг бросила корзину в экономку и заверещала, потрясая сухими кулачками:

— Ты это сделала из зависти! Тебя никто не любит и не рисует, ведьма! И Джейкобу ты не нравишься, можешь не облизываться на него, старая кошка!

Ричард пожалел, что не ушел вместе с кухаркой и поторопился собрать кисти.

В отличие от него, мисс Миллер не выказала смущения. Улыбка её оставалась вежливой и холодной, как и положено хорошо вышколенной прислуге:

— Что за бред, мисс Марвин? — сказала она. — Лучше успокойтесь. Сейчас придет ваш брат и отведет вас домой.

Ричард постарался удалиться незаметно. Уходя, он слышал, как Беатрис то выкрикивала проклятья Сент-Джонсам, то принималась петь песенку Офелии.

В этот же день ему представился отличный случай поговорить о Джонсах и так заинтересовавшей его Даме Дождя. Отправившись перед вечерним чаем за сигаретами в деревню, он встретил мисс Бишоп, которая направлялась в Энкер-Хауз с визитом. Ричард учтиво поздоровался, испросив позволения идти рядом, и после двух-трех дежурных фраз спросил о пиратском прошлом Сент-Джонсов и их предполагаемых жертвах. Это оказалось не самой лучшей темой для разговора. Мисс Бишоп побледнела, покраснела и излила на собеседника волны негодования.

— Какие мерзости вы говорите! — она так воинственно размахивала зонтиком, что художник предпочел отступить на шаг. — Всё это сплетни! И я даже знаю, откуда они. Эта негодница Форест распускает их. А вы и рады подхватить. Одно слово — иностранец!

Негодованию англичанки не было предела. Она быстро пошла по тропинке, всем своим видом изображая оскорбленное достоинство. Ричард попытался убедить её в невинности своих расспросов, а больше всего — в невиновности Роуз:

— Уверяю вас, я никого не хотел оскорбить. Просто слышал от Беатрис... от мисс Марвин...

— Если это — праздное любопытство, то тем более не следует говорить, о чём не знаете, — тонкие губы мисс Бишоп кривились, а васильки на шляпке трепетали, словно тоже были ужасно возмущены. — Да будет вам известно, что тот священник был еретиком. И его никто не избивал, просто попросили покинуть приход. Сент-Джонсы — благородный род, они никогда не опускались до драк. Один лишь раз между братьями вышла размолвка — когда Чарльз вернулся с этой актриской, расторгнув нашу помолвку, — женщина снова покраснела, было видно, что воспоминания до сих пор болезненны для неё, но желание пресечь сплетни оказалось сильнее неприятных воспоминаний. — Сэр Джеймс тогда вступился за меня. Он бы заставил Чарльза выполнить обязательства по отношению к моей семье, но брак уже был заключен. Я знаю, потом бедный Чарльз сожалел об опрометчивой женитьбе, и в последний свой вечер каялся перед братом, говорил, что не смеет просить у

меня прощения за предательство. Он всегда был глупым, Чарльз. Если бы он пришел ко мне, я бы простила. Слышите? — она посмотрела с вызовом. — Простила бы, несмотря ни на что. Но он предпочел смерть позору. Потому что благородство и честь у Сент-Джонсов в крови. И я не позволю вам чернить память Чарльза. Не упоминайте больше о Даме Дождя, не хочу слышать о ней. Призракам не место на земле, Призраки должны исчезнуть. Пусть и она исчезнет. Бывает так, что те, кто внезапно умирают, заслуживают смерти. А если станете беспокоить сэра Джеймса бестактными расспросами, я пожалуюсь в полицию!

Ричард остался стоять над обрывом, вертя в руках шляпу. Как некрасиво получилось. Он и вправду проявил бестактность и получил гневную отповедь. Удалявшаяся мисс Бишоп держалась так прямо, словно небеса тянули её за невидимую ниточку, крепившуюся к макушке. Ричард закурил, решив не догонять старую деву. Лучше пропустить чай, чем давиться плюшками под презрительным взглядом дамы с колосками и жаворонками. Он прогулялся по Вороньей Круче, наслаждаясь высотой и ветром. Воронье кружилось над скалами, и их сухое карканье отдавалось многократным эхом. Роуз говорила, что это — совсем и не вороны, а кельтские мятежники, которых сбросили с обрыва. Воображение живо нарисовало Ричарду такую картину — голоногие римляне в перистых шлемах подталкивают копьями связанных бородатых галлов, которые хохочут, издеваясь над победителями — ведь те считают, что лишают их жизни, а на самом деле отправляют для нового рождения. Шаг, еще шаг — и вот уже тела летят вниз, чтобы разбиться о прибрежные скалы или упасть в море и камнем пойти на дно. Все это представилось Ричарду так ярко, что он даже услышал крик одной из жертв. Очнувшись от размышлений, он огляделся. Дорога до деревни была пуста, буковая рощагнулась под порывами ветра с моря, воронье так же кружилось, каркая и хлопая крыльями. Но тонкий крик всё ещё звучал в ушах и был почти реален.

— Мечтайте, но не слишком, чтобы с ума не сойти, — прошептал Ричард, припоминая слова месье Бессе, учителя живописи. В таком месте, как Энкер-Хауз, это изречение приобретало, поистине, мистический смысл.

Постояв ещё сколько-то, он направился к усадьбе. Чтобы не столкнуться с мисс Бишоп, прошёл через покосившуюся калитку в саду. Калитку ему показала Роуз в одну из последних прогулок. Сказала, что мало кто знает этот путь, а сама она частенько ходит здесь — так быстрее добраться до деревни, минуя главные ворота.

Снова начал накрапывать дождь — погода в Англии менялась так часто, что Ричард вынужден был признать мудрость мисс Бишоп, которая всегда носила с собой зонт. Добежав до усадьбы, он столкнулся в холле с Вилсоном. Тот очень милостиво принял извинения и сообщил, что молодого человека ждут в гостиной. Лорд Сент-Джонс уже спустился.

— Поторопитесь, мистер Дюран, — добавил Вилсон с полупоклоном. — Похоже, это будет весьма запоминающийся обед.

Ричард замешкался, раздумывая над словами дворецкого. Роуз была права — неприятный человек этот Эйбл Вилсон. И имя святого ему совершенно не подходит. Он прекрасно смотрелся бы в образе братоубийцы Каина, или — того лучше — в образе Амана, замыслившего погубить половину страны.

Всё стало понятным, едва он зашел в гостиную. В кресле напротив лорда Сент-Джонса восседала мисс Бишоп. Она даже головы не повернула в ответ на приветствие, и холодно сказала:

— Я поспешила, приняв ваше приглашение, сэр Джеймс. Вам лучше отобедать без меня. Сент-Джонс закашлялся, скрывая (как показалось Ричарду) усмешку, и примирительнс

сказал:

— Останьтесь, дорогая Пруденс, вы же знаете, мне приятно, когда вы рядом. У меня сейчас не так много радостей в жизни. Возможно, пообщавшись с Диком, вы измените мнение об иностранцах. А немного позже к нам присоединится и Роуз, я отправил её с поручением. Она скоро вернется.

Мисс Бишоп позволила себя уговорить и осталась, но сидела с непроницаемым видом и цедила слова сквозь зубы. Лорду Сент-Джонсу никак не удавалось ее разговорить. Ричард благоразумно помалкивал, боясь рассердить даму ещё больше. Миссис Пауэлл собирала на стол, и выставленные закуски выглядели очень аппетитно, украшенные зеленью, зеленым горошком и молодыми овощами.

— Давайте выпьем, — предложил сэр Джеймс. — Ничто так не поднимает настроение, как старый английский пунш с ромом. Дик, мальчик мой, налейте нам по стаканчику, будьте любезны.

Ричард с готовностью подхватил «стаканчики» — хрустальные бокалы на тонких ножках, и серебряный ковш. В огромной круглой чаше, заполненной до краев напитком рубинового цвета, плавали апельсиновые корки и дольки лимона.

— Миссис Пауэлл делает прекрасный пунш, — сказал сэр Джеймс, когда Ричард поднес бокал мисс Бишоп. — Вам он всегда нравился, Пруденс. Я помню.

— Вы правы, — мисс Бишоп немного смягчилась. — Я даже взяла у нее рецепт. Сейчас так трудно найти хорошую повариху...

Ричард оценил маневр, с которым Сент-Джонс повернул разговор в приятное для собеседницы русло. Сам он решительно ничего не понимал в вопросах прислуги, но мастерство миссис Пауэлл уже успел оценить. Подав бокал лорду, он налил пунша и себе. Напиток пах индийскими пряностями — корицей, гвоздикой, и чем-то незнакомым, но приятным.

За дверью зазвенел знакомый голосок, и Сент-Джонс подмигнул Ричарду:

— Вот и мисс Форест вернулась. Сейчас вам будет повеселее, Дикон.

Роуз ворвалась в гостиную, подобно порыву свежего ветра. В просторной комнате сразу стало тесно — девушка шумно поздоровалась с мисс Бишоп, поправила плед, укрывавший ноги старого лорда, и принялась подшучивать над Ричардом.

— Вы как хотите, хозяин, — заявила Роуз, выхватывая бокал у Ричарда, — а я заберу вашего гостя. Над морем радуга! Он должен увидеть её, чтобы Энкер-Хауз на картине заиграл красками! И не спорьте со мной! Нет, нет, нет!

Ричард не успел опомниться, как оказался в коридоре, а девушка, хохоча, увлекала его вниз по лестнице, через холл — к выходу из дома.

— А знаете, я рад, что вы появились и похитили меня, — сказал Ричард, когда они остановились возле розария. — И ведь дело вовсе не в радуге, верно? Вы пришли спасти меня от презрения мисс Бишоп. Как вы узнали, что я вызвал гнев её светлости?

— Даже не думала об этом. А что произошло? — Роуз перестала изображать из себя милую шалунью, и теперь глаза её смотрели спокойно и внимательно.

Они шли по затененной аллее, соприкасаясь плечами и укрываясь одним зонтиком. Шляпка на голове девушки съехала на затылок, а шляпная булавка высунулась наполовину, грозя вывалиться, но Ричарду и это казалось очаровательным. Он в подробностях пересказал разговор с англичанкой, со смехом копируя интонацию старой девы. Но Роуз почему-то не смеялась.

— Да, вы правы, сидеть нос к носу с такой непримиримой особой — тут и до беды недалеко, но я вас увела совсем по другой причине, — сказала она, и её голос показался Ричарду грустным. — Лучше оставить их одних. Мисс Бишоп утверждает, что до сих пор живет памятью о неверном женихе, но мне кажется, она давно забыла его, и теперь все её помыслы не с младшим братом, а со старшим. Кто знает? Может, они решат соединить свои жизни. Прожить вместе последние дни и взойти рука об руку на небо — это не самая плохая судьба.

— Теперь вы говорите, как каноник, — заметил Ричард.

Роуз покраснела жарко и мимолетно, но не смутилась, а воинственно вскинула голову:

— Можете смеяться сколько угодно, а я испытываю к мисс Бишоп приязнь. Да-да! И восхищаюсь её мужеством. Не так-то просто быть отвергнутой невестой в маленьком городке.

Ричард замолчал, присмирив. Молодые люди вышли к Вороньей Круче и пошли по краю обрыва. Небо прояснилось, но море волновалось белыми «барашками», а ветер тут же растрепал прическу Роуз. Глядя на горизонт, она заправила выбившийся локон за ухо. Неожиданно для самого себя, Ричард коснулся пальцем крепкого девичьего ушка, такого бархатисто-нежного на ощупь. Роуз вздрогнула от неожиданности:

— Эй! Что это вы делаете?

«...вы делаете?.. делаете?..» — отозвалось на скалах, а потом эхо заверещало уже знакомым голосом:

— Что вы делаете, жестокие Джонсы! Что вы делаете?! — лохматая голова сумасшедшей Беатрис показалась над обрывом. — Он мертв и ушел, леди!.. Он мёртв и ушёл!.. Жестокие Джонсы! Лживые Форесты! Художник, беги, пока жив!..

— Уйдем, — сказала Роуз тихо, но твердо, увлекая Ричарда в сторону.

Крики позади них прекратились так же внезапно, как и начались. Оглянувшись, Ричард не увидел безумной Беатрис, она словно растворилась в воздухе.

— Жутко, правда? — произнес он. — Думаете, мисс Марвин не свалилась с обрыва?

Роуз пожала плечами. Ричард наклонился, чтобы поймать её взгляд, и только сейчас заметил, что веки у нее припухли.

— Вы плакали? — спросил он взволнованно.

Девушка отмахнулась:

— Что вы! Я никогда не плачу. Просто слишком быстро ехала из Торки в Энкер-Хауз, ветер бил в лицо.

— И опять загнали лошадей? — пошутил Ричард.

— Я ехала на мотоцикле.

— Вы и это умеете?! О, современные барышни...

— Нет, не умею. Меня подвез старый знакомый, а запасных очков у него не было, — призналась Роуз, и на щеках её заиграли ямочки.

Ричард собрался порасспросить о «старом знакомом», как вдруг Роуз замахала рукой и бросилась к высокому мужчине с седыми усами, в дождевике и тяжелых сапогах. Ричард с некоторой досадой наблюдал, как она повисла мужчине на шею и расцеловала в щеки вовсе не с английским темпераментом.

— Это мой милый дядюшка, — сказала Роуз, когда Ричард подошел ближе. — А это — тот самый художник, которого выписал хозяин.

— Мистер Страшный-иностранец-француз? — мужчина крепко пожал Ричарду руку.

Голос у него был низким и раскатистым. — Я — Томас Форест, дядя и опекун этой мисс, что поднимает шум всюду, где появляется.

— Почему бы вам не зайти к нам в гости, мистер Дюран? — Роуз положила голову на плечо дяди и лукаво посмотрела на Ричарда. — Не обещаю таких вкусных булочек, как у миссис Пауэлл, но чай я завариваю ничуть не хуже.

Дом у бывшего садовника был небольшим, всего в три комнаты. Было здесь чисто, но пусто, как будто в музейной комнате.

— Я — вдовец, — объяснил мистер Форест, раскуривая трубку, пока Роуз кипятила воду и бросала в чайник кусочки индийского прессованного чая. — Когда умерла миссис Форест, я дал слово, что больше в моем доме не будет хозяйки. И как видите, держу его, — он громко и не к месту расхохотался. — Здесь не так уютно, как в Энкер-Хаузе или у миссис Нортон, но мне нравится. Сам себе хозяин — бросаю грязные сапоги куда вздумается, и никто не пилит меня за табак, рассыпанный по полу.

— Так ты совсем одичаешь, дядюшка. Люди начнут тебя бояться и обходить наш дом стороной.

— Пусть боятся, — сказал Форест. — Меньше гостей — больше серебряных ложек, как поговаривал мой дед.

— Дядюшка страшно гордится своими ложками, — объяснила Роуз, разливая чай из серебряного викторианского чайника. — Почти так же, как сэр Джеймс — розами. У старичков всегда есть милые страстишки.

— Эй, племянница! — загремел Форест. — Не такой уж я и старик!

— Конечно, дядюшка! А зачем ты ходил в Энкер-Хауз? — спросила она, усиленно моргая Ричарду, словно предлагая поучаствовать в шалости. — Наверное, проводывал миссис Пауэлл?

— Ничего подобного! Всего лишь хотел посмотреть, что творится в цветнике у хозяина, там ведь и моей работы немало.

— Надо же, — невинно заметила Роуз, — мы уходили как раз через розарий, но тебя не видели...

Бывший садовник вспыхнул так же жарко и быстро, как его племянница.

— Ты — легкомысленная, глупая девчонка! — проворчал он. — Не верьте ей, мистер. Она обожает играть, но порой заигрывается. Боюсь, кончит так же, как невестка хозяина.

— Дядя! — воскликнула Роуз. — неужели даже при госте...

— Что вы имеете в виду, говоря о невестке сэра Джеймса? — перебил ее Ричард.

— Такие женщины всегда находят кучу неприятностей, — буркнул Форест.

— Расскажите, что вам известно? Не знаю почему, но эта история ужасно занимает меня.

— Опять эта безнравственная женщина! — Роуз молитвенно воздела руки и умчалась в кухню.

— Она всех занимает, — усмехнулся бывший садовник. — Только не подумайте, мистер, что история и впрямь такая загадочная. Обыкновенное дело — молодая жена находит любовника и смывается с имуществом олуха-мужа. Просто наша деревушка — очень скучное и унылое место, и если что-то случается, то об этом помнят лет сто, не меньше. Однажды Мелтон — у него дом был как раз напротив нашего — шел из кабачка пьяный вусмерть, оступился на мосту и упал в ручей. Глубины там — по колено, но ему хватило. Взял и утонул. Так чего потом только не рассказывали наши престарелые девственницы!.. И

что его спихнула жена, а сама села сверху и сидела, пока он не захлебнулся; и что он погнался за молоденькой Дикси Хейз, остуился, брызнулся головой и вышиб себе мозги; были даже такие, кто болтал, что Мелтон выследил волка-оборотня и умер от страха, свалившись с мостков. Поэтому и историям про невестку графа надо верить ровно настолько же. Там всё было просто и понятно, можете мне верить, я знаю, что говорю. Я ведь работал там садовником. Невестка хозяина сбежала с любовником и прихватила драгоценности — вот что правда. В ночь перед побегом я видел ее в саду, возле Энкер-Хауза. Она целовалась с мужчиной. И это точно был не бедняга Чарльз. Я тогда не предал этому значения — знаете, мистер, хороший слуга должен быть слеп, глух и нем, вот я таким и был. Но мне все равно пришлось обо всем рассказать полиции, когда хозяин заявил о краже. Она неплохо поживилась, эта французская певичка. Точно, она же из Франции! Не ваша родственница? А, мистер? — он громко захохотал и хлопнул Ричарда по плечу. — Ладно, не обижайтесь. Это так, шутка. Сразу видно, что вы хороший парень. Не позволяйте моей племяннице вас одурачить. Она умеет вскружить голову, когда ей это выгодно.

— Дядюшка! — обиделась Роуз, но он только по-отечески потрепал ее по макушке.

Возвращаясь в усадьбу, Роуз взяла Ричарда под руку. Он чувствовал ее горячую ладошку на запястье.

— Пусть вас не пугает дядина грубость, — говорила девушка. — Он очень хороший и добрый. Просто не любит нежностей и слишком боится, чтобы я не свернула на дурную дорожку. Но я не сверну, можете мне поверить. Я же не глупенькая восторженная девочка, у меня есть цели в жизни и...

— Помню, помню, — сказал Ричард, покачивая ее руку на сгибе локтя. — Пирамиды, Амазонка, Памир.

— Вот, вы всё прекрасно понимаете, — прыснула Роуз.

Ричард вдруг остановился, прислушиваясь.

— Что такое? Почему вы так побледнели? Увидели призрака? — затормошила его девушка.

— Мне показалось, кто-то кричал...

— Кричал?! — Роуз склонив голову к плечу, как птичка и даже приоткрыла рот, чтобы лучше слышать. — Я ничего не слышу. Вам не почудилось?

— Может и почудилось. Вчера я стоял на Вороньей Круче и вспоминал ваши рассказы про казненных кельтов, и готов был поклясться, что слышал их предсмертные крики...

— Фу, вы пугаете меня! — девушка погрозила ему пальцем. — Не надо верить всем старым сказкам. Чаще всего они — просто ложь, выдумка.

— Да вы правы, — Ричарду стало смешно. — Надо поскорее заканчивать картину и возвращаться в старую добрую Францию, пока мне не пригрезилась тень отца Гамлета.

Роуз посмотрела на него с непередаваемым выражением:

— Я буду очень скучать, когда вы уедете. Очень-очень-очень...

Они пришли к усадьбе, когда почти стемнело. Роуз напоследок дернула Ричарда за волосы и сказала:

— Спокойной ночи! Побегу, пока миссис Пауэлл на заперла двери, а то придется стучаться до полуночи.

Она вприпрыжку помчалась к флигелю, оборачиваясь на ходу и махая рукой на прощанье.

Подождав, пока Роуз взбежит на крыльцо и закроет дверь, Ричард поднялся к себе,

стараясь ступать осторожно, чтобы не нарушить жутковатую тишину дома. Засыпая, он загадал сон про мисс Форест, но ему приснилась безумная Беатрис, кричавшая: «Беги, художник! Беги, пока жив!»

Это утро началось совсем не так, как предыдущие. По коридору кто-то пробежал, то ли всхлипывая, то ли причитая. Потом топот раздался на главной лестнице. Потом слышались рыдания миссис Пауэлл и холодный голос экономки. Слов Ричард не разобрал, но судя по интонации, мисс Миллер выговаривала кухарке. Зазвенел хрустальный голосок Роуз, и на этот раз звенел он тревожно. Что-то случилось? Ричард вскочил и стал торопливо одеваться.

Спустившись, он увидел Роуз, одиноко сидевшую на подлокотнике кресла.

— Хозяину стало плохо ночью, — сказала она. — Вилсон пришел утром, как обычно, а хозяин лежит без сознания. Съездили за доктором, он сейчас там...

— Не беспокойтесь раньше времени, — попытался ободрить девушку Ричард, и она вдруг бросилась к нему и прижалась крепко-крепко, спрятав лицо на его груди. Они простояли так всего несколько мгновений, но у Ричарда перехватило дыхание. Роуз снова села на подлокотник, приглаживая волосы и избегая смотреть на Ричарда, стесняясь выказанной слабости. Со стороны кухни появились заплаканная миссис Пауэлл и как всегда невозмутимая мисс Миллер. Дверь наверху хлопнула, и по лестнице спустился мужчина средних лет в сопровождении Вилсона, который держал в вытянутых руках медицинский чемоданчик.

— Как чувствует себя милорд, мистер Нил? — спросила экономка. Остальные замерли в ожидании ответа.

— Сильное пищевое отравление, но сейчас с ним всё в порядке, — доктор ободряюще кивнул. — Хорошо, что он плотно пообедал, а ночью началась рвота. Я промыл ему желудок, и теперь только покой и диета. В течение недели постельный режим, молоко, легкий куриный бульон, жидкая овсянка, тефтели на пару, как можно больше несладкого шиповникового отвара. Я загляну завтра утром, а если будет хоть малейшее ухудшение, немедленно зовите меня.

Доктор попрощался, Вилсон отправился его провожать. Роуз сидела, уронив на лицо волосы, очень задумчивая и молчаливая, что было на неё совсем не похоже.

— Пойду, разберу корреспонденцию, — сказала она, резко вскакивая. — Уже почти одиннадцать, хозяин будет недоволен, если опоздаю.

— Доктор рекомендовал покой, — сухо напомнила мисс Миллер.

— Вы лучше меня знаете, что хозяин ненавидит болеть. Уверена, он в постели не задержится, — Роуз скорчила гримаску в сторону экономки, расцеловала кухарку и помахала Ричарду.

Она оказалась права — после обеда лорд Сент-Джонс при помощи Вилсона спустился в розарий. Ричард подошел осведомиться о здоровье, и сэр Джеймс поболтал с ним несколько минут. Выглядел он ужасно: черты лица заострились, щеки запали, а кожа приобрела серовато-зеленый оттенок. Теперь Сент-Джонс больше всего напоминал мумию, о которых мечтала Роуз.

В половине пятого миссис Пауэлл ударила в гонг, напоминая, что близится время чая. Роуз помогла Ричарду занести художественные принадлежности и убежала в кухню, помочь накрыть на стол.

— Миссис Пауэлл ужасно переживает, — сказала она Ричарду по секрету. — Боится,

что хозяин рассчитает ее. Сейчас не лучшие времена, прислуге платят мало, да и бедняжка не в том возрасте, чтобы кочевать из дома в дом. Если будет подходящий момент — замолвите за нее словечко. Хорошо, мой дорогой?

Девушка убежала, а Ричард замер столбом посреди коридора, раздумывая, были ли последние слова английским устоявшимся выражением, или Роуз вложила в них особый смысл. От размышлений его отвлек треск мотоцикла. Кто-то подъехал почти к самому крыльцу, взбежал по ступеням и требовательно постучал. Открыть было некому, поэтому Ричард сделал это сам. За дверью стоял молодой человек в твидовом пиджаке, военных штанах-галифе и в клетчатой кепке. У него были светлые пронзительные глаза и искривленный нос, когда-то сломанный.

— Вилсон... — начал он, но замолчал, увидев, что ошибся.

— Вилсон сейчас спустится, он наверху, у сэра Джеймса, — пояснил Ричард, переводя взгляд на мотоцикл. Не это ли тот «старый знакомый», с которым Роуз ездила в Торки?

— А вы — тот самый иностранец, который рисует картинки? — словно прочитав мысли, поинтересовался гость. Не дожидаясь ответа, он деловито заставил Ричарда посторониться и вошел, стягивая перчатки — все в машинном масле. Перчатки он бросил на столик в прихожей, ничуть не заботясь о белоснежных салфетках. — У вас акцент и длинные волосы — довольно необычно для нашего захолустья. Между прочим, у нас не слишком жалуют иностранцев.

— Да, мисс Бишоп любезно дала мне это понять, — ответил Ричард, стараясь обратить всё в шутку. Надо ли говорить, что владелец мотоциклета ему совсем понравился.

— Мисс Бишоп... — молодой человек почесал бровь, словно подыскивая нужные слова.

В это время показалась Роуз с подносом, заставленным чашками, блюдам баночками и кувшинчиками. Увидев гостя, она остановилась, как вкопанная. Ричард втайне порадовался, что девушка, похоже, не слишком рада встрече.

— О, Роза! Хорошо, что ты здесь. Зови всех, у меня разговор, — молодой человек небрежно забрал у девушки поднос и поставил на стол, а сам развалился в кресле, забросив ногу на ногу.

— Что случилось, Брайан? — спросила Роуз, не трогаясь с места.

— Я не представился мистеру художнику, — сказал гость, проигнорировав вопрос. — Брайан Фокс, инспектор, отдел территориальной полиции в Девоне. Роза, не трати время, я хочу видеть всех. А вы присаживайтесь, мистер художник. К вам тоже будет пара вопросов.

— Его зовут Ричард Дюран, — сказала Роуз спокойно. — И не пытайся вести себя похамски, Фокси, тебе это не идет.

Она круто развернулась и исчезла в кухне. Инспектор проводил девушку взглядом. Заметив, что Ричард наблюдает за ним, он счел нужным пояснить:

— Мы выросли вместе, наши дома расположены по соседству. Роза — та ещё штучка, верно?

Ричард промолчал, усаживаясь в кресло.

Вместе с Роуз появились мисс Миллер и миссис Пауэлл, чуть позже вошел Марвин и встал в сторонке, переминаясь с ноги на ногу, и явно чувствуя себя неловко. Не было только лорда Сент-Джонса, но и он не заставил себя ждать. Вилсон помог ему спуститься вниз по лестнице, и застыл за спинкой инвалидного кресла.

— День добрый, сэр Джеймс, — приветствовал инспектор, — мне тут сказали, что вы вроде как отравились вчера за ужином?

— Легкое недомогание, ничего больше, — ответил граф после некоторого молчания. — С вашей стороны очень мило придти осведомиться о моем здоровье.

Инспектор Фокс вспомнил о кепке и снял её, пригладив светлые, торчащие «ёжиком» волосы.

— Не стоит благодарности... Мне бы хотелось знать, что послужило причиной отравления? Какие-то несвежие продукты?

Кухарка всхлипнула и лихорадочно затеребила оборки передника. Мисс Миллер смерила ее взглядом и сказала:

— Вчера в меню были тушеные грибы. Думаю, в этом месяце вы не получите плату за службу, дорогая миссис Пауэлл.

Миссис Пауэлл разразилась слезами:

— Это ужасно несправедливо! — воскликнула она. — Я могу поклясться, что с грибами всё было в порядке! Возможно, дело в консервах! Я отправила Марвина в лавку, потому что хозяин хотел песочные корзиночки с кальмарами, а Марвин купил консервы!

— Правда? Вы подали к столу *консервы*? — холодно спросила мисс Миллер.

— Это были хорошие консервы... — поспешил вставить слово Марвин. — Я смотрел срок годности...

Инспектор с интересом слушал, поглядывая то на кухарку, то на конюха, то на экономку.

— Это все из-за кальмаров, — слезы вновь потекли по пухлым щекам миссис Пауэлл. — Насчет грибов я клянусь...

— За кухню отвечаете вы, а не мистер Марвин, — сказала экономка, и Ричард понял, что ей нравится отчитывать женщину.

— Сколько шума из-за простого недомогания, — сказала Роуз. — С пожилыми людьми такое часто происходит. Вспомните старую Пиффи Микколз, она страдала расстройством желудка каждую неделю. Я уверена, что и грибы, и кальмары были в полном порядке. Мисс Бишоп...

Инспектор Фокс вскинул палец, прося слова:

— Собственно, я не всё вам сказал. У меня плохие новости. Мисс Бишоп скончалась сегодня в полдень. Предположительно — пищевое отравление.

Раздался грохот — миссис Пауэлл упала в обморок, подхватить её не успели. Инспектор невозмутимо наблюдал, как кухарку укладывают на диван и подносят нюхательные соли, чтобы привести в чувство.

— Лучшее уведите её и дайте успокоительное, — посоветовал он. — Но не снотворное, мне нужно с ней поговорить, — он повернулся к Сент-Джонсу, который услышав новость, осунулся еще больше. — Надеюсь, вы не против?

— Мы в полном вашем распоряжении, инспектор, — глухо ответил сэр Джеймс, который выглядел совсем раздавленным. — Бедная Пруденс... Её брату уже сообщили?

— Да, отправили телеграмму, — Фокс вытянул ноги, разминая мышцы.

Роуз, отводящая миссис Пауэлл в ее комнату, вернулась и села поближе к Ричарду.

— Если бы вы не увели меня вчера, — тихо сказал он, — кто знает, не ждала бы нас участь мисс Бишоп? Вы мне жизнь спасли.

— Вы слишком остро воспринимаете случившиеся, — ответила Роуз, невозмутимо разливая чай. — Возьмите тартинку с паштетом, я сама готовила. Пейте чай, пока не остыл. Хозяин, вы будете?..

Лорд Сент-Джонс от чая отказался. Ричард послушно взял чашку, но не смог сделать ни глотка. Инспектору чая никто не предложил, но он не обиделся, а продолжал наблюдать за обитателями Энкер-Хауза, засунув руки в карманы пиджака.

— Скорее всего, обычный несчастный случай, — продолжала Роуз.

— Вы в самом деле так думаете? — вежливо спросила мисс Миллер.

— А вы думаете иначе? — еще вежливее отозвалась Роуз.

— Вилсон, закажите корзину белых лилий, и срежьте самых красивых роз, — сказал лорд Сент-Джонс. — Пруденс любила лилии.

— Разрешите, я сделаю это, хозяин, — сказала Роуз.

Он поднял на нее невидящие глаза и рассеянно кивнул.

— Я хотел бы осмотреть кухню и забрать вчерашние грибы и консервы, — сказал инспектор.

— Какая досада, — заметила мисс Миллер, — но мы уничтожаем оставшуюся еду. Боимся крыс.

— Вот как, — инспектор Фокс многозначительно кивнул. — В таком случае, найдите уголок, где бы мне побеседовать со всеми вами?

— Кабинет прекрасно для этого подойдет, — сказала мисс Миллер. — Следуйте за мной.

Беседа и в самом деле быстро закончилась. Ричард тоже получил свою порцию вопросов. Особенно инспектора заинтересовал тот факт, что со злополучного обеда Ричарда увела Роуз.

— Ух ты! Как интересно всё получается! — сказал Фокс, раскуривая сигарету. Вторую он предложил Ричарду, но тот отказался.

— Не понимаю, что тут интересного. Как сказала мисс Форест — несчастный случай, обыкновенное отравление несвежими продуктами. В конце концов, мисс Бишоп могла что угодно съесть после обеда в Энкер-Хауз. А случившееся с сэром Джеймсом — просто досадное совпадение.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Фокс почесал за ухом и задумчиво пнул ножку стола.

— Знаете, мистер художник, — сказал он доверительно, — я не слишком верю в совпадения, случайности и роковые обстоятельства.

— Но вы же не думаете, что имело место преступление! — запротестовал Ричард. — Зачем кому-то умышлять на безобидную старую деву, пусть и с желчным характером!

— Вы забываете о Сент-Джонсе, — парировал инспектор, благожелательно улыбаясь. — Он не старая дева, богат и влиятелен. А насчет мисс Бишоп... Вы удивитесь, но мне встречались убийства и более невинных людей, в том числе и милых старушек.

Ричард уставился на него с неподдельным ужасом, и Фокс дружески похлопал его по плечу:

— Не впадайте в панику. Мы пока не знаем, имело ли место преступление. Вероятней всего, несчастный случай. Вы свободны, идите.

После того, как треск мотоциклета инспектора Фокса затих вдали, Роуз и Ричард по заведенному правилу отправились прогуляться. Чтобы успокоить нервы, как выразилась Роуз. Она шла молчаливая, а Ричарду не терпелось поговорить.

— Что вы думаете об этом субъекте? Инспекторе Фоксе? — спросил он.

— О Брайане? Ничего не думаю. Почему вы спрашиваете?

— Мне он показался неприятным человеком.

— Да, многие так считают. На самом деле, Брайан — очень честный и прямолинейный. А это мало кому нравится. Знаете, в детстве он был отчаянным озорником. Мать воспитывала его одна. Она держала бар в деревне. Фокси постоянно крутился возле посетителей. А кто ходит в бар — сами понимаете. Многие тогда говорили, что от него толку не будет — начал играть в карты, курил, дерзил священнику. А он решил стать полицейским. У него была татуировка, вот здесь... — Роуз ткнула себя в левое предплечье, — весьма неприличного содержания. Чтобы пройти отбор, он свел татуировку — раскалил железную полоску и прижег. Он всегда знал, чего хочет, и всегда этого добивался.

— Послушать вас, так он — герой! — Ричард был глубоко уязвлен похвалой инспектору, а еще больше — тем, что Роуз была осведомлена о татуировках на его теле.

Она угадала его недовольство и усмехнулась:

— А вы считаете, что все люди делятся лишь на героев и антагонистов? Вы удивитесь, но даже в самом отвратительном человеке можно найти что-то хорошее, а у каждого благородного героя обязательно обнаружатся свои черные тайны.

Нечто новое было в её тоне, и во взгляде, и в усмешке. Ричарду стало не по себе, и он постарался придать разговору шутливую нотку:

— Вы готовы разглядеть положительные стороны даже в натуре мисс Миллер?

— Ох уже эта мисс Миллер! Да, и в её сердце могут обитать светлые чувства. Знаете, Ричард... только это строжайший секрет! понятно?.. Она ведь влюблена в нашего Марвина. Но понимает, что ответа не будет. Это так печально...

— Вы — удивительная, — вырвалось у Ричарда.

Девушка сделала вид, что не слышала его слов, рассматривая горизонт. Они вышли к Вороньей Круче, и теперь соленый ветер бил в лицо, едва не сбросив шляпку Роуз. Выглянувшее из туч солнце заставило Ричарда зажмуриться, а потом опустить глаза.

— Взгляните, что это там, внизу? — спросил он, указывая на скалы у самой кромки воды.

Роуз осторожно вытянула шею:

— Ничего не вижу. Вы увидели русалку? Говорят, раньше их было много возле здешних берегов.

Ричард не успел ответить. Нахлынувшая волна подкинула что-то корявое, нелепое, повисшее безжизненно и жалко, облепленное промокшим старомодными кружевами. Роуз вскрикнула.

— Это... это... Беатрис Марвин, — еле выговорила она.

— Она всё-таки упала с обрыва, — Ричард сбросил пиджак, чтобы удобнее было спускаться. — Бегите в деревню, приведите доктора!

Но Роуз вдруг вцепилась в него, как кошка:

— Не смейте! Я вас не пущу! — глаза у нее были безумные, шляпка свалилась, черные кудри рассыпались. — Скалы здесь очень опасны! Нет, нет! Вы никуда не пойдете!

— Пустите! Может, она еще жива, — Ричард пытался разжать пальцы девушки, но сделать это было не так-то просто.

— Ей уже ничем не помочь! Неужели вы не видите?! Я не позволю вам рисковать ради никчемной, спятившей старухи! — вопила Роуз. — Пойдемте в деревню вместе, вызовем полицию!

— Не глупите, — он встряхнул ее, приводя в чувство. — Пулей летите к мистеру Нилу и тащите его сюда. А за меня не беспокойтесь.

И не обращая внимания на причитания, он принялся спускаться. Это оказалось нелегким делом, он вспотел и ободрал ладони, прежде чем добрался до прибрежных камней. Зайдя в воду по пояс, он поймал за ногу сумасшедшую Беатрис и попытался подтащить старушку, но она оказалась неожиданно тяжелой. Их накрыла волна, швырнула, ударила о валуны. Нахлебавшись воды, Ричард все же успел обхватить Беатрис поперек туловища и выполз на берег, волоча её за собой. Она была мертва. Ричард с содроганием взглянул на лицо сумасшедшей — тусклые глаза из-под полуприкрытых век, челюсть отвисла, видны острые белые зубы. Он все же попытался прослушать сердце, хотя уже понял, что это бессмысленно.

Сверху посыпались песок и мелкие камешки — инспектор Фокс спускался точно так же, как Ричард, цепляясь за уступы, а над обрывом маячила долговязая фигура доктора Нила. Ричард заметил и кудрявую головку Роуз, и двух полицейских.

— Вот так улов! — заметил инспектор, разглядывая тело.

Ричард наградил его негодующим взглядом. Ему показалось недопустимым говорить о покойнице в таком тоне.

— Вы насквозь вымокли, мистер художник, — продолжал тем временем Фокс, — поднимайтесь-ка, тут справятся и без вас.

Он присвистнул, и полицейские сбросили веревку. Инспектор принялся обвязывать тело Беатрис под мышками крест-накрест, попутно обшаривая карманы одежды покойной и выкладывая кучкой все те предметы, что Беатрис хранила при жизни: разноцветные камешки, пестрые лоскутки, расческу и сломанную пудреницу с зеркальцем. Ричард никогда не видел, как полицейские осматривают трупы, и был поражен циничным профессионализмом, с которым действовал инспектор. Он промок насквозь и вздрагивал от ветра, но не мог заставить себя уйти.

Обнаружив на шее Беатрис засаленный замшевый мешочек, стянутый шнурком, Фокс залез и туда, а потом снова присвистнул и поднял руку повыше, чтобы разглядеть находку. Солнце блеснуло на желтом металле и полупрозрачном зеленом камешке величиной с лесной орех.

Последующие несколько дней Ричард скучал в одиночестве. Роуз была занята работой. Разбирала горы корреспонденции, ездила по окрестным деревням — лорд Сент-Джонс был известным местным меценатом, помогал домам призрения, сиротским приютам и жертвовал церквям. Самого лорда тоже не было видно — он неважно чувствовал себя после отравления, а гибель Пруденс и Беатрис совсем подкосили его. Золотая с изумрудом серьга, обнаруженная на теле сумасшедшей, оказалась частью фамильного гарнитура, что двадцать пять лет назад похитила французская невестка Сент-Джонса. Лорд опознал вещь, но невозможно было объяснить, как украшение оказалось у Беатрис. Джейкоб Марвин плакал не таясь, и было очень странно видеть его крестьянское простоватое лицо опухшим от слез. Полиции он объявил, что в глаза не видел никаких золотых украшений, а всякому, кто проявлял участие, начинал объяснять, что не мог постоянно следить за полоумной сестрой. Он оправдывался до тех пор, пока Роуз довольно жестко не сказала, что его вины здесь нет, и рано или поздно подобное должно было произойти, ведь скакать по скалам в преклонном возрасте — не яблоки в саду собирать.

Прошли похороны мисс Бишоп, на которых собрались почти все жители деревушки. Роуз не смогла присутствовать — ездила по поручению графа. Вернувшись, она попросила Ричарда сопровождать ее на кладбище.

— Бедная женщина, — сказала Роуз, положив на могильную плиту букетик полевых цветов. — Мне очень-очень жаль ее.

Они посетили и могилу Беатрис. Суд признала смерть обеих женщин несчастным случаем, и дело не было открыто. Ричарда допрашивали в качестве свидетеля, и ему пришлось давать показания в присутствии полиции, членов суда и любопытных зрителей. Рассказывая о событиях, он чувствовал себя подопытным кроликом, и не сомневался, что половина деревни считала его причастным к трагедиям.

Лорд проявил снисходительность и участие к миссис Пауэлл и не рассчитал ее, за что она была несказанно благодарна и еще раз всплакнула, готовя мясо и пудинг к обеду.

А вечером в Энкер-Хауз явился новый посетитель. Вилсон был наверху, у лорда Сент-Джонса, и Ричарду снова пришлось выполнять обязанности дворецкого. Посетителем оказался моложавый мужчина лет тридцати или чуть старше, приятной, хотя несколько флегматичной наружности. Всё в нем, начиная от шляпы и заканчивая часами на цепочке, которые он доставал по поводу и без повода, говорило о богатстве, хорошем вкусе и высоком положении. На безымянном пальце у него красовалось обручальное кольцо, и он постоянно поворачивал руку или поднимал её повыше, чтобы кольцо не осталось незамеченным.

Посетитель представился, как мистер Бишоп, младший брат мисс Пруденс Бишоп, и сказал, что пришел засвидетельствовать почтение графу.

Даже изъяснялся он очень правильно и важно, и между делом заметил, что его только что избрали в Палату Общин, и он с большим трудом выкроил время, чтобы присутствовать на похоронах.

Выскочившая из кухни миссис Пауэлл, заикаясь от волнения, сказала, что сейчас подаст чай в гостиную.

Мистер Бишоп вежливо отказался от чая и прошел в гостиную, чтобы подождать лорда Сент-Джонса. Ричард хотел уйти, но гость попросил его задержаться.

— Знаете, в такой маленькой деревне нет секретов, — сказал он, поигрывая цепочкой от часов, — к тому же, сестра писала мне о вас. Должен предостеречь насчет мисс Форест...

— Очень любезно с вашей стороны, — ответил Ричард, думая, что мистер Бишоп нравится ему ещё меньше, чем Вилсон и мисс Миллер вместе взятые.

— Видите ли, когда я был молод...

Ричард чуть не хмыкнул, глядя на пышущее молодостью лицо Бишопы.

— Когда я был молод и жил здесь, под опекой сестры... Наши родители рано умерли, Пруденс заменила мне и мать, и отца. Я стал тем, кем стал, во многом благодаря её заботе и воспитанию... Так вот, я был молод и немного... неблагоразумен. А Роуз, как вы сами успели заметить, весьма привлекательная девушка. Я несколько выделял её среди местных девушек, а она посчитала, что за моим добрым к ней расположением скрывается нечто большее. Вы понимаете о чем я...

— Простите, но совсем не понимаю.

Бишоп в очередной раз достал и спрятал часы, и выразительно повёл глазами:

— Поймите, мое воспитание не разрешает говорить плохо о женщине, какой бы она не была, но как добропорядочный гражданин и христианин я обязан сказать прямо. Мисс Форест влюбилась в меня и нафантазировала массу нелепостей, чем поставила нашу семью в

крайне невыгодное положение. Это могло повредить моей карьере, к тому же, я собирался сделать предложение дочери мистера Бальфура, он клерк Палаты Общин, и мне не нужны были всякие романтические истории. Но мисс Форест вела себя, как одержимая. Она не давала мне проходу, преследовала, писала письма фривольного содержания. Сестра вызвалась поговорить с ней, но Роуз повела себя дерзко и заявила, что мы с ней помолвлены, и свадьба — только вопрос времени. Возмутительная, наглая ложь! — мистер Бишоп сбросил маску флегматика и стал ужасно похож на покойную сестру, когда та рассуждала об «иностранных оккупантах». — Мне пришлось опровергнуть ложь и клевету публично. Это была необходимость, скажу я вам.

— Зачем вы рассказываете мне об этом? — спросил Ричард.

— Зачем? — мистер Бишоп снова повел глазами. — Вынужден говорить с вами прямо. Мне хотелось бы предупредить вас, что Роуз... мисс Форест порой ведет себя бестактно. И не гнушается врать, если дело касается её интересов. Не верьте ни единому её слову.

— Вы женились? — перебил его Ричард.

На лице мистера Бишопы появилось выражение крайнего удивления.

— Да, — ответил он, помедлив, — моя супруга — весьма достойная женщина и...

— Мне жаль её — получила в мужья олуха, — отрезал Ричард и вышел вон не прощаясь.

Он весь кипел от возмущения, и не сразу заметил Роуз, которая пряталась за дверью библиотеки. Конечно же, она слышала каждое слово их разговора.

— Выходите-ка из укрытия, — скомандовал Ричард и почти насильно вывел девушку из дома в сад. — Имейте в виду, я не поверил ни единому слову этого напыщенного типа!

— Но он сказал чистую правду, — глухо сказала Роуз. — Я вела себя очень глупо. И очень глупо надеялась, что свадьба с мисс Бальфур не состоится. Но он женился... Я прочитала об этом в утренней газете несколько дней назад.

— Так вот почему вы с таким вниманием читали газеты...

Роуз пристыжено молчала.

— Вы его до сих пор любите?

— Нет, — ответила она твердо. — И раньше, наверное, не любила. Просто упрячилась, играя в романтическую сказку. Так говорит мой дядюшка, и сейчас я ему верю.

— Тогда не надо больше об этом. Забудем Бишопы, как вчерашний дождь.

— Уже забыла, — ответила Роуз и улыбнулась, показав ямочки на щеках.

К счастью, мистер Бишоп задержался в Энкер-Хаузе недолго, и Роуз, верная слову, за вечерним чаем была почти прежней — она щебетала, как малиновка, шутила и мило кокетничала.

Мисс Пауэлл подала чай, лорд Сент-Джонс передал через дворецкого, что не может спуститься, и Ричард блаженствовал в компании очаровательной девушки.

Разговор их вполне ожидаемо вертелся вокруг последних событий. Молодые люди строили предположения, каким образом изумрудная серьга оказалась у Беатрис.

— Сколько странных, непонятных событий произошло в этом тихом и уединённом месте, — как раз говорил Ричард, когда в гостиную спустилась мисс Миллер. Она была у лорда Сент-Джонса с ежедневным хозяйственным отчетом и теперь шла в кухню, но услышав последние слова, замедлила шаг. — А смерть мисс Бишоп и мисс Марвин — это страшная, трагическая нелепость.

— В чем вы видите нелепость? — неожиданно спросила экономка, стоя за спиной Роуз. — По-моему, от них просто избавились. Не так ли, мисс Форест?

Чашка вылетела из рук Роуз, словно вырванная неведомой силой, и на восточном ковре разлилось коричневое пятно.

— Что вы такое говорите, мисс Миллер?! Кто мог от них избавиться? — возмутился Ричард, бросаясь на помощь Роуз, которая медленно отряхивала платье. Толку от помощи, конечно, никакой не было. Он только и сделал, что протянул салфетку и поднял упавшую чашку.

Экономка вскинула брови, довольная такой реакцией:

— Мистер Дюран, вы в самом деле полагаете, что их все любили? Уверяю, они обе были крайне противными особами и успели испортить отношения со многими. А почему вы так взволновались, мисс Форест?

— Я вдруг подумала — а не вы ли их убили? — едко ответила Роуз.

— Я ни в коем случае не осмелилась бы убить хозяина, — парировала экономка.

— Так он и не умер, — дерзко ответила девушка, посмотрев через плечо.

Ричарду было видно выражение лица мисс Миллер — непроницаемое, с холодной змеиной улыбкой на бледных губах. Ничего не сказав, экономка покинула гостиную.

«Словесную баталию выиграла Роуз», — решил про себя Ричард, а вслух заметил:

— Вы бросались нешуточными обвинениями. Не следует говорить такое, если не уверены в своей правоте.

Роуз промолчала, с чрезмерным усердием вытирая пятно на коленях.

«Не верьте ни единому ее слову», — припомнились ему наставления мистера Бишопа. И Беатрис говорила почти о том же.

Роуз порывисто поднялась:

— Мне надо идти, я обещала дяде, что буду ночевать сегодня в деревне. Не надо меня провожать!

Ричард смотрел в окно, как девушка шла в сторону садовой калитки. Из розария навстречу ей вышла мисс Миллер со свежесрезанным букетом в руках — каждые три дня она меняла цветы и никого не допускала до этого священного ритуала. Женщины обменялись парой фраз, после чего экономка направилась во флигель, а Роуз некоторое время стояла, глядя ей вслед. И если мисс Миллер по-прежнему холодно улыбалась, Роуз же была в ярости — глаза ее так и сверкали.

Печальные события, произошедшие в Энкер-Хаузе, не располагали к любованию прекрасным, но Ричард тянуло еще раз посетить галерею Сент-Джонсов. Хозяин любезно разрешил ему заходить в святая святых, когда вздумается.

Утренний свет придавал картинам особенную глубину и яркость. Но не Моне и Вермеер интересовали Ричарда, он даже не замедлил шаг возле их полотен. Пройдя до самого конца галереи, он остановился перед портретом невестки графа. Лицо женщины почему-то притягивало его, и он долго стоял перед картиной, заложив руки за спину и перекатываясь с пятки на носок.

— Она была очень красивой, жена младшего Сент-Джонса, — раздалось вдруг за его спиной. Мисс Миллер неслышно приблизилась и тоже разглядывала портрет.

— Вы встречали её? — быстро спросил Ричард, оглядываясь.

Мисс Миллер рассматривала портрет со странной усмешкой.

— Да, встречала. Тогда мне было тринадцать лет. Они были очень веселые, младший Сент-Джонс и его жена. Он рисовал всех, никому не отказывал, а она прелестно танцевала фокстрот. Забавно, правда? Кто бы мог подумать, что все это произойдет из-за Дамы Дождя?

— Что произойдет? Почему из-за Дамы Дождя? Причем здесь Дама Дождя? — спросил Ричард.

Экономка пристально посмотрела на него. Лицо её оказалось совсем рядом, словно она собиралась открыть какую-то тайну. Глаза у Сары Миллер были очень светлые, водянистые, в обрамлении коротких рыжеватых ресниц. Но Ричард не заметил на её коже ни одной морщинки, и черты лица были правильные, и сама женщина казалась бы миловидной, если бы не колючий взгляд и привычка поджимать губы.

— Разве справедливо, мистер Дюран, что одним достается всё и легко, а другим надо приложить огромные усилия, чтобы получить хоть крохи? — ответила она вопросом на вопрос.

Ричард пожал плечами:

— Я не силен в философии. Но почему вы упомянули Даму Дождя?

— Конечно, это несправедливо, — продолжала женщина, словно не слыша его. — И рано или поздно за удачу придется платить.

— Вы клоните к тому, что я — удачлив, и мне придется заплатить? — удивился художник.

Мисс Миллер рассмеялась странным, беззвучным смехом.

— Вы? Заплатить? Мистер Дюран, речь не о вас. Но послушайте моего совета: уезжайте, пока Дама Дождя не явилась за вами. Говорят, всякий, кто видит её — умирает.

— Беатрис говорила, что видела Даму Дождя много раз, — машинально возразил Ричард.

— И где же сейчас Беатрис? — участливо спросила мисс Миллер.

Ричард остался стоять, как громом пораженный, а экономка благожелательно кивнула ему, бросила короткий взгляд на портрет Брижит Сент-Джонс, и удалилась.

Роуз не появилась к ужину, и у Ричарда складывалось впечатление, что она его избегает. Может, виной этому был визит Бишопы, и девушка так и не смогла избавиться от чувства неловкости, а может, дело было в импульсивности её натуры. Вчера он интересовал её —

иностранец, новое лицо в Энкер-Хаузе, а сегодня она потеряла к нему интерес, переключившись на что-то более новое или интересное. Кто знает, может, завтра она снова вспомнит о нем? И примется играть, как ребенок, который нашел позабытую игрушку.

Поэтому Ричард почти не удивился, когда в один из дней, во время работы над картиной, внезапно появилась мисс Форест, вынырнув из зарослей жасмина.

— Давно мы не виделись! Вы не представляете, какая произошла неприятность! — начала она без приветствий, потряхивая черными кудрями. Шляпка на ее хорошенькой головке сидела под немыслимым углом, и Роуз то и дело раздраженно натягивала головной убор на самые уши.

— Что случилось на этот раз? — несмотря на то, что речь шла о неприятностях, Ричарду было радостно видеть Роуз.

— Дядюшку обокрали! Взломали дверь, пока он ездил удить рыбу на скалы, и украли столовое серебро и золотые медали за стрельбу! Куда смотрит полиция!

— Ну, ваш друг Фокси просто обязан найти вора...

— Ах, я уже разговаривала с ним, — Роуз презрительно взмахнула рукой. — Он был честен и не слишком меня обнадеживал.

— И с чем это связано? Полиция поглупела, или воры поумнели?

— Вы тоже посмеиваетесь. А дядюшка в бешенстве.

— А вы?

Роуз посмотрела на него укоризненно.

— Простите, не очень умно пошутил, — Ричард едва успел извиниться, как оказался за кустом вьющихся роз, куда Роуз затащила его, схватив за руку.

— Мне надо кое-что вам сказать, — зашептала она, краснея. — Это о Бишопе...

Ричард покачал головой:

— Не надо. Я не хочу ничего слышать. Всё это не имеет значения.

— Вы думаете?.. — глаза Роуз стали огромными и жалобными.

— Да, иногда занимаюсь этим неблагодарным занятием, — признался Ричард с нарочитым смущением.

Роуз прыснула. Они стояли в зарослях роз, и солнце припекало так ласково, что всё остальное казалось страшной сказкой, которая вовсе и не такая уж страшная при дневном свете. Вдруг Роуз схватила Ричарда за шею, пригибая его пониже и тыча пальчиком куда-то поверх куста. Мимо шел Джейкоб Марвин. Угрюмый, несуразный, он пересек розарий и скрылся в саду.

— Уф, он нас не заметил, — Роуз поправила шляпку и завертелась, как птичка. — В последнее время он внушает панический ужас — только и говорит, что о покойной Беатрис. Я уже не в силах этого вынести. О, хозяин смотрит в окно! Мне надо поспешить. Наверняка старичку что-нибудь понадобится, а Вилсон ходит медленно, как фамильное привидение!

Она побежала по направлению к Энкер-Хаузу, подпрыгивая и потряхивая кудрями. Ричард подумал, что обязательно напишет ее в образе хитрого пикси. Он вернулся к работе и уже не прекращал ее до самого чая. Когда раздался гонг, Ричард вытер кисти и забрал холст. Мольберт, складной стульчик и столик для красок и тряпок Джейкоб позже переносил в библиотеку.

Проходя мимо китайской беседки, Ричард увидел мисс Миллер. Она сидела на скамейке, мечтательно прислонившись к стене, и любовалась цветочными клумбами. Не так уж ошибалась Роуз, утверждавшая, что ничто человеческое экономке не чуждо. Судя по

всему, мисс Миллер не слышала гонга, и Ричард решился прервать ее уединение.

— Мисс Миллер! — позвал он. — Пять часов. Нас зовут пить чай.

Она не ответила и даже не повернула головы. Потоптавшись на месте, Ричард позвал ее снова, но ответа опять не последовало. Охваченный дурными предчувствиями, он поднялся по ступенькам и заглянул эконолке в лицо.

— Мисс Миллер... — начал он и замолчал, потому что слова застряли в горле. Женщина была не просто бледна, она была белее мела. Глаза закрыты, брови удивленно приподняты, а лицо застыло, как маска.

Ричард хотел проверить пульс на шее женщины, но рука его так дрожала, что он нечаянно толкнул эконолку. Она неловко качнулась, и упала на пол беседки, неестественно вывернув руки.

Потом Ричард так и не смог вспомнить, как добрался до дома, как звонил в полицию и отвечал на расспросы Роуз. Она тормозила его, требуя пояснений, а миссис Пауэлл уронила фарфоровые чашки, которые собиралась поставить на стол.

Вскоре приехали полицейские и начали шнырять по дому и саду, засовывая нос в каждую щель. Приехал и Фокс. Ричард слышал, как тарахтел его мотоциклет.

А потом прозвучало страшное слово: убита.

— Убита!.. Невозможно поверить! — Роуз схватила Ричарда за руку, словно ища поддержки.

Ричард про себя отметил, что её порыв не укрылся от взгляда инспектора Фокса. В гостиной собрались все обитатели Энкер-Хауза во главе с лордом Сент-Джонсом.

— Да, похоже, Сара Миллер убита, — повторил инспектор. — Врач осмотрел тело, но заключение составит только через несколько дней. Прошу никого не покидать Энкер-Хауз до судебного слушания.

— Скажите, инспектор, как её убили? — спросил граф прерывисто. Ему подали стакан с водой и успокоительные порошки, но он всё время забывал их выпить, держа стакан на весу.

— Скорее всего, причиной смерти был удар в шею. Какой-то острый, тонкий предмет. Вонзили прямо под затылок. Мастерски пырнули, я бы сказал. Даже крови почти не было.

— Стиллет? — предположил Ричард.

— Нет, не стиллет. Возможно, вязальная спица. Толстая вязальная спица.

Обитатели Энкер-Хауза погрузились в мрачное молчание.

— Более подробно мы побеседуем позже, — продолжал между тем Фокс, — а пока идет обыск, мне хотелось бы услышать, где каждый находился сегодня с полудня до пяти.

Роуз начала первой.

— Я приехала из Торки, — сказала она твердо, но Ричард чувствовал, как дрожат ее пальцы в его руке. — Поезд приходит в 14.30, билет у меня сохранился. Прошла через главные ворота, зашла в усадьбу, переговорила с мисс... с мисс Миллер...

— От станции ты шла пешком? — инспектор произвел некоторые расчеты в уме. — Около получаса на дороге, значит, разговор происходил в три часа?

— Да, — кивнула девушка, — припоминаю, что часы в холле били. Потом я вышла в розарий, поговорила с мистером Дюраном, потом поднялась к хозяину. Написала несколько телеграмм под его диктовку, потом отправилась искать мисс... мисс Миллер, но не нашла.

— Это я попросил ее, — сказал лорд Сент-Джонс. — В четверг к обеду обещал придти викарий, я хотел, чтобы Сара организовала стол и сделала покупки. Викарий —

вегетарианец, нужно было особое меню...

— Я заглянула на кухню, чтобы предупредить миссис Пауэлл, — сказала Роуз, — но тут примчался Рич... мистер Дюран и сказал, что нашел мисс Миллер в китайской беседке.

— Значит, вы видели Сару Миллер в последний раз около трех часов, в холле, — подытожил Фокс и повернулся к кухарке. — Миссис Пауэлл?

Та затеребила оборки передника:

— Я весь день пробыла на кухне. Мэм заходила несколько раз. Раза два до обеда, и потом, после трех. Напомнила, что чай должен быть подан через час и пятьдесят минут. Она всегда была очень точна. И... и всё, — кухарка всплакнула, зарывшись лицом в передник.

— Вы не выходили из кухни? — спросил Фокс.

— Нет-нет, не выходила.

— Джейкоб? — инспектор посмотрел на конюха, но тут Роуз медленно подняла голову.

— Миссис Пауэлл, ведь вы выходили из дома, — сказала она громко и отчетливо. — Когда я бежала из розария к хозяину, вы направлялись в сторону сада. И несли корзинку и кухонный нож.

Кухарка попыталась что-то ответить, но издала лишь сдавленный писк. Инспектор оставил в покое Джейкоба и с новым интересом уставился на миссис Пауэлл.

Справившись с волнением, та принялась пространно объяснять:

— Ваша правда, мисс, я выходила! Но не заходила в сад! И в розарий не заходила! Я лишь нарезала петрушки и шалфея к обеду. Они растут на грядках, под окном!

— А мисс Миллер вас, вроде, не жаловала? — спросил Фокс благодушно. — Вроде даже, она говорила, что смерть мисс Бишоп — ваша вина? Хотела лишить месячного заработка, верно?

— Всё не так, всё не так... — залепетала кухарка, и слезы покатались по пухлым щекам. — Вы не можете меня обвинять!.. А вот вы, мисс, юркнули в беседку!

— Нет, я просто остановилась рядом с беседкой, но внутрь не заходила и не заглядывала... — Роуз замялась, но договорила. — Мистер Марвин возвращался, я не хотела с ним встречаться. Не надо лгать, прошу вас.

Миссис Пауэлл взвизгнула и в ужасе замахала руками.

— Успокойтесь, дамы, — Ричарду было ужасно жаль миссис Пауэлл, и в то же время он очень хотел помочь Роуз. — Мисс Миллер мало с кем была добра, и люди платили ей тем же. Хотя бы бедная Беатрис. Мисс Пауэлл, вы же помните, какая ужасная сцена случилась там, перед домом? А вы, Роуз, вы же сами повздорили с мисс Миллер накануне и глядели на нее так, словно убить были готовы...

— Роза? — изумился Фокс. — Очень занятно.

Роуз пошла красными пятнами, а Ричард готов был откусить себе язык, сообразив, что сослужил дурную службу. Он тут же начал доказывать, что никоим образом не верит в причастность кого-либо к смерти экономки, но оправдания получились весьма жалкими. Джейкоб недовольно ворчал, а миссис Пауэлл призывала всех святых, утверждая, что не сделала ничего дурного.

— Помолчите все, — сказал Сент-Джонс усталым голосом, и был услышан. В гостиной мгновенно воцарилась тишина. — Инспектор Фокс никого не обвиняет, он просто пытается воссоздать картину происшествия. Так, инспектор?

— Абсолютно верно сэра Джеймса. О ваших *добрых* отношениях с покойной мы послушаем позже, а пока — мистер Марвин. Что там с ним? Тоже прогуливался среди роз?

— Сэр Джеймс велел навесить на склеп замок, я пошел и навесил, — монотонно сказал Джейкоб.

— Я поручил ему, — опять вступился лорд Сент-Джонс. — Дикон встретил какую-то незнакомую женщину поблизости, мне не хотелось, чтобы прах моих предков был потревожен. Сами знаете, какие нынче времена — журналисты совсем с ума посходили...

— Отлично, — продолжал Фокс. — Мистер Марвин, а вы видели кого-нибудь в саду? Конюх довольно долго морщил лоб и даже сопел от усердия.

— Нет, — выдавил он в конце концов. — Там стояла эта трехногая деревянная штука, но мистера художника не было.

— Наверное, я как раз отошел, чтобы поймать ракурс получше, — торопливо вставил Ричард. — Меня видела мисс Форест. И Вилсон тоже видел.

— Это я поручил Вилсону найти мисс Форест, — опять вступился за прислугу сэр Джеймс. — Подождите, а где Вилсон?

Выяснилось, что дворецкий исчез ещё до чая. Проверили его комнату — одежда и вещи на месте, но не было его личных документов.

— Очень занятно, — протянул инспектор, с усмешкой оглядывая обитателей Энкер-Хауза. Получается, что любой из вас мог ухлопать... простите, убить мисс Миллер.

Тут к нему подошел полицейский и что-то прошептал на ухо.

— Очень занятно, — в третий раз произнес инспектор.

Не извинившись, он покинул обитателей Энкер-Хауза, которые не осмеливались ни разойтись, ни заговорить. Миссис Пауэлл всхлипывала, утирая слезы передником, сэр Джеймс глядел прямо перед собой, погруженный в размышления, Джейкоб Марвин подпирал стену и отчего-то злобно смотрел на Ричарда, художник старался не встречаться с ним взглядом. Зато Роуз вертелась, как на иголках.

— Как вы думаете, что они там нашли? — не выдержала она. Вопрос был адресован вроде бы всем, но смотрела девушка на Ричарда. — Они пошли в кухню. Мне кажется, гремят кастрюлями.

Миссис Пауэлл схватилась за сердце, что-то зашептала и несколько раз перекрестилась. Почему-то это не понравилось Ричарду. Возможно, виной тому были подозрения, которые инспектор умело посеял в их сердцах, но порыв кухарки показался Ричарду фальшивым. Роуз потянула его за рукав, привлекая внимание.

— Может, нашли орудие убийства? — сказал он.

— Вязальную спицу? — фыркнула Роуз. — Вы шутите?

Вернулся инспектор, и во взгляде его Ричарду почудилась насмешка. Он оглядел обитателей Энкер-Хауза с таким любопытством, словно увидел впервые.

— Теперь мне бы хотелось побеседовать с каждым наедине, — объявил он и начал с Роуз. После Роуз настала очередь Ричарда. Он вошел в кабинет, стены которого были облицованы ореховым деревом. Фокс сидел за письменным столом, развлекаясь тем, что разрывал на отдельные бородки декоративное белое перо.

— Проходите, проходите, мистер художник, — радушно пригласил он. — Не стоит вам топтаться у порога.

Ричард сел на стул, выдвинутый от стены на середину комнаты, и почувствовал себя школяром, не выучившим урока. Собственная робость рассердила его, и он постарался принять самый невозмутимый и бравый вид. Инспектор был не намного старше его, хотя держался с такой самоуверенностью, словно прожил не одну, а пять жизней.

— Рассказывайте, мистер иностранный художник! — велел Фокс, метко запуская перо в стаканчик для ручек.

— Я бы попросил вас удержаться от шуток, — сказал Ричард волнуясь. — В доме, где произошла смерть, это неуместно. Моя фамилия — Дюран, мисс Форест говорила об этом, но вы, видимо, забыли. И это я хочу спросить у вас... Там, в гостиной, когда вы беседовали со всеми нами... Вы хоть понимаете, что наделали? Вы стравили нас, как бойцовских петухов. Теперь в этом доме все начнут следить друг за другом!

— И что вас так обеспокоило? — вежливо произнес Фокс. — Слежка каждого за каждым — прекрасная профилактика от очередного убийства.

— Вы думаете, кто-то из обитателей Энкер-Хауза — убийца?! Вы перечитали шпионских романов, инспектор!

— А по-моему, — перебил его Фокс, — все неприятности начались после того, как здесь появились вы. Может, это вы убийца?

Ричард ахнул, но Фокс только расхохотался:

— Испугались? Не скрою, у меня были подобные подозрения. Но теперь я думаю, что изнеженные хлюпики вроде вас вряд ли способны на решительные действия, — он поднялся из кресла, подошел к окну и приподнял раму наполовину. — Я закурю. Прошу простить — привычка с армии. Вы воевали в последней войне?

Взбешенный оскорблениями, Ричард постарался ответить как можно хладнокровнее:

— Нет, не воевал. В то время мы с родителями путешествовали по Америке, да и я был слишком молод, чтобы воевать.

— Сколько вам было?

— Тринадцать лет.

— Значит, к концу войны — семнадцать. Не так уж мало. Получается, я старше вас всего на год. В 1915 я сбежал из дома на фронт. Не добежал, меня вернули, — он усмехнулся, припоминая. — Мать выпорола меня и заперла, но через два года я снова убежал, наврал про возраст, записался в армию и был ранен в первом же бою.

— После вашей речи я должен почувствовать собственную ничтожность?

— Должны, — без излишней вежливости сказал инспектор. — Я с первого взгляда понял, кто вы — маменькин сынок, никогда не знавший трудностей. Тепличное растение, которое боится холодов. Но к делу это не относится. Валяйте, выкладывайте, для чего вы сюда приехали?

— Считаю, что нам не следует продолжать разговор, раз уж вы перешли к оскорблениям, — сказал Ричард поднимаясь, чтобы уйти.

— Сядьте, — велел Фокс, не меняя тона. — Упиваться обидами будете у себя дома. А теперь будьте любезны, расскажите историю вашего появления здесь с самого начала.

Ричард сел, придумывая причины остаться без вреда для самолюбия. Он вспомнил убитую мисс Миллер. Надо просто отнестись к инспектору, как к неизбежному злу и действовать во имя справедливости — ведь это благое дело, помочь полиции найти убийцу.

— В Париже я был представлен леди Эштон и её дочерям, — начал рассказывать он. — Она передала мне письмо от своего знакомого — лорда Сент-Джонса. Он выражал восхищение моими работами, изъявил желание сделать большой заказ для частной галереи и пригласил в Англию. Билет был уже заказан, все дорожные расходы лорд брал на себя. Леди Эштон отозвалась о нем очень хорошо, представив, как тонкого ценителя искусства...

— И вы поехали? — прервал его Фокс, морщась всякий раз, когда слышал

грассирующую «р».

— Да, поехал. Собрал картины, которые могли понравиться заказчику и поехал.

— Раньше вы были знакомы с лордом Сент-Джонсом?

— Нет, услышал о нем впервые от леди Эштон.

— А он, выходит, о вас был наслышан?

— Сэр Джеймс объяснил, что видел несколько моих картин, которые были куплены на выставке в Лондоне год назад.

— И вы бросили всё и помчались в английскую глубинку? — Фокс недоверчиво прищурился.

— Вы в чем-то меня обвиняете? — Ричард потерял терпение и заговорил слишком громко.

— Нет, что вы, мистер художник. Просто пытаюсь понять причины вашего появления.

— Вы не пытаетесь их понять. Я — простой художник, которому выпала большая удача получить хороший заказ от титулованной особы. Кто знает, может это откроет мне двери в королевскую семью. Рекомендации лорда Сент-Джонса были бы весьма кстати.

— О, да вы честолюбивы, как я погляжу.

— Не больше, чем вы, инспектор. Но в отличие от вас, доходы мои зависят от прихоти покупателя, а не от щедрости государства.

— Вам бы книжки писать, а не рисовать картины, — посоветовал Фокс. — Не говорите — а поете. Теперь успокойтесь и расскажите мне, как жили в Энкер-Хаузе, особое внимание уделяйте Саре Миллер — не заметили ли чего-то странного в ее поведении, с кем она больше всего общалась и все такое. Мне интересна любая деталь, пусть даже незначительная, на ваш взгляд.

Несмотря на гнев, Ричард попытался припомнить все до мельчайших подробностей, еще раз сказав себе, что инспектор — неприятный тип, но речь идет о погибшей женщине.

Он рассказал, как впервые встретил мисс Миллер, когда она разбила вазу на террасе, рассказал, что Роуз считала экономку немецкой шпионкой, упомянул о разговоре экономки и Роуз в гостиной после смерти мисс Бишоп и несчастного случая с мисс Марвин, а потом, запинаясь, повторил разговор возле портрета Брижит Сент-Джонс.

— Дама Дождя? — переспросил инспектор. — Какая Дама Дождя?

— Это местное верование, — пояснил Ричард, испытывая странную неловкость. — Вы не слышали? Вроде призрака, который бродит по округе.

— Сэр Джеймс упоминал о какой-то женщине, которую вы видели возле Энкер-Хауза?

Ричард смутился еще больше:

— Сказать по правде, я уже не уверен, что это была женщина...

— Это был мужчина? Ещё интереснее.

— Нет, не мужчина. В тот момент я был уверен, что вижу мисс Форест, но потом понял, что это была не она. Возможно...

— Возможно?..

— Скорее всего, это была та самая Дама Дождя. Мисс Марвин говорила, что она появляется всякий раз, когда кто-то должен умереть, — Ричард сказал это и испуганно посмотрел на инспектора, ожидая насмешек.

Но Брайан Фокс смотрел на него с прежним вниманием.

— Это всё? Или вам есть еще что порассказать?

— Нет, кажется, я ничего не забыл...

— Тогда идите. Благодарю за содействие, мистер Дюран.

Едва Ричард закрыл двери в кабинет, как маленькая горячая ручка, которая могла принадлежать только Роуз, схватила его руку.

— Пойдемте со мной! — зашептала девушка. — И ни слова. Слышите? Ни слова!

Она потащила его в библиотеку, повернула шпингалет, открыв раму, и перелезла через подоконник, показывая, что Ричарду надо сделать то же самое.

— Сейчас не до забав... — попробовал возразить он, но девушка схватила его за лацкан пиджака и потащила за собой.

Они прошли по асфальтовой дорожке между клумбами и домом, прячась за цветочными кустами, и оказались возле приоткрытого окна кабинета. Отсюда были прекрасно слышны голоса инспектора и Джейкоба

— Подслушивать нехорошо! — прошептал Ричард прямо в ухо девушке, но та отмахнулась и вся обратилась в слух, не отпуская его пиджака, и молодому человеку волею-неволей пришлось остаться.

— ... сколько лет? — закончил фразу Фокс.

В ответ раздался низкий голос Джейкоба:

— Уже шесть лет мистер. Будет в июле. Мать умерла, а мне нужно было присматривать за сестрой. Милорд предложил работу, и я согласился. Он знал, что я лошадок люблю, вот и позвал.

— Когда ты поступил на работу в Энкер-Хауз, мисс Миллер уже здесь работала?

— Да.

— Тебе она нравилась?

Джейкоб молчал довольно долго, то сопя, то откашливаясь.

— Какой тугодум! — прошептала Роуз, обернувшись к Ричарду. Он указал большим пальцем через плечо, предлагая уйти, но девушка энергично помотала головой и приникла к окну.

— Так что, Джейкоб, — повторил инспектор, не проявляя нетерпения, — нравилась она тебе?

— Слишком бледная она была, мистер, — выдавил, наконец, конюх. — Такие не по мне.

— Вот как? Ну а работала она хорошо?

— Я не знаю, мистер. Хозяин был доволен, а остальное меня не касается. Не скажу, чтобы она со всеми была злющая, но миссис Пауэлл постоянно от нее плакала, да и Беатрис она постоянно ругала за то, что та ходит по поместью. Ходила... Но хозяин ведь не был против.

— А почему миссис Пауэлл плакала? Чем мисс Миллер бывала недовольна?

— Я уже и не помню... Ну вот за грибы её ругала. У нас же никто грибы не ест, а миссис Пауэлл их постоянно готовила. Притащит полную корзину из леса и так сделает, что чуть ложку не съешь. Знаете, мистер, как ловко она их жарит в...

— Ясно, — остановил его излияния Фокс. — А как мисс Миллер ладила с дворецким?

— Да так же. Они вечно спорили, кто пойдет к хозяину. Мистер Эйбл не любил, когда она сидела у хозяина. Они каждый день сидели вместе — проверяли какие-то бумажки. Счета, кажется... А мистера Эйбла выгоняли, и он злился.

— Так, а мисс Миллер говорила что-нибудь про художника?

Роуз больно ущипнула Ричарда за руку.

— Про художника? Говорила. Она его называла «этот проходимец».

— Прогодимец? Почему?

— Не знаю, мистер, — голос Джейкоба стал растерянным. — Но когда она приказала Мери-Бет приготовить комнату для гостя, то говорила, что он пробудет месяц или больше, потому что так хочет хозяин. А когда художник приехал, и миссис Пауэлл спросила, сколько ей закупать муки на месяц — на семерых или восьмерых, то Сара ответила, чтобы закупала, как обычно. Она сказала: этот проходимец здесь недолго пробудет.

— А она не говорила, почему недолго?

— Нет.

— Еще вопрос, Джейкоб. Были ли у мисс Миллер враги? Вот такие, которые могли бы ее убить?

— Враги? Даже не знаю, мистер. Разве у нас в деревне есть убийцы? Все — хорошие люди. Ведь поспорить — это одно, а убить — совсем другое. Убить — это трудно. Нет, никто из наших её не убивал.

— А друзья, подруги у нее были?

— Это вряд ли. Она из усадьбы, считай, никогда не выходила. За покупками всегда я ездил. А в Энкер-Хауз к ней никто не приходил, нет.

— Может, она встречалась с каким-нибудь мужчиной? Тайно.

— Никакого мужчины я не видел, мистер.

— Не видел или не знаешь?

— Не знаю... не видел... Да что вы, мистер! Не знаю я ничего!

— Хорошо, можешь идти, Джейкоб. Пригласи миссис Пауэлл.

Миссис Пауэлл вошла со стонами и всхлипами. Инспектор долго проверял её документы, и Ричард сделал еще одну попытку увести Роуз. Но девушка уперлась, и они устроили возле окна настоящую возню, помяв куст хризантем. Удивительно, как лисьи уши инспектора ничего не слышали.

— Мы нарушаем закон, если вам это интересно, — шепотом увещевал девушку Ричард. — Уйдем, пока нас не заметили.

— Уйти и ничего не узнать?! Да вы сума сошли! — возмутилась Роуз. — В Энкер-Хауз произошло убийство!.. Убийство, понимаете вы это? Я всю жизнь мечтала о тайнах, а теперь вы хотите, чтобы я ни во что не вмешивалась. Нет уж, я вмешаюсь. И вы от меня никуда не пойдете. Ясно? Будьте примерным крошкой Дики — постоит тихонечко?

И Ричарду пришлось быть примерным крошкой. Он переминался с ноги на ногу, чувствуя себя международным преступником. Зато его отчаянную спутницу угрызения совести не мучили, и она слушала разговор дворецкого и инспектора с жадным любопытством.

— Элеонора Пауэлл? Вы не местная?

— Нет, сэр.

— Сколько вы здесь служите?

— Около десяти лет, сэр. В июле будет десять.

— Значит, Вилсон, мисс Миллер и Марвин пришли на работу позже вас?

— Да, так и есть. Сначала хозяин взял Вилсона, это было сразу в конце войны, потом пришла мисс Миллер, а потом — пять лет назад — Джейкоб. У него умерла мать и надо было присматривать за...

— Ясно. Какие отношения у вас были с мисс Миллер?

— Сказать по правде, сэр, не очень хорошие. Она все время пилила меня, прямо ужас какой-то! То ей заячий пирог не понравился, то суп из сомовины отдает тиной... а он не мог отдавать тиной! Я всегда добавляю в сомовину майоран, сельдерей и немного чеснока, чтобы отбить...

— Понятно, миссис Пауэлл. Кроме вас кто-то еще ссорился с мисс Миллер?

— Да она со всеми ругалась, сэр. То есть, не ругалась, нет. Как это сказать?.. Она всех поедом ела. Зато перед хозяином была такая любезная, такая предупредительная!

Далее последовали вопросы о друзьях, знакомых и родственниках мисс Миллер, но тут Фокс добился от кухарки не больше, чем от конюха.

— Не сказала бы, мистер, что она была слишком общительная, — заявила миссис Пауэлл. — Она, считай, и из Энкер-Хауза никуда не выходила. Как будто боялась людей. А когда к хозяину приезжали знатные господа из Лондона, вообще, спряталась. Сказала, что ей нездоровится. Но это вранье, мистер. Я вам так скажу: она от кого-то пряталась. Потому что когда господа уехали, в этот же день, она была здоровёхонька и отчитала меня, что пирог получился сыроватый. А он вовсе не сы...

— Кто приезжал, вы не помните?

Миссис Пауэлл с готовностью ответила:

— Были сэр Герберт Асквит, мистер Юарт Робертсон с женой, лорд Фицалан и лорд Дерби, тоже с женой. Они смотрели картинки в хозяйской галерее и завтракали в саду. Все очень знатные и известные господа, принимать их было большой честью, мистер, очень большой. Я приготовила заячий пирог...

— И мисс Миллер к ним не вышла?

— Даже носа не показала. Просидела в своей комнате, пока они не уехали. Мы с Вилсоном с ног сбились — пришлось обслуживать гостей. Хозяин, конечно, пригласил из деревни приходящих, но они такие туповатые, что...

— Миссис Пауэлл! А когда гости уехали, мисс Миллер сразу вышла?

— Сразу, мистер. И принялась меня отчитывать.

Заскрипел карандаш — Фокс записывал имена гостей. Пару раз он переспросил миссис Пауэлл, и она с удовольствием ему повторила: сэр... лорд... ещё один лорд...

— Такой деликатный вопрос. Вы ведь женщина, наверняка замечали больше, чем остальные. Был ли у мисс Миллер мужчина?

Кухарка выдержала паузу, но лишь для того, чтобы преподнести сведения более драматически:

— А как же, мистер? Конечно, был. Хотя она его очень скрывала. Наши комнаты во флигеле рядом, а у нее на дверях автоматический замок. Когда закрывается дверь, я всегда слышу — он щелкает. Тихо так, но я слышу. У меня, мистер, очень хороший слух. Так вот, мисс Миллер часто уходила ночью. Ненадолго. На полчаса, на час. Я всегда просыпалась, когда у неё щёлкал замок.

— Вот как? Часто она уходила? Каждую ночь?

— Нет, мистер. Не каждую ночь. Но в последнее время очень уж зачастила. На позапрошлой неделе — два раза, а на прошлой — четыре.

— Куда она ходила, вы не знаете?

— Откуда же мне знать такое, мистер? Я честная вдова, мужа и сына похоронила. Я по ночам никуда не хожу.

— Во сколько она уходила, вы не знаете?

— Нет, мистер, на часы не смотрела. Мне ведь до этого никакого дела нет. Если хозяину всё в ней нравится — так пусть ходит, куда ей заблагорассудится.

— Кто-нибудь кроме вас знал, что мисс Миллер отлучается по ночам? Джейкоб? Вилсон? Роза?

— Не могу сказать, мистер. Я об этом ни с кем не разговаривала — я ведь не болтливая. Сами понимаете, болтливых слуг не держат. Но у Вилсона комната в конце коридора, а мисс Форест часто ночевала у дяди, а Джейкоб спит так, что от храпа потолок дрожит. Не думаю, что им что-то было известно. Если только сестра мистера Джейкоба... — кухарка осеклась.

— Она ведь тоже любила прошвырнуться по окрестностям при свете луны? — спросил Фокс.

— Да, — нехотя ответила кухарка.

— И болтала всякий вздор, верно? Про призраков и мертвецов?

— Да.

— Может, она приняла за призрака мисс Миллер?

— Могло быть и такое, мистер.

— Хорошо. А теперь к мистеру Вилсону. Он ведь тоже не слишком общительный?

— Ваша правда, мистер.

— Да и вы не из наших мест и ни с кем в деревне не знаете?

— Вы на что-то намекаете, мистер? — миссис Пауэлл всхлипнула.

Фокс поспешил её утешить:

— Ни на что не намекаю, никого не обвиняю. Просто задаю вопросы. Итак, Вилсон. Куда он мог отправиться, вам известно?

— Нет... Пойдите, мистер! Я видела его сегодня, после того, когда мисс Миллер заходила напомнить про чай. Прошло полчаса или чуть больше, значит, было около половины пятого... Я как раз сварила кисель из ревеня и поставила его студиться на подоконник — к обеду. Выглянула в окно, а Вилсон шёл по дорожке к саду и нёс чемоданчик.

— Чемоданчик?

— Да, чемоданчик. Маленький такой, коричневый, с медными гвоздиками по канту.

— Как вы хорошо всё рассмотрели, миссис Пауэлл...

— У меня зрение хорошее, — обиделась она, — и я стояла у окна несколько минут. В кухне было жарко, я открыла рамы.

Ричарду показалось, что пальчики Роуз дрогнули в его руке.

Когда допрос был закончен, молодые люди на цыпочках вернулись в дом. Роуз была задумчива, и рассеянно попрощалась с инспектором, когда он уходил.

Граф поручил разобрать вещи мисс Миллер, и заняться этим предстояло Роуз. Ричард составил ей компанию, чтобы не было скучно и жутко. Комнатка экономки была маленькой, опрятной, почти спартанской по обстановке. вещей у нее тоже было немного — под кроватью обнаружился сундучок, в шкафу висели три платья, в камодке лишь один ящик был занят бельем и туалетными принадлежностями.

— Вот так-так, — вздохнула Роуз, разложив вещи по пакетам. — Немного белья, два платья, четыре пары туфель, несколько книг... Вот и все, что она нажила, бедняжка.

Книги заинтересовали Ричарда. Это были стихи — «Фауст» в переводе Нерваля, мадам Деборд-Вальмор и «Колосья» мадам Бертен. Он взял «Фауста» и сказал, перелистывая страницы:

— А у неё был неплохой вкус. И образования достаточно, чтобы читать Нерваля.

— Мне кажется, если бы мы узнали её побольше, то она много чем нас удивила бы, — ответила Роуз. — Я отнесу её вещи в церковь. Ведь отправлять их всё равно некому.

Она упаковала пакеты в коробку, и Ричард помог перенести вещи в холл.

— Вы пойдёте на похороны? — спросила Роуз.

— Разве я могу отпустить вас одну? — Ричард взял девушку за руку. — Я непременно пойду с вами.

— Спасибо, — прошептала Роуз. — Знаете, несмотря на то, что после вашего приезда случилось такое, я ужасно рада вам. Вы ведь не уедете? Из-за того, что произошло?

— Мне кажется, я согласился бы остаться здесь навсегда. Вместе с вами..

— Шутник, — фыркнула Роуз.

На похороны мисс Миллер пришло мало людей. Кроме Роуз и Ричарда присутствовали викарый с помощником, высокая худощавая женщина, одетая дорого, но очень небрежно и неэлегантно, и три старые девы, для которых, как подозревал Ричард, похороны и свадьбы были одинаковым развлечением.

Пока викарый читал молитву, Роуз стояла с необыкновенно печальным выражением лица. Это было так не свойственно её юной мордашке, что казалось почти комичным. Ричард подносил к лицу платок, пытаясь скрыть улыбку. Странно улыбаться на похоронах, но Ричард ничего не мог с собой поделать. В какой-то умной статье он читал о «перенапряжении нервных импульсов», и там приводился как раз подобный пример — юноша смеялся на похоронах горячо любимого отца. Автор статьи подробно разобрал это явление и доказывал, что смех юноши был ничем иным, как следствием сильного нервного потрясения. Особой любви к покойной Ричард не испытывал, и поэтому приписал нервное потрясение к факту убийства. В очередной раз прячась за платок, он обвел взглядом присутствующих и вдруг обнаружил, что смеется не один. Когда порыв ветра приподнимал траурную вуаль на шляпке худощавой дамы, можно было увидеть, что дама тоже улыбается. Улыбается широко, иногда показывая крепкие белые зубы.

— Вы видите это? — шепнула Роуз, ущипнув его через рукав. — Жуткое зрелище!

— Тоже местная сумасшедшая? — тоже шепотом спросил Ричард. — Или ненавидящая всех старая дева?

— Впервые её вижу, — ответила Роуз немного сердито. — А вы говорите ужасные вещи! Фу, не стройте из себя циника.

Наверное, дама услышала их шепот, потому что вдруг откинула вуаль и посмотрела прямо на молодых людей. Лицо у нее было простоватое, с толстым носом и маленькими, близко посаженными глазами, которые смотрели остро и пронзительно. Ричард поспешно отвернулся, а Роуз выдержала пристальный взгляд. Женщина опустила вуаль и сложила руки, словно вознося молитву.

Когда служба закончилась, служки и викарый удалились в церковь, за ними засеменили старые девы.

— Бедная мисс Миллер, — сказала Роуз, положив цветы на свежую могилу. — Совсем одинокая, даже друзей у нее не было. Но Господь найдет ей место в раю.

Дама в вуали, тоже задержавшаяся у могилы, услышала слова Роуз и вдруг сказала:

— В раю? Что вы, милочка, это существо попадет только в ад. Не считите меня жестокосердной, но я рада, что увидела могильную плиту с этим именем — Сара Миллер!

— Грешно так говорить, — пристыдила её Роуз и взяла Ричарда под руку, чтобы уйти, но дама преградила им путь.

— Вы ничего не знаете, — заявила она. — Вы подумали, что я — чудовище? Потому что смеюсь на похоронах? Но на самом деле, эта женщина, — она указала на могилу, — хладнокровная убийца. В свое время я не смогла призвать ее к ответу, но небеса справедливы. Я имею полное право смеяться над её могилой. Если вы задержитесь на несколько минут, я объясню вам, почему.

— Нам это совершенно не интересно, — ответила Роуз, предпринимая попытку обойти странную особу.

— Я не лгу вам, — сказала женщина с торжеством в голосе. — Моя хозяйка наложила на себя руки из-за Сары Миллер. А моя хозяйка была доброй католичкой. Представляете, до чего надо было её довести, чтобы она взяла на душу такой грех?

— Прошу вас, замолчите, — сказала Роуз тихо, но твердо. — Может, мы не любили мисс Миллер, но уважали. А вы пытаетесь опорочить мёртвого человека, который не может ответить. Это — трусость и подлость, вот что я скажу!

Она снова сделала попытку уйти, потащив за собой Ричарда, который не знал, что сказать, и лишь приподнял на прощанье шляпу, но женщина опять встала на их дороге, глядя на Роуз с почти материнской нежностью.

— Вы так молоды, мисс, — сказала она, — поэтому судите опрометчиво. И ничего не знаете. А знай вы о Саре Миллер хотя бы половину того, что знаю я — бежали бы от нее без оглядки. Лорд Сент-Джонс неразумен, ему нужно было вышвырнуть эту...

Роуз тут же остановилась, и теперь Ричарду пришлось тянуть ее в сторону церкви, но девушка не пожелала уходить:

— Что вы имеете против хозяина? — спросила она воинственно.

Женщина была явно обрадована, что теперь её согласились слушать. Она заговорила торопливо, словно боялась не успеть высказаться:

— Так вы работаете у него? И считали Сару Миллер — уважаемой? Поверьте, я не могу ни в чем обвинить вашего хозяина, кроме излишней доброты. Я знаю эту историю лучше всех. Я из Шотландии, — пояснила она. — Элизабет Бакер — это мое имя. В Лондон я попала совсем молоденькой. Моя хозяйка — Френсис де Вер вышла замуж за лорда Фицалана. Это была самая добрая хозяйка в мире, у нее не было пороков, уверяю вас. Всё было хорошо, пока в доме не появилась Сара Миллер, — она словно выплюнула это имя. — Она мне сразу не понравилась. С виду — благовоспитанная, лишнего слова не скажет, а на самом деле шпионила за всеми. В наши дни уже никого не удивишь супружеской неверностью. Вот и лорд Фицалан оступился. Именно — оступился. Я уверена, у него и в мыслях не было считать эту интрижку чем-то большим. Сара Миллер каким-то образом узнала, что он частенько навещает район Ковент-Гарден и спутался там с торговкой, и стала шантажировать лорда Фицалана, пригрозив рассказать все леди Френсис. Но лорд Фицалан отказался платить, признался во всем леди Френсис и потребовал, чтобы Сара Миллер была уволена. Сару Миллер рассчитали, а моя хозяйка умерла в ту же ночь. Доктор сказал, что она по ошибке приняла слишком большую дозу снотворного, и полиция с этим согласилась. Но я-то знаю, леди Френсис покончила с собой. Она была слишком нежная, моя хозяйка. Измена мужа разбила ей сердце. А виновата в этом — Сара Миллер!

— Скорее, в этом виноват муж, — сказала Роуз.

— Мне понятна ваша печаль, — вмешался в разговор женщин Ричард, — но, возможно, тут имел место именно несчастный случай. Ведь полиция не подтвердила самоубийство.

— Полиция! — их собеседница презрительно усмехнулась. — Полиция делает то, что им велят, а лорд Фицалан не хотел огласки. Разве можно говорить о несчастном случае, если моя хозяйка оставила завещание как раз перед смертью? Все слуги получили по тысяче фунтов, а я — пять. А Саре Миллер не досталось ни цента. Разве это не доказательство её вины?

Ричард и Роуз переглянулись и одновременно ответили «нет».

Элизабет Бакер выглядела разочарованной.

— И вы говорите так же, как они, — сказала она, опуская вуаль. — А я... я поклялась

отомстить за хозяйку. Меня никто не слушал, и я выбрала свой путь. Куда бы ни устраивалась Сара Миллер, я отправлял её хозяевам письма, где выкладывала всю правду об этой особе. Я всегда следила за ней. Если уж полиция ничего не смогла сделать с этой гадюкой, я сама стала полицией, и судом присяжных, и ангелом возмездия. Я хотела, чтобы её гнали отовсюду, как ядовитую змею. Но теперь моя миссия выполнена.

Кивнув на прощание, Элизабет Бакер пошла в сторону церкви твердым шагом, держа голову, как полководец-победитель. Молодые люди смотрели ей вслед, пораженные такими откровениями.

— Она — самая отвратительная женщина, которую я когда-либо встречала, — произнесла Роуз. — По сравнению с ней, мисс Миллер — божья овечка.

— Если только то, что мы слышали — неправда.

— Вы всему поверили?.. — возмутилась Роуз. — А я вот что думаю: надо рассказать обо всем Фокс. Вдруг мисс Миллер была убита именно этой помешанной. Шотландки страшные мстительные.

И хотя Ричарду не нравилась встреча с инспектором, он признал, что Роуз права — полиции надо знать об Элизабет Бакер.

В полицейском участке их проводили в крохотный кабинет с двумя окнами, где за столом сидел инспектор Фокс и перечитывал какие-то бумаги.

— Вот и ты, Роза, — приветствовал он, словно ждал её, а потом посмотрел на Ричарда. — Ты сегодня с сопровождением? Добрый день, мистер художник. Вы решили признаться в убийстве?

— Не болтай глупостей, — остановила его Роуз и вкратце рассказала о встрече на кладбище.

Фокс выслушал внимательно, хмурия светлые брови.

— Я проверю, кто такая Элизабет Бакер. Весьма любопытный рассказик, весьма. Подождите здесь.

Он вышел, и через дверь было слышно, как инспектор отдавал распоряжения сотрудникам отправиться в церковь и гостиницу.

— Если она не на личном автомобиле, мы ее не упустим, — заявил он, возвращаясь в кабинет.

— Думаешь, это она убила мисс Миллер? — спросила Роуз, волнуясь.

— Ты хочешь, чтобы я занялся предсказаниями? Понятия не имею, причастна ли к этому какая-то Бакер. Зато я только что получил отчет судебного медика. Смертельный удар нанесли сзади, прямо в подзатылочную ямку. Раз — и в мозг. Мисс Миллер была с тебя ростом, Роза, а ты не маленькая. Женщина среднего роста вряд ли ударила бы так высоко, не смогла бы нормально замахнуться.

— Но Элизабет Бакер очень высокая, — Ричард призвал в свидетели Роуз: — Вы ведь обратили внимание, не так ли? Она на четыре пальца выше меня.

— Да, — кивнула девушка задумчиво. — Решительности нанести удар у нее бы хватило. И мисс Миллер она, похоже, ненавидела очень сильно. Тебе что-то еще нужно от нас, Брайан?

— Только одно, — Фокс посмотрел на Роуз слишком уж пристально. — Сейчас вернешься в Энкер-Хауз, найди рекомендации Вилсона, будь любезна. Надо выяснить, откуда появился этот типчик. Я позвонил сэру Джеймсу, он дал разрешение.

— Разве ты не смог узнать о мистере Вилсоне по своим каналам? — удивилась Роуз.

— Видишь ли, — инспектор привычно потер переносицу. — Оказывается, Эйбла Вилсона не существует в природе. Совсем.

В усадьбе Роуз бросилась перебирать архив с такой пылкостью, что в одно мгновение превратила кабинет графа в бумажную пустыню. Всюду — на столе, креслах и стульях, на каминной полке и даже на полу высились барханы из сложенных стопкой листов. Некоторые барханы рассыпались, и Ричард только и успевал подбирать листы, разлетающиеся по комнате.

Результат оказался неутешительным. Рекомендации Вилсона как в воду канули. Сэр Джеймс пожелал сам просмотреть бумаги, но увидев, что Роуз натворила в кабинете, тут же ретировался. Теперь, когда дворецкий исчез, инвалидное кресло пришлось катать Марвину. С этим делом он справлялся плохо, и то и дело наезжал на предметы мебели и косяки. Граф морщился, но замечаний конюху не делал.

— Куда же могли деваться бумаги Вилсона? — недоумевал сэр Джеймс, пока Роуз звонила Фоксу. — Я прекрасно помню, что он привозил письма от лорда Гордона и сэра Хьюго. Роуз, вы всё просмотрели? Рекомендации должны быть в коричневой папке.

— Уверяю вас, хозяин, я перерыла весь секретер, весь стол и два ящика в шкафу, — резко ответила Роуз, кладя трубку. — Никаких писем относительно мистера Вилсона. Впрочем, Брайан ничуть не удивился. Кстати, он сейчас беседует с мисс Бакер...

— Какой мисс Бакер? — спросил сэр Джеймс.

— Ах, всё так странно, — Роуз сделала неопределенный жест рукой, предоставив Ричарду рассказать о встрече на похоронах.

Граф выслушал о том, что экономка, якобы, шантажировала лорда Фицалана, с возрастающим изумлением.

— Самая нелепая история, которую мне приходилось слышать! — воскликнул он, когда Ричард замолчал. — Вы не выдумали это? Мисс Форест, это не одна из ваших проказ? Я просто не могу поверить!..

Роуз покачала головой:

— На этот раз я не виновата, сэр Джеймс.

— Мне надо прилечь, — граф снял очки и откинул голову на спинку кресла. — Джейкоб, будьте любезны, увезите меня в спальню. Что же творится в этом доме?..

Когда лорд Сент-Джонс и Марвин удалились, Роуз под села к Ричарду.

— Брайан сказал, что рассказ мисс Бакер почти подтвердился. Лорд Фицалан отрицает шантаж, но мисс Миллер, действительно, работала у него перед самоубийством леди Фицалан. И действительно, леди написала завешание в день смерти, и Саре Миллер не досталось ни цента, хотя вознаграждение получили даже горничные, которые работали меньше полугода.

— Фицалан... Не он ли приезжал, когда мисс Миллер пряталась от гостей? Помните, когда мы... слушали под окном? Я почти уверен, что миссис Пауэлл говорила про Фицалана.

— А ведь и правда, — Роуз переплела пальцы и нахмурилась. — Как же я могла забыть? То-то мне показалось это имя знакомым. Неужели, её убили из-за той старой истории?.. Но почему тогда сбежал Вилсон?

— Может, он и не сбежал? — озарило Ричарда.

— Не сбежал? Не понимаю...

— Он оказался свидетелем убийства, и мисс Бакер убила и его! А труп спрятала!

Несколько секунд Роуз обдумывала эту версию, но потом покачала головой:

— Почему же тогда она заодно не спрятала и труп мисс Миллер? Нет, тут что-то другое.

— Потому что не успела спрятать! Она погналась за Вилсоном, и тут-то я и нашел мисс Миллер...

— Тогда она убила бы и вас. Какая кровожадная шотландская дама бы получилась, — невесело пошутила Роуз. — Не будем строить догадок и подождем Фокси. Он обещал прийти вечером.

Лорд Сент-Джонс не появлялся до ужина, но когда снаружи раздался треск мотоцикла инспектора, спустился в гостиную. Марвин, стоявший за спинкой графского кресла, походил на тролля, готового напасть на старика, заблудившегося в горах. Роуз побежала открывать и вскоре вернулась в компании Фокса. Инспектор был, как обычно, невозмутим, а Роуз смотрела на него с тревогой.

— Что-то новое узнали, инспектор? — спросил граф. — Дети рассказали мне про некую мисс, которая обвиняла во всех грехах бедную Сару?

— Эти глупые дети ищут приключений на свою голову, — сказал Фокс, выразительно посмотрев на Роуз.

Та шмыгнула к закусочному столу у стены и принялась переставлять приборы.

— Поужинайте с нами? — предложил граф инспектору.

Фокс от ужина отказался, сказал, что торопится.

— Мы нашли мисс БAKER, — рассказал он, — но толку от этого мало. На момент убийства она была в Лондоне, еще и на прием к врачу заскочила, так что к смерти Миллер она непричастна. Говорит, что прочитала сообщение о смерти в газете и приехала. Самое интересное, её болтовня о шантаже находит подтверждение, и от этого милая экономка выглядит не лучшим образом.

— А Фицалан? — спросила Роуз, прижимая к груди салфетки. — Может, это он отомстил за смерть жены?

— Точно не он, — ответил Фокс. — Судя по всему, он не был убит горем, оставшись вдовцом. К тому же, в Лондоне забастовка, у него встали два предприятия, он последнюю неделю сбился с ног — искал новых работников. Тут не до поездок в глушь и не до запоздалой мести. Главный подозреваемый, всё же, Вилсон. Человек-невидимка. У которого фальшивые документы, нет рекомендаций, и который появился неизвестно откуда и пропал неизвестно куда.

— Рекомендации были, — растеряно произнес граф. — Я сам читал их. Лорд Гордон, сэр Хьюго...

— Да-да, Роза мне говорила, — перебил его Фокс. — Дело в том, что ни Гордон, ни Хьюго слыхом не слыхивали о Вилсоне и никогда не писали ему рекомендательных писем.

— Господи! — ахнула Роуз.

— Он подделал рекомендации и устроился к вам на работу, — казалось, инспектору доставляло удовольствие наблюдать замешательство и испуг собеседников. — Может, это какой-нибудь убийца, скрывавшийся от правосудия? Хорошо, что в один прекрасный день он не прирезал вас в собственных кроватях. Надо быть осмотрительнее, сэр Джеймс.

Граф теребил дужки очков, руки у него дрожали. Роуз подбежала и присела рядом с креслом на корточки:

— Не обращайтесь внимания, хозяин. Фокси шутит, не волнуйтесь.

— Я был непростительно доверчив, — сказал граф. — Спасибо, что утешаете меня,

мисс Форест, но я могу признать свою ошибку. Благодарю за работу, инспектор. Надеюсь, дело мисс Миллер будет расследовано с надлежащей тщательностью, и Вилсон будет обнаружен.

— Могу только обещать, что приложу для этого все усилия, — Фокс распрощался и уехал.

Обитатели Экер-Хауза поужинали в тишине, думая каждый о своём. Перед сном Роуз и Ричард уединились в библиотеке, не зажигая свечей, чтобы пошептаться в темноте.

— Вилсон вполне мог убить мисс Миллер, — говорила Роуз, — а потом сбежать.

— Испугался того, что сделал? — усомнился Ричард.

— Нет, он не похож на человека, который может необдуманно убить, а потом испугаться. Но он мог испугаться того, что кто-то раскроет его тайну. Несомненно, он скрывался в Энкер-Хауз. Ведь лучше места, чтобы спрятаться, не найдешь. Отдаленная деревушка, работа у уважаемого человека — никто не заподозрит ни в чем предосудительно.

— Тогда, возможно, мисс Миллер узнала его тайну, — предположил Ричард.

— Вполне возможно. В любом случае, его бегство выглядит подозрительно, но не будем никого подозревать без доказательств, — сказала Ройз с торжественным видом. — Это грешно.

— Роуз, вы очаровательны, когда говорите так, — Ричард, осмелев в темноте, взял девушку за руку.

— А вы такой глупыш, — покачала головой Роуз. — Спокойной ночи, мне пора во флигель для прислуги. Если увидите Вилсона в саду возле роз, закройте дверь и не выходите. Хорошо?

Экер-Хауз стал излюбленным местом паломничества инспектора Фокса. Примерно так подумал Ричард, когда увидел инспектора утром следующего дня в сопровождении двух полисменов, на закрытом служебном автомобиле. Ричард и Роуз сидели на лужайке, подкрепляясь сэндвичами, приготовленными миссис Пауэлл и строя догадки относительно убийства экономки и бегства дворецкого.

Полицейские скрылись в доме и не показывались около четверти часа, а когда вышли, Фокс принялся оглядываться, словно разыскивал кого-то. Заметив парочку, мирно уплетающую холодную говядину на ломтиках поджаренного хлеба, он некоторое время наблюдал за ними, уперев руки в бока, потом крикнул:

— Мисс Форест! Подойдите-ка сюда!

— О, он обратился к вам на «вы», — заметил Ричард, подавая Роуз салфетку, чтобы она вытерла руки. — Значит, что-то важное.

— Это вряд ли, — сказала девушка, поднимаясь с лужайки и отряхивая юбку. Шляпка валялась в траве, и Роуз привычным жестом водрузила её на голову и натянула до ушей. — Что там опять Фокси выдумал, хотела бы я знать?

Ричард не торопился навстречу к инспектору, ограничившись коротким кивком на расстоянии, но когда после нескольких фраз полисмены взяли Роуз под локти и повели в машину, он подскочил со всей резвостью, на которую был способен.

— Послушайте! Куда вы ее везете? — он бросился на помощь к девушке, но Фокс преградил ему дорогу.

— Эй, эй, художник! Не так прытко! Мы при исполнении.

— Все в порядке, Ричард, — сказала Роуз. Она была бледна, но не теряла присутствия духа. — Это лишь недоразумение. Я всё объясню.

— Но что происходит? В чем вас обвиняют?!

— Как-то так получилось, что мисс Форест сняла со счета лорда Сент-Джонса пять тысяч фунтов, — сказал инспектор самым невиннейшим тоном. — И как-то так получилось, что чек был поддельный.

— Этот чек мне передала мисс Миллер, — ответила Роуз. — Она сказала, что я должна съездить в Торки по поручению хозяина.

— Вот незадача, — Фокс поскреб подбородок. — Мисс Миллер уже ничего не подтвердит, а сэр Джеймс и слыхом не слыхивал ни о каком поручении. В банке Торки, конечно, работают тугодумы, но на второй день они уловили — что-то не так. Тут-то всё и открылось.

— Но Роуз здесь при чем? — возопил Ричард. — Наверное, это все экономка, она была очень неприятной женщиной и...

Роуз поморщилась и оборвала его:

— Ричард, прекратите. Я скоро вернусь.

Инспектор с улыбкой посмотрел на Ричарда и пожал плечами. Полицейские вместе с девушкой сели в машину и отбыли в сторону деревни. Ричард остался один, совершенно уничтоженный.

Вернувшись в дом, он нашёл в гостиной сэра Джеймса, который тоже был не в лучшем состоянии. Джейкоб Марвин только-только помог ему спуститься и теперь топтался рядом,

не зная, как встать и куда девать огромные руки.

— Дик, мальчик мой, вы уже слышали? Эта странная история с Роуз...

— Да, инспектор любезно сообщил мне о поддельном чеке, — сказал Ричард не сел, а рухнул в кресло, глядя перед собой невидящим взглядом. — Я не верю, что Роуз решила вас обокрасть!

— Мне и самому в это не верится, — отозвался сэр Джеймс. — Приехал инспектор, спросил, поручал ли я мисс Форест снять деньги в банке. Я ответил, что нет. Он спросил, подписывал ли я чек на предъявителя, на пять тысяч. Разумеется, нет. Тогда он рассказал, что в день смерти мисс Миллер Роуз получила по чеку с моей подписью пять тысяч фунтов. Но чек вызвал сомнение у служащего. Он обратился к Фоксу, тот как раз был в Торки. Фокс приехал ко мне... Нет, невозможно поверить, что Роуз сделала это... Хотя, она всегда нуждалась в деньгах... Но я ей никогда не отказывал в помощи, платил очень хорошо. Нет, нет, невозможно.

Джейкоб засопел, но на него не обратили внимания.

— Она хотела накопить денег для поездки в Египет, — сказал Ричард, и в его сердце закралось подозрение. Роуз способна на безумные поступки, он в этом уже убедился. Возможно, ей не захотелось ждать несколько лет?

— Да, она говорила о Египте, — сэр Джеймс нахмурился. — Правда, я не придавал значения ее фантазиям. Мне кажется, она очень привязана к Энкер-Хаузу, к нашей доброй Англии...

— Роуз не такая, — сказал вдруг Марвин, с ненавистью поглядев на Ричарда.

— Конечно, Джейкоб, о чем вы? — сказал граф успокаивающе. — Никто не обвиняет мисс Форест.

Ричард промолчал. Ему припомнились слова бывшего садовника о племяннице, что она может кончить так же, как Брижит Сент-Джонс. Но ведь Роуз не сбежала!

— Я сейчас же иду в полицейский участок, — сказал он.

Лорд Сент-Джонс горячо его поддержал и даже предложил взять коляску и лошадей, но Ричард отказался, он все равно не умел управлять парой.

— Я его отвезу, хозяин, — неожиданно предложил Джейкоб.

И хотя Ричард как мог отказывался от подобной компании, сэр Джеймс не захотел ничего слушать.

— Берите лошадей, Джейкоба и мчитесь в деревню, — заявил он тоном, не терпящим возражений. — На своих двоих вы доберётесь туда за час, а в коляске долетите за двадцать минут. Роуз нужна наша поддержка. Но непременно возвращайтесь к вечеру, я хочу узнать все новости.

На крыльце полицейского участка сидел инспектор Фокс и курил. Он ничуть не удивился, увидев взмыленных лошадей и графскую коляску. Не удивился он и пассажиру с кучером, у которых были немного безумные лица. Джейкобу пришлось заняться лошадьми, а Ричард сразу направился к Фоксу, воинственно сдвинув шляпу на затылок.

— Где мисс Форест? — сразу перешёл он в наступление. — Что вы с ней сделали?

— А что вы так разволновались, мистер художник? — спросил в свою очередь Фокс, не поднимаясь с крыльца.

— Я приехал...

— Всё в порядке, Ричард, я здесь! — раздалось вдруг из окна первого этажа нежный

девичий голос.

Окно было зарешечено, и Роуз помахала из-за металлических прутьев. Саму её Ричард не увидел — только ладонь и тонкие пальцы. Девичья рука за решёткой — это было уже слишком.

— Немедленно выпустите её! — потребовал он, сжимая кулаки.

— А то что, мистер? — лениво спросил Фокс, докуривая сигарету и гася её о ступеньку.

— По какому праву вы её заперли?

— Ричард, не волнуйтесь, — снова раздался голос Ройз. — Со мной всё в порядке и...

— Помолчи, Роза, — бросил Фокс через плечо. — Вы же слышали, мистер художник, она сняла деньги по фальшивому чеку. А денег нет, пропали.

— Это ничего не доказывает! — возмутился Ричард. — Я требую, чтобы мисс Форест немедленно выпустили!

— Вы адвокат? — спросил Фокс, поднимаясь. Он был ниже ростом, чем Ричард, но гораздо крепче и шире в плечах.

— Нет, я не адвокат...

— И не полицейский, — закончил Фокс. — И законов не знаете. А поэтому топайте отсюда, пока я вас не запер в соседнюю камеру.

— В чём же вы обвините меня? В убийстве?

— В препятствии расследованию. Или вы считаете, это законно — подслушивать у окна, когда идет допрос?

Ричард открыл рот, но возразить было нечего. Подумав, он пошёл на попятную:

— Вы поэтому арестовали мисс Форест? Но она не виновата. Это всё я... Отпустите её и задержите меня.

— Ричард, не болтайте глупости... — донеслось из-за решетки.

— Здравый совет, Роза, — сказал Фокс. — Теперь посоветуй, чтобы мистер художник его послушался.

— Идите домой, — тут же отозвалась Роуз. — Не волнуйтесь, со мной всё будет хорошо! Я вам сейчас покажусь, только залезу на рукомоЙник... — и через несколько секунд её милая мордашка показалась между железными прутьями. — Вот видите — я жива и здорово. Тут даже забавно. Можно воображать себя пленницей диких берберов, которые захватили меня в египетских пустынях и держат в темнице, готовясь подарить какому-нибудь шейху.

— Роза, если ты что-нибудь там сломаешь... — начал инспектор.

Но Ричарду было не до шуток.

— Как я могу оставить вас в этом страшном месте?! — почти простонал он. — Мистер Фокс... инспектор... вы же понимаете, что когда мисс Форест подслушивала — это все была шутка. Озорство!

— Такое озорство — как вилка в заднице. Но спасибо, что сказали. А я, честно говоря, немного сомневался — Роза ли пряталась под окном. Мало ли в Энкер-Хаузе любопытных? Так что для некоторых посидеть в полицейском участке будет полезно. Денька три-четыре. А там, глядишь, и любопытство испарится.

В следующее мгновение Джейкоб подскочил к Ричарду, схватил его за плечо, развернул и почти без замаха ударил в живот.

— Прекрати болтать своим грязным языком! — орал Джейкоб, порываясь пнуть упавшего художника, в то время как Фокс удерживал его поперек туловища, прихватив руки.

Ричард не потерял сознания, но в глазах потемнело. Ему понадобилось секунд тридцать,

чтобы отдышаться и встать на ноги. Джейкоб рвался из объятий инспектора, а у того даже лицо побагровело от натуги — сдержать разъяренного тролля оказалось тяжёлой задачей.

— Из-за тебя она там оказалась, а ты все болтаешь! Я тебе голову сверну, как курёнку!

— Животное! — бросил в ответ Ричард. — Первобытный идиот!

Джейкоб взревел, отшвырнул Фокса в сторону и опять бросился на художника. Ричард ответил более-менее приличным боксом, и теперь уже Джейкоб получил по скуле, а потом инспектор опять схватил его поперек тела. Из отделения выскочили полицейские и кинулись на помощь. Ричарда трясло от возмущения, а Джейкоб вдруг замолчал, всхлипнул и обмяк в руках служителей закона. Они опасливо отпустили его, готовясь схватить при новой попытке нападения, но конюх сел на землю и расплакался. Он размазывал по лицу слезы и бормотал:

— Болтает, дурак!.. Всё из-за него!..

— Ну-ну, не глупи, Джейкоб, — постарался успокоить его Фокс, так посматривая на Ричарда, будто он и вправду был зачинщик всех неприятностей. — Ты же знаешь, что я никому не позволю обидеть Розы. Но вот бить мистера художника тебе не следовало. Придется и тебе задержаться. И вам тоже, мистер художник. Видишь, Розы, у тебя будет прекрасная компания.

Оформление бумаг не заняло много времени. Ричард понял, что Фокс просто хотел соблюсти формальность. Их с Джейкобом развели по разным камерам, и все это время Ричард слышал хрустальный голосок Роуз — она ругала мужчин за несдержанность и глупость. Она была закрыта в какой-то другой камере, но даже звук голоса девушки действовал на Ричарда подобно целебному бальзаму.

Фокс любезно согласился остаться в отделении на ночь, чтобы присмотреть за нарушителями порядка. Ричард наблюдал, как Фокс курил возле окна, а потом развалился на стуле, пристроив ноги на стол. Тишину нарушил телефонный звонок, и инспектор со вздохом снял трубку.

— Отделение полиции, Девон, Фокс у аппарата! — отчеканил он. — Добрый вечер, сэр Джеймс... Что? Знаю, конечно. Оба сидят за решеткой... Что? Да не волнуйтесь так. Просто Джейкоб заехал мистери художнику, а мистер художник заехал Джейкобу... Ага, красота просто... Нет, сэр Джеймс, до завтра я никого не отпущу... Нет, сэр Джеймс, художник останется здесь. Смутьяны нам не нужны. Посидит ночь, утром будет умнее и спокойнее... Нет, сэр Джеймс, при всем уважении... Да, всего доброго.

Он бросил трубку и снова поудобнее устроился на стуле.

— Это был лорд Сент-Джонс? — спросил Ричард.

— Старичок заволновался, куда вы с Джейкобом делись. Наверное, подумал, что сбежали следом за Вилсоном.

— Фокси, не говори ерунды! — крикнула невидимая Роуз.

В своей камере что-то глухо заворчал Джейкоб.

— Собираетесь шуметь всю ночь? — поинтересовался Фокс. — Имейте в виду, я вас больше не слушаю, лунатики.

Он надвинул кепку на нос и вскоре захрапел.

Ричарду долго не спалось, но в конце концов и он уснул на жесткой лежанке. Ему снилась Роуз, она звала его по имени и тихонько стучала по решетке. Открыв глаза, он обнаружил, что это вовсе несон, но звала его не Роуз. Открыв замок, возле решетки стоял Фокс и нетерпеливо пристукивал ладонью по железным прутьям.

— Уже утро, можете убираться, — обрадовал он Ричарда. — Как раз успеете к завтраку. Джейкоба я отпустил на полчаса раньше, так что по дороге вам ничего не угрожает. Ну, и при встрече с ним не слишком геройствуйте. Если он проломит вам башку, Роза будет неприятно.

— Мисс Форест! Как она? И что вы намерены с ней сделать? — Ричард вышел из камеры, но уходить не спешил.

— Если вас интересует, что она делает сейчас, то отвечу — спит сном праведника, — Фокс раскурил очередную сигарету.

— Вы обвините её в краже?

— Идите уже, а? — не слишком любезно напомнил Фокс.

— Я скоро вернусь, — сказал Ричард. — Когда она проснется, передайте ей это.

— Всенепременно, — проворчал инспектор.

До Энкер-Хауза Ричард добрался благополучно, не встретив воинственного конюха. Миссис Пауэлл разразилась слезами и кудяхтаньем, едва он переступил порог усадьбы. Тут же был накрыт стол, а узнав, что Ричард собирается вернуться в полицейский участок, кухарка собрала для Роуз огромную корзину с бутербродами и булочками, которых хватило бы на всех полицейских Девона. Лорд Сент-Джонс тактично не спрашивал о причинах драки с Марвином, а сам конюх прислуживал графу с непроницаемым лицом. Ричарда порадовало, что глаз у Джейкоба заплаыл и был яркого лилового цвета.

Побрившись и надев свежую сорочку, он собрался в деревню, прихватив корзину с провиантом. Миссис Пауэлл была убеждена, что в тюрьме все голодают, и волновалась за Роуз. Ричард уже готов был выйти из дома, но на пороге столкнулся с Джейкобом, конюх-контроль дожидался его в полутемной прихожей. Ричард не заметил его и ткнулся носом в широченную грудь.

— Эй, мистер, — сказал Джейкоб свистящим шепотом. — Если ещё раз болтанёте о планах мисс Роуз уехать в Египет, я вас сброшу с утеса. Вот этими вот руками.

Он поднес к самому лицу Ричарда свои руки-лопаты и пошевелил короткими сильными пальцами.

— Я её в обиду не дам, — добавил Джейкоб, взглянул с ненавистью и утопал на кухню.

— Не человек, а монстр, — пробормотал Ричард ему вслед. Сказать это громко побоялся. Кто знает, что взбредет выкинуть эдакой горилле, а снова попробовать на себе крепость его кулаков не было ни малейшей охоты.

Когда он появился на пороге полицейского участка, запыхавшийся и взволнованный, придумывая тысячи оправданий поступку девушки, навстречу ему вышла Роуз.

Она была одна, никто из полицейских её не сопровождал, и сбегать она не собиралась. Она постояла на крыльце, о чем-то раздумывая, а потом медленно спустилась по ступеням.

Ричард подбежал, не помня себя от радости, и схватил её за руку.

— Вас отпустили? Я был уверен, что все образуется!

Но Роуз не выказала той же радости. Она подняла глаза и некоторое время смотрела на Ричарда, словно не узнавала его.

— Вы не поверите! — сказала она наконец, и по её лицу было ясно, что она-то сама в это никак не может поверить. — Поймали Вилсона. При нем был чемоданчик с деньгами, а среди купюр лежала моя булава для шляпки, которую я потеряла несколько дней назад. Булава вся в засохшей крови. Представляете?! Вилсон убил мисс Миллер шляпной булавкой! Моей шляпной булавкой!

Невозможно было понять, что поразило девушку больше — убийство, совершенное Вилсоном, или использование её собственной булавки.

— Я изумлен, но еще больше счастлив. Счастлив, что вы теперь вне подозрений! Уйдем отсюда поскорее. Граф тоже очень переживал за вас.

— Но это еще не всё! — спохватилась Роуз. — Представляете, Вилсон — немецкий шпион! Его давно разыскивали, а он прятался у нас, в Энкер-Хаузе! Фокси предъявил мне на опознание чемоданчик и булавку. Это так захватывающе!.. Он сказал, что ничуть не подозревал, что я замешена в мошенничестве. И ещё он сказал, что судья обязательно оправдает меня, и дело будет возбуждено только в отношении Вилсона.

— Фокси просто сама доброта! — ревниво отозвался Ричард. — Если не подозревал, мог бы вести себя полюбезнее. Я бог весть, что начал думать...

— Что я прихватила деньги нашего старичка и решила сбежать в Египет? — рассмеялась Роуз. — Если бы я решилась на такой шаг, то прихватила бы фамильные драгоценности Сент-Джонсов и вас в придачу.

Она снова засмеялась — на сей раз над собственной шуткой, и спросила:

— А что это за корзина у вас? Вы собрались на пикник?

— Миссис Пауэлл передала вам провиант, чтобы вы не исхудали в заключении.

— Моя милая Элеонора! — Роуз даже захлопала в ладоши. А пойдемте, навестим дядюшку? Он будет рад узнать, что все обошлось, и угощение придется так кстати.

Мистер Форест и впрямь был рад, что дело закончилось благополучно, и тут же от души выругал Роуз, за то что она попала в такую отвратительную историю.

— С тобой вечно что-то приключается! — он шумел, стучая кулаком по столу, но Роуз сделала обычную гримаску и прижалась к его плечу, хлопая ресницами.

— Вот ведь хитрющая! — не выдержал мистер Форест и расхохотался. — Вся в мать. Будете уходить — закройте двери, молодые люди. Мне надо наведаться в церковь, посмотреть, как там прижились ирисы.

Когда он ушел, Роуз и Ричард приступили к обсуждению последних событий.

— Скорее всего, Вилсон пришел к мисс Миллер и передал ей якобы поручение от хозяина, — говорила Роуз, размахивая чайной ложечкой в такт словам. — Сказал, чтобы она послала меня снять наличные и никому об этом не рассказывала. Ведь мисс Миллер именно так и сказала — помалкивать. Я поэтому и молчала, Ричард. Вы мне верите? Ведь пять тысяч фунтов — не та сумма, чтобы рассказывать о ней направо и налево. Когда же я передала деньги мисс Миллер, Вилсон убил её, забрал чемоданчик и сбежал. Я логично рассуждаю?

Ричарду не хотелось обижать девушку, но он указал на некоторые пробелы в её теории:

— А почему он подошел с якобы поручением к мисс Миллер, а не сразу к вам? Хотя, если это он, я рад, что жертвой была выбрана мисс Миллер, а не вы.

Роуз задумалась, морща лоб.

— А вдруг, мисс Миллер была его помощницей?! — воскликнула она. — Помните, мы шутили, что она — немецкая шпионка? Он мог завербовать её. Тогда всё сходится. Они договорились обокрасть хозяина, но потом что-то разладилось, и он расправился с ней. Нашел мою булавку и... — она сделала выразительный жест ложкой и вздрогнула. — Это страшно, правда?

— Правда. Но всё закончилось.

— Всё закончилось, — повторила Роуз, но почему-то с сомнением покачала головой.

Последующие несколько дней опять переполошили всю деревню. Ричард и Роуз присутствовали на судебном заседании по обвинению Вилсона. Бывшего дворецкого арестовали, и вскоре за ним должны были приехать из «Сикрет Сервис». На суде Вилсон держался очень хладнокровно. Его версия событий была следующей: по поручению хозяина он пошел искать мисс Форест, услышал её голос в розарии, направился туда и нашёл в беседке мертвую экономку, а рядом — раскрытый чемоданчик, полный денежных купюр. Он посчитал, что это его шанс, схватил деньги и решил сбежать в Африку. О том, что в чемоданчике лежала шляпная булавка — орудие убийства, узнал только в полиции.

Конечно же, судья не поверил его словам, но Роуз по дороге домой была необыкновенно задумчива.

— Что-то не вяжется, — сказала она. — Допустим, Вилсон провернул всю эту аферу с деньгами и убил экономку... Тогда почему он не попросил снять денег больше? Пять тысяч — не так уж много. Сказал бы — десять тысяч, пятнадцать.

— Может, он боялся, что слишком большая сумма возбудит подозрения?

Роуз отмахнулась, она всегда так делала, когда Ричард раздражал её глупыми рассуждениями:

— Я снимала суммы и гораздо больше! К вашему сведению, хозяин — известный благотворитель в этих краях. В прошлом месяце я сняла пятьдесят тысяч для детского приюта.

— По-моему, в вас выиграло христианское милосердие, и вы уже готовы простить Вилсона.

— Он военный преступник, — заметила Роуз, — но и военные преступники иногда говорят правду. Если исходить из того, что Вилсон провернул аферу с деньгами и убил мисс Миллер, что ему мешало сделать это раньше? Он уже много лет живет в Энкер-Хауз. Что? Ага, ага!

— Может, он только сейчас додумался до такого простого способа хищения? — предположил Ричард.

Роуз нахмурилась. Версия ей не понравилась.

— И еще я никак не могу избавиться от мысли, что смерти Беатрис и мисс Бишоп связаны с Вилсоном и с убийством мисс Миллер, — призналась она. — Так легко столкнуть с обрыва старую женщину и подлить какую-нибудь отраву в суп или чай. Шпионам ведь известны множество страшных ядов, которые не оставляют следов.

— Если он шпион, может, ему дали задание — избавиться от лорда Сент-Джонса? А Беатрис могла узнать что-то из его прошлого, поэтому он и расправился с ней?

— Я вас умоляю! Что за глупости? — фыркнула Роуз. — Что могла узнать Беатрис? Не надо приписывать ей такую потрясающую прозорливость. Хозяин вовсе не глуп, он раскусил бы шпиона намного раньше, чем эта несчастная женщина. Даже мы с вами ничего подобного не подозревали.

— Возможно, тут имел место случай. Стечение обстоятельств.

— Случайностей не бывает! — опять отмахнулась Роуз.

— Знаете, а меня удивляет, что и мисс Бишоп, и Беатрис перед самой смертью упоминали о невестке графа. Почему эта история так прижилась в вашей деревне? Ведь прошло много лет. Неужели ничего интересного с тех пор не случилось?

— Вы правы, всюду натыкаешься на эту особу. Она привязчива, как репейник.

— А мисс Миллер была знакома с Брижит. Она говорила о ней перед тем, как ее убили.

И она назвала ее Дамой Дождя.

— Дамой Дождя? Расскажите поподробнее.

— Она сказала что-то вроде: всё это из-за Дамы Дождя. Но имела в виду невестку графа. Мы смотрели на её портрет. А мисс Бишоп утверждала, что Дама Дождя получила пс заслугам. Думаете, они говорили об одной и той же женщине?

Роуз что-то прикинула мысленно.

— А кто вообще такая, эта актриса Брижит? — медленно сказала она. — Говорят, она сбежала, ограбив лорда Джеймса, но как тогда к Беатрис попала похищенная драгоценность?

— Может, Брижит дала ей серьгу в качестве платы за молчание, потому что Беатрис могла что-то рассказать? — предположил Ричард.

— Нет, едва ли. Беатрис не понимала ценности вещей, ей можно было с тем же успехом дать зеркальце.

— Зеркальца не оказалось под рукой.

— Плохо же вы знаете историю, — насмешливо заметила Роуз. — В те времена женщины таскали с собой столько безделушек, что походили на бакалейную лавку. Уж зеркальце или пудреница всегда были под рукой. Тем более, у актрисы. А давайте-ка опять заглянем в полицейский участок.

— Зачем это?!

— Конечно же не потому, что мне там ужасно понравилось! — вспыхнула Роуз. — Какой вы бестолковый! Мы попытаемся узнать что-нибудь о сбежавшей Брижит. Моё внутреннее чутье, — она положила руку на сердце и закрыла глаза, словно прислушиваясь к чему-то, — моё внутреннее чутье подсказывает, что надо покопаться в древних тайнах Энкер-Хауза. Чем тайны английских аристократов хуже тайн египетских фараонов? Только вам придется постоять снаружи. Мне не хочется, чтобы вы с Фокси сцепились. Очередное убийство нам вовсе ни к чему.

Они заперли дом, вернулись к полицейскому участку, и Ричард был оставлен у крыльца — обиженный, раздосадованный, а Роуз легко взбежала по ступенькам. Вскоре ее голос послышался из распахнутого окна, а потом раздался голос инспектора Фокса. Оглянувшись по сторонам, Ричард подошел ближе, чтобы слышать разговор.

Роуз была прямолинейна, как всегда. Ей нужна информация о Брижит Сент-Джонс, и Брайан обязан ей помочь. Брайан так не считал и вполне резонно напомнил, что с момента побега интересующей особы прошло двадцать пять лет, вряд ли сейчас об этом можно узнать больше, чем четверть века назад. Но Роуз была не из тех, кто легко отступает.

— Твой дядя служил тогда в Скотланд Ярде и работал по этому делу. Он сам рассказывал. Позвони ему и спроси.

— Сдается мне, что ты опять хочешь вляпаться в какую-то историю, — недовольно протянул инспектор. — Да что у тебя за характер такой, Роза?

Он помолчал, а потом спросил уже другим тоном:

— Это нужно тебе или тому патлатому парню? Художнику из Франции?

— А это не твоё дело, — холодно ответила Роуз.

Последовала долгая пауза.

— Я закурю, если не возражаешь, — сказал Фокс.

Послышался звук отодвигаемого стула и шаги к окну. Ричард еле успел отступить за угол, чтобы не быть застигнутым на месте подслушивания.

— Ты так печёшься об этом французе, — сказал инспектор между двумя затяжками. —

А что мы о нём знаем? Вся чертовщина началась именно с его приездом.

— Теперь ты и его подозреваешь? — язвительно спросила Роуз.

— Не злись. Я сразу знал, что история с поддельным чеком не имеет к тебе никакого отношения.

— Но привез меня в участок с полицейским сопровождением!

— Но не в наручниках же?

Ответа Роуз Ричард не услышал, хотя отчетливо представил, как гневно засверкали ее глаза.

— Ты знаешь, что это такое? — спросил вдруг Фокс.

После некоторого молчания Роуз сказала:

— Разрезанная книга...

— Не разрезанная, — терпеливо поправил ее инспектор. Он отошел от окна, и Ричард снова вернулся к своему подслушивающему пункту. — Не разрезанная, из нее вырезаны отдельные слова и буквы.

— Но зачем?

— Не знаю. Обычно так поступают, когда хотят сообщить о чем-то важном, сохранив анонимность. Отправляют послание, склеенное из вырезанных букв, чтобы не опознали по почерку. Мы нашли эту книгу при обыске. В кухне, в угольной топке.

— Я не понимаю... — растерянно сказала Роуз.

— И я сначала не понимал. Кому и для чего надо составлять послания из вырезанных букв? Может, кто-то составлял письмо для шантажа? Убийцы, например?

— Мисс Миллер? — ахнула Роуз.

— Да, похоже, что мисс Миллер имела опыт в этой области. Но я проверил всех жильцов Энкер-Хауза. Отправил запросы в Скотланд-Ярд. И выяснил кое-что очень любопытное. О кухарке.

— О миссис Пауэлл?!

— Во-первых, ее фамилия — не Пауэлл, а Павлова. Она из Польши, эмигрировала в Англию вместе с хозяйкой — графиней Добош. Они поселились в Лондоне, графиня посещала светские приемы, устраивала приемы сама, жила на широкую ногу. В один прекрасный день она пригласила на чай леди Маргариту Дуглас, жену графа Дугласа. Выпив чая, гостя почувствовала себя дурно и потеряла сознание, а когда очнулась, обнаружила, что графиня Добош и служанка Ольга Павлова исчезли вместе с её драгоценностями на очень приличную сумму. Позже выяснилось, что графиня Добош — вовсе не графиня, а очень умелая мошенница и воровка. Когда её привлекли к суду, Ольга Павлова обвинялась в пособничестве, но прямых доказательств не было, её отпустили. Она уехала из Лондона, а теперь оказалось, что все это время она проживала в Энкер-Хаузе.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Миссис Пауэлл — мошенница и воровка? Да еще шантажистка? Не могу поверить!

— Может и не шантажистка. Может, кто-то шантажировал её. Ее прошлым. И пять тысяч фунтов могли быть платой за молчание.

— По-моему, ты бредишь! Ты хочешь сказать, это миссис Пауэлл подделала чек и уговорила мисс Миллер отправить меня в банк? Может, она ещё и убила мисс Миллер?

— Я хочу сказать, что в Энкер-Хауз может находиться убийца, может находиться шантажист и точно находится особа с темным прошлым. Хорошо, что хоть от Вилсона мы вас избавили. Тебе не кажется, что Энкер-Хауз становится похож на логово дракона?

Смотри, как бы у дракона не оказались черные длинные кудри и французский акцент.

Роуз только фыркнула и вдруг воскликнула:

— Вилсон! А если вовсе не миссис Пауэлл была объектом шантажа, а Вилсон?

— Может и так, — не стал отрицать Фокс. — Следствие ещё идет. Но тебе там точно не место. Переезжай-ка к дядюшке. Так я буду спать спокойно.

— Позволь мне самой решать, где жить и что делать, — огрызнулась Роуз. — Когда узнаешь о Брижит, сообщи, пожалуйста.

Она ушла не прощаясь, и поэтому застала Ричарда возле окна.

— Вы слышали, — сказала она. В голосе ее не было ни осуждения, ни удивления.

— Да, слышал. Шантажист в Энкер-Хаузе, миссис Пауэлл — воровка из Восточной Европы.

— Не верю в это! — яростно помотала головой Роуз.

— Мне кажется, мы придумываем то, чего нет. А на самом деле все очень просто — с мисс Бишоп и Беатрис произошли несчастные случаи, мисс Миллер шантажировала Вилсона, тот испугался, провернул аферу с деньгами, избавился от человека, знавшего его тайну, и скрылся. А серьгу невестка графа могла потерять при бегстве, и Беатрис подобрала ее.

— Как-то всё очень просто, — проворчала Роуз.

— А вам непременно нужны вековые тайны? Здесь не Египет.

— В любом случае, дождемся, что расскажет нам Фокси. Я предчувствую нечто жуткое и ужасное!

— Какой вы ещё ребенок, — сказал Ричард, качая головой.

— А вы — дряхлый ворчун, — парировала Роуз.

До вечерней росы Ричард решил прогуляться по саду. Роуз нигде не было видно, а он испытывал необходимость с кем-то поговорить по душам. Пару раз он подумывал, что неплохо бы уехать отсюда, вернуться во Францию, но тут же отметал подобные мысли. В конце концов, всё ужасное позади, преступник пойман, а здесь остаётся Роуз. Совершенно невозможно уехать, когда она остаётся.

В розарии он встретил лорда Сент-Джонса. Клетчатый плед укрывал ноги графа, на коленях примостилась полосатая кошка.

— Прекрасный вечер, не правда ли, Дик? — спросил сэр Джеймс, даже не оглянувшись.

— Как вы узнали, что это я? — Ричард подошел ближе, погладил кошку и уселся на скамейку. Розы пахли особенно сильно, наверное, перед грозой.

— Как узнал? По шагам. В последние годы я весьма в этом поднаторел — узнавать чужие шаги. У вас — твердый, широкий шаг. Миссис Пауэлл семенит, Джейкоб ступает грузно, по-медвежьи, а мисс Форест скачет легко, как птичка.

— Кстати, о птичке. Вы не знаете, где она? К вечернему чаю не пришла и сейчас не показывается...

— На сей раз я точно знаю, куда ваша птичка упорхнула, — тихо засмеялся лорд. — Она отпросилась пораньше, сказала, что ей надо в деревню. Инспектор Фокс зачем-то хотел с ней встретиться.

— Инспектор? — настроение у Ричарда сразу испортилось, и вечер потерял очарование. Наверняка, Фокси что-то разузнал о Брижит, и Роуз помчалась получать сведения, даже не потрудившись позвать с собой его, Ричарда.

— Я вижу, вам не терпится улететь вслед за пташкой? — добродушно пошутил сэр Джеймс. — Так и должно быть. Молодость тянется к молодости. Мисс Форест ушла вот по этой тропинке десять минут назад. Если полетите столь же быстро, сможете её настичь.

— А как вы вернетесь в дом? — спросил Ричард, уже вскакивая.

— Не беспокойтесь, за мной придет Джейкоб.

Ричард поспешно раскланялся и побежал вслед за Роуз. Но у той ножки, действительно, были крылаты, и он её не догнал. Добравшись в сумерках до деревни, Ричард обнаружил, что полицейское управление закрыто, и ни в одном из окон нет света. Если Роуз и была здесь, то ушла. Вместе с Фоксом. А может, они условились встретиться в другом месте.

Ричард отправился в обратный путь, и на душе у него было невесело. С запада напознала грозовая туча, обещавшая дождь, а море грозно ворочалось, вгрызаясь в берег. Любуясь мрачным пейзажем, Ричард остановился на Вороньей Круче, на том самом месте, где в первый день приезда они с Роуз встретили безумную Беатрис. Ему послышался шорох за спиной, похожий на осторожные шаги, и он оглянулся. Но дорога была пустынна, а деревья за нею казались особенно зловещими. Ричард поежился и снова принялся созерцать штормовое море. Мысли его вернулись к Беатрис. Что она напевала?..

— Он ушёл и умер, леди, — пробормотал Ричард, стоя над обрывом. — Он умер и ушёл.

Кто-то толкнул его в спину, и не успев даже испугаться Ричард камнем полетел с обрыва. Каким-то чудом ему повезло упасть не на прибрежные камни, а в море, и оно тут же его заглотило. От удара о воду он на мгновение потерял сознание, но молодое тело, а больше — жажда жизни, быстро привели в чувство. Плавать он почти не умел, к тому же мешали намокшее пальто и ботинки. Беспорядочно молотя руками и ногами, ему удалось подняться на поверхность, чтобы глотнуть спасительного воздуха, а потом волна накрыла его. Новая борьба — и Ричарду повезло ухватить ещё поток воздуха. Вода заливала нос и рот, волосы прилипли к лицу, мешая смотреть. Как сквозь мокрое стекло, Ричард увидел Воронью Кручу — пустую и грозную. Никого нет, никто не придет на помощь. Надо было раздеться и снять обувь, но Ричард боялся, что тогда погрузится слишком глубоко и ему не хватит сил выплыть.

Казалось, борьба с водной стихией продолжалась несколько часов. Ричард совсем выбился из сил и в очередной раз провалился в синюю бездну. Но в тот момент, когда он скрылся под водой, кто-то подхватил его, чтобы удержать на плаву. Ричард машинально вцепился в руку спасителя и утянул его за собой. Словно во сне мимо проплыло лицо Роуз, изо рта её вырвалась гирлянда пузырей. Она пыталась освободиться, но Ричард не мог отпустить её — судорога свела пальцы. Запаниковав, он схватил девушку еще и за плечо. Волна выбросила их на поверхность, с издевкой продлевая агонию. Роуз коротко замахнулась и ударила его в висок. В мозгу вспыхнуло, а потом нахлынула темнота.

Ричарду виделось, что он лежит на каменистом морском берегу, и волны лижут его щегольские туфли. Он промок до нитки, в небе клубятся сизые тучи, колючие от молний, небо низвергает потоки воды, а рядом сидит Дама Дождя. Склонившись, она гладит его по голове, и на щеках её капли то ли дождя, то ли слез. Она что-то шепчет. По-крайней мере, губы её шевелятся, но море ревет так, что Ричард не может расслышать ни слова. Дама Дождя наклоняется к нему близко-близко, а потом приходит имя: Регина Гайлар. Ричард не может понять — сам он вспомнил его, или только что услышал.

— Господи! Да очнись, идиот! Очнись!

Нет, Дама Дождя не могла так кричать. Это был голос Роуз. Ричард закашлялся,

застонал и открыл глаза. Все было точно так же, как в его видении. Буря, молнии, проливной дождь. Только вместо Дамы над ним склонилась Роуз.

— Как можно быть таким идиотом! — закричала Роуз, когда Ричард посмотрел на неё, но теперь в голосе слышалось облегчение. — Ну кто, кто, скажите мне, бродит во время шторма по Вороньей Круче?! Вы решили повторить историю бедной Беатрис?! Поднимайтесь, надо уходить отсюда, скоро начнется прилив.

Ричард приподнялся на локтях. Всё тело ныло, будто его пытались забить камнями.

— Но сами-то вы тоже гуляете над обрывом, — заметил он, с кряхтением пытаясь встать.

— На ваше счастье, мой поезд задержался! Поэтому я проходила здесь так поздно! — Роуз сердито отбросила с лица мокрые волосы.

Ричард увидел, что она была без юбки, в смешных коротких штанишках, обшитых у колен кружевами. И босиком. Чулки разорваны, ноги окровавлены, а правую руку девушка как-то неловко прижимала к груди.

— Что с вашей рукой?

— Ушибла, когда ударила вас! Вы хоть понимаете, что могли утопить нас обоих?! — Роуз опять начала горячиться. — Хорошо, что я прошла медицинские курсы по спасению олухов, подобных вам!

Они побрели по тропинке, ведущей наверх, спотыкаясь и поддерживая друг друга.

— Можно сказать, вас послало само провидение...

— Я шла в деревню и заметила, что кто-то тонет. Узнала вас по длинным волосам.

— Да, этому патлатому парню очень повезло, что вы оказались рядом, — Ричард тепло посмотрел на девушку. Она ответила нервным смешком.

Поднявшись к дороге, они отыскиали юбку и туфли, которые Роуз сбросила, прежде чем прыгнуть в воду.

— Помогите мне одеться, — сказала она строго.

Вдвоем они кое-как натянули на Роуз мокрую юбку, Ричард застегнул пуговицы на поясе и помог девушке обуться.

— Вам надо к врачу, — сказал он. — Вдруг у вас сломаны пальцы?

— Ерунда! Приложу лед — и пройдет. А теперь прибавьте-ка шагу. Я продрогла до костей и мечтаю о сухой одежде, горячей ванне и о чашке обжигающего чая. Роуз баюкала руку, как младенца.

Ричард думал, что она не признается, но ей, наверное, очень больно.

— Я разговаривала с Фоксом, — сказала девушка, смахивая с лица дождевые капли. — Никакой Брижит Сент-Джонс не было в природе. Жену Чарльза звали Регина...

— Гайлар, — закончил Ричард.

Роуз посмотрела на него с изумлением:

— Откуда вы узнали?

— Наверное, перед смертью всё вспоминается особенно ясно. Я вдруг вспомнил шляпку с портрета — три розы, две перепелки и колосья. Такую шляпку я видел на фотографии Регины Гайлар. Мадемуазель Гайлар была очень популярна во Франции в начале века — красавица, актриса, поэтесса, хозяйка светского салона. Она называла себя дочерью русского князя и французской пианистки. А вы — отчаянная, Роуз! Я очень вам благодарен за спасение жизни.

— Имейте в виду, я бросилась бы спасти любого, — торопливо заверила его

девушка. — Но что вас потащило на обрыв, да еще во время грозы?! В темноте так легко оступиться!

— Я не оступился, — медленно ответил Ричард, припоминая. — Меня толкнули. Я стоял над обрывом, размышлял о безумной Беатрис, и кто-то толкнул меня в спину.

Роуз остановилась как вкопанная.

— Что вы такое говорите?! — голос её дрогнул. — Зачем кому-то понадобилось сталкивать вас? Вы никому ничего плохого не сделали!

— Почему же? — к Ричарду вернулось его обычное добродушие. — Это мог быть кто-то из ваших поклонников. Мистер Бишоп, например, Джейкоб Марвин или инспектор Фокс. Джейкоб, кстати, обещал сбросить меня со скал, если я сболтну о вас лишнее полиции. Как вам удалось свести с ума нас всех?

— Не говорите глупостей! — оборвала его Роуз. — Майкл в Лондоне, а Брайан не таков, чтобы толкать в спину. А Джейкоб... да кто принимает его всерьез? Вам точно не показалось?

Чтобы она перестала волноваться, Ричард сказал, что сейчас уже ни в чем не уверен. Может, у него закружилась голова от высоты. Роуз заметно успокоилась и даже вздохнула с облегчением.

Миссис Пауэлл пришла в ужас, увидев молодых людей в столь плачевном состоянии. По дороге в усадьбу Роуз и Ричард договорились не рассказывать никому о падении с обрыва. Закутанные в пледы, грея ладони о чашки с чаем, они сидели на кухне, перешептываясь, как заговорщики. Миссис Пауэлл наложила на руку Роуз холодный компресс — Роуз объяснила, что упала, поскользнувшись.

— Фокси порасспросил дядю. Тот очень хорошо помнит подробности дела о самоубийстве Чарльза Сент-Джонса. Тогда были больше обеспокоены самоубийством Чарльза, а не побегом француженки. Её побег обнаружили 28 июня 1901 года. Её толком и не искали, поэтому не известно — куда она бежала и с кем. Человека, который остановился в гостинице под вымышленным именем, тоже не нашли. Он был записан, как Киллук Нэйал. А вот жизнь Чарльза в последние дни изучали очень пристально. После побега жены он пребывал в страшном волнении, отправил телеграмму адвокату в Торки — там ли Регина. Пришел ответ, что в Торки её нет. Наутро Чарльза нашли на скалах Вороньей Кручи. Сэр Джеймс пытался представить всё, как несчастный случай, но полиция нашла в бумагах покойного прощальное письмо. Там говорилось, что Чарльз не может пережить измену жены, не видит смысла в жизни и просит в его смерти никого не винить.

— Нам надо найти адвоката, — сказал Ричард. — Не может быть, чтобы после смерти Чарльза он не искал Брижит... Регину. Ведь она оказалась наследницей.

— Ее искала полиция и не нашла. Не забывайте, что она обокрала хозяина. Но за двадцать пять лет драгоценности нигде не всплыли. Кроме серьги, обнаруженной у Беатрис. Хотя, вы правы. Нам надо съездить к адвокату. Сдается мне, что узелки на ниточке этой истории были завязаны далеко в прошлом.

— Вы говорите, как Шерлок Холмс! Но я согласен быть вашим доктором Ватсоном, — заявил Ричард.

— Как вы любите говорить глупости, — вздохнула Роуз.

На следующий день, отпросившись у сэра Джеймса на целый день, молодые люди отправились в Торки. Поезд был полупустым, погода — чудесной. Ричард и Роуз сидели друг напротив друга, дурачились и смеялись без конца. Вчерашнее происшествие уже казалось Ричарду неправдоподобным сном. Теперь он и сам сомневался — а сталкивали ли его с обрыва? Возможно, ему просто почудились шаги, толчок в спину. Закружилась голова от высоты, остуился — и пожалуйста... Лучше не думать об этом, забыть поскорее.

Роуз получила от инспектора Фокса имя и адрес адвоката, и вскоре новоявленные сыщики стояли на пороге чистенького домика с ситцевыми занавесками в цветочек. Им открыла пожилая женщина — милая, опрятная, с приятным, немного усталым лицом. Она держала на руках щенка пуделя, и Роуз сразу разразилась комплиментами в адрес собачки.

— Его зовут Мунки, — пояснила женщина. — Потому что шерсть у него хоть и светло-серая, но на ушках и спинке с золотистым отливом, совсем, как луна. Он так мил, мой Мунки. Что бы я делала без него? На старости лет одной очень тоскливо, особенно по вечерам... Вы из общества по защите животных?

Роуз двинула Чарльза локтем.

— Вообще-то, мы разыскиваем адвоката Нила Коулея, — сказал Ричард, — нам дали этот адрес...

— О! Вы опоздали ровно на двадцать пять лет, — сказала женщина. — Мой брат погиб двадцать пять лет назад. Меня зовут Лавиния Коулей. Проходите, я угощу вас какао.

Не прошло и десяти минут, Роуз и Ричард сидели в уютной гостиной со старомодными обоями, а мисс Лавиния, поглаживая Мунки по рыжеватой голове, предавалась воспоминаниям.

— Он был отличным законником, мой брат. Таких сейчас нет. Принципиальный, очень принципиальный. У него было много клиентов, даже из других городов приезжали. Я помогала ему в качестве секретаря, но большую часть работы он делал сам — он был очень щепетилен во всем, что касалось чужих тайн. А вы ведь знаете, что работа адвоката — она всегда связана с чужими тайнами. Подчас неприятными, бывает, что и постыдными, а то и страшными. Он умер, мой бедный Нил. Разбился.

Роуз и Ричард переглянулись.

— Как же это произошло?! — изумление и ужас Роуз были вовсе не поддельные.

— Упал со скал во время прогулки. Он любил гулять. При сидячей работе нужны ежедневные физические нагрузки. Нил гулял каждый день по часу.

— Это ваш брат? — спросил Ричард, заметив фотографию на камине. На фотографии молоденькая девушка и высокий мужчина атлетического телосложения позировали на фоне мелкой горной речушки.

— Да, это мы с Нилом. Фотография сделана в тот год, когда он только начал практику. Подождите, когда это было? Сейчас я вспомню...

— Судя по фотографии, он отличался отменным здоровьем? — спросил Ричард.

— Юношей Нил участвовал в соревнованиях по метанию гири, — с гордостью рассказала мисс Лавиния. — Он занял первое место среди юниоров. Он мог бы стать выдающимся спортсменом, но выбрал юриспруденцию. И преуспел и на этом поприще.

— Если ваш брат был в прекрасной физической форме, то не кажется вам странным,

что он упал со скал?

— От несчастных случаев никто не застрахован, — философски заметила старая дева. — Это было любимое выражение моего брата. Но почему вы разыскиваете его?

— Видите ли, — вступила в разговор Роуз. — Мы разыскиваем некую Регину Сент-Джонс, в девичестве Гайлар. Мистер Коулей был её душеприказчиком. Мы надеялись, что он может что-то сообщить о её местонахождении. Возможно, остались архивы вашего брата?

Мисс Лавиния пожевала губами:

— Сент-Джонс... Фамилия кажется мне знакомой. Архивы остались, — признала она. — Но вы сами понимаете... адвокатская этика...

— Но вы же не адвокат, дорогая мисс Коулей, — Ричард обезоруживающе улыбнулся. — К тому же, мы не замышляем ничего дурного.

— А чтобы вас не слишком затруднили поиски... — Роуз извлекла из сумочки денежную купюру и положила ее на столик. — Примите это от нас в знак благодарности за потраченное время.

— А вы дипломат, — шепнул Ричард девушке, когда мисс Лавиния повела их на чердак. В ответ Роуз заговорчески подмигнула.

Архив представлял собой несколько полок, заставленным коробками с папками, аккуратно завязанными на бантик. Все коробки были пронумерованы, а полки снабжены табличками в алфавитном порядке.

— Сначала посмотрим Гайлар, — Лавиния подтащила стремянку и забралась на самый верх, проверяя коробки. — Нет, такой нет. Теперь взглянем Сент-Джонс...

Папка с таким именем обнаружилась. Лавиния торжественно вручила ее Ричарду, и тот развязал вязки, пожелтевшие от времени. Их ждало разочарование. Они обнаружили только договор об оказании юридических услуг, заключенный с мистером и миссис Сент-Джонс, датированный 1900 годом, и две телеграммы. Одна — от Чарльза Сент-Джонса, с датой 28 июня 1901 года: «Срочно сообщите местонахождение Регины». Вторая — без подписи, отправленная 26 июня 1901 года из Вайдкомб-Мура, о смерти некой Марион Ларкинз.

— Теперь я вспоминаю тот случай, — мисс Лавиния крутила в руках телеграмму от Чарльза Сент-Джонса. — Жена сбежала, муж покончил жизнь самоубийством. Муж принадлежал к какому-то знатному роду, приезжала полиция по этому поводу. Нил ездил в имение к Сент-Джонсам, я, к сожалению, не знаю, где оно находится, но можно посмотреть в справочнике. Нил был очень взволнован этой историей.

— Он ездил в имение после того, как получил телеграмму? — спросила Роуз.

— Да, конечно, — мисс Лавиния сняла очки и уставилась в потолок. — Пришло сообщение от мистера Сент-Джонса, что его жена уехала, Нил отправился в поездку на следующий же день, вернулся к вечеру. Мы можем посмотреть в журнале, чтобы узнать наверняка.

Она притащила пухлый фолиант и быстро нашла нужную запись.

— Вот, я была права. Поездка к Сент-Джонсу. Энкер-Хауз, билет туда и обратно, два шиллинга, четыре пенса.

— А раньше он не посещал Энкер-Хауз? — подбросила вопрос Роуз.

Старая дева пролиستала книгу.

— Нет, ничего подобного я не вижу.

— А за день или за два до того, как пришла телеграмма, ваш брат не выезжал из Торки?

— Нет, — заявила мисс Лавиния, опять просмотрев пожелтевшие страницы.

— Может, мистер Коулей просто забыл это записать?

— Что вы! Нил был очень аккуратен во всём, что касалось поездок по делам клиентов. Он не мог ничего забыть.

— А по своим делам он не отлучался?

— Видите ли, я уезжала 26 и 27 июня, потому что эти графы заполнены рукой Нила. Наверное, я навещала подругу. Тогда у меня была закадычная подруга...

— А кто такая Марион Ларкинз? — перебил Ричард.

— Понятия не имею, — мисс Лавиния еще раз перечитала послание из Вайдкомб-Мура. — Скорее всего, временная клиентка, на которую брат даже не завел папку. А телеграмма могла попасть в папку Сент-Джонсов по ошибке.

— Не густо, — признала Роуз, когда они распрощались с Лавинией Коулей и шли к калитке.

— Подождите минутку, — Ричард вернулся к крыльцу, на котором стояла мисс Лавиния, бормоча Мунки нежности. — Простите, а что ваш брат сказал полиции? Ведь полиция приезжала к вам после самоубийства Чарльза Сент-Джонса.

— Он ничего не сказал. Когда приехала полиция, мой брат был уже мертв. Он разбился 30 июня, а полиция приехала в первых числах июля.

— Я думаю... Нет, я уверена, что Киллук Нэйл и Нил Коулей — одно и то же лицо, — заявила Роуз, когда они ехали в поезде обратно в Энкер-Хауз.

— Мне тоже так кажется, — признался Ричард.

— С кем же тогда убежала Регина?.. — Роуз задумалась. — Выходит, у нее был еще кто-то? Лорд думал, что невестка встречалась с Коулеем и с ним же сбежала, а он был её адвокатом и никуда не сбегал, а спокойно практиковал, пока... — девушка содрогнулась, посмотрев на негостеприимные скалы, мимо которых они проезжали.

Она взяла Ричарда за руку и словно бы этого не заметила.

— Но он записался под другим именем и встретился с Региной ночью... сказал Ричард, крайне довольный таким жестом со стороны Роуз.

— Да, они явно хотели сохранить встречу втайне. Коулей ездил в Энкер-Хауз после того, как узнал, что умерла эта самая Марион.

— Старушка Лавиния сказала, что телеграмма могла попасть в папку по ошибке.

— Не верю я в такие ошибки! — Роуз раздраженно махнула рукой, отпуская руку Ричарда к его огромному сожалению. — И не такая уж она старушка. Ей чуть больше сорока.

— Что же получается? Коулей получает извещение о смерти некой Марион и сразу мчится к Регине, хотя мог бы отправить телеграмму.

— А она, — подхватила Роуз, — узнав о том, что Марион умерла, в эту же ночь, не сказав мужу ни слова, сбегает.

— Коулей вернулся в Торки, а Регина... Куда же отправилась Регина?

— Несомненно, туда, где умерла Марион, — деловито произнесла Роуз. — Вот что. Нам надо ехать в Вайдкомб-Мур. Порасспросить о Марион. Может, нам удастся узнать, как она связана с Региной. Возможно, она ее родственница или подруга.

— Завтра? — предложил Ричард.

— Завтра! — подтвердила Роуз.

Они обменялись крепким рукопожатием и одновременно рассмеялись.

Вайдкомб-Мур располагался в живописной местности. Путь от железнодорожной станции до деревни проходил через буковый лес. Роуз весело размахивала сумочкой, шагая впереди Ричарда, потому что тропинка была узкой — рядом не пройдешь. Но Ричарду не на что было жаловаться. Он любовался черными кудряшками, легкой походкой девушки — и правда, прыгает, как птичка. Такая весёлая птичка, которой все беды и невзгоды нипочем. Вот и сейчас, после событий, что пришлось пережить, Ричард не чувствовал ни страха, ни ужаса. Был чудный летний день, была чудная девушка — что еще нужно для счастья?

В деревушке они нашли церковь и пожелали поговорить со викарием. Роуз считала, что священник должен знать всё и обо всех. У Ричарда было другое мнение. Он бы попытал счастья в местном баре, но спорить не считал нужным. При появлении священника Роуз разочарованно ахнула: святой отец был очень молод и вряд ли знал о событиях двадцатипятилетней давности.

— Мы разыскиваем женщину, которая жила здесь много лет назад, — сказала она. — Но вы вряд ли...

— Я живу здесь с рождения, и знаю почти всех. О ком бы вы хотели узнать?

— Ее имя Марион Ларкинз.

— Конечно, я знал тетушку Марион, когда был ребенком. Мы жили по соседству. Я играл с её сыном и часто бывал у них в гостях. Вы её родственники?

— Нет, — легко сказала Роуз, предусмотрительно ущипнув Ричарда через рукав. — Мы из Королевского банка, проверяем владельцев забытых вкладов. У Марион Ларкинз незакрытый счет на небольшую сумму, набежали приличные проценты, но никто их не снимает. Мы хотели выяснить, что случилось с вкладчицей, чтобы знать, считать ли вклад спящим.

— Очень жаль, Марион Ларкинз давно умерла. Правда, у неё был сын, но его отдали в приют. Насколько я знаю, его усыновили. Возможно, вам надо попытаться отыскать его? В наше время деньги ни для кого не будут лишними. Может, и Кристоферу они будут весьма кстати.

— Кристофер? Её сын?

— Да, но о нём вам лучше поинтересоваться в приюте, это через дорогу. А лучше — у мисс Девин. Альмы Девин. Она в то время была директрисой, а теперь ушла на покой. Не думаю, что документы в отношении усыновленного мальчика покажут сотрудникам банка.

При этом священник улыбнулся, будто говоря, что он разгадал хитрость Роуз, но готов подыграть ей в этом розыгрыше.

— Ещё вопрос. Имя Регина Гайлар вам ничего не говорит? — спросила Роуз, игнорируя улыбки.

Священник несколько секунд подумал, а потом покачал головой:

— Нет. Ничего.

— Нужно ли было лгать? — укорил девушку Ричард, когда они миновали церковь, направляясь в приют.

— Вы такой наивный! И что я должна была сказать? Мы хотим разгадать тайну призрака Дамы Дождя и раскрыть пару-тройку убийств, которые имели место на прошлой неделе в Энкер — Хаузе? Просто не мешайте мне, и мы всё узнаем.

Но в приюте им дали от ворот поворот. Молоденькая девушка-директриса и слушать не стала рассказы Роуз о вкладе. Информация об усыновлённых не предоставляется — и точка. Они оказались на улице, и Роуз гневно топнула.

— Что она из себя воображает?! — кипятилась она.

— Но она права. Не дело предоставлять такие сведения кому попало.

— Понадеемся, что мисс Альма Девин будет поговорчивее. Как же нам везёт на старых дев! Вот посмотрите, у нее будет пуделёк по кличке Санни.

Пуделька у мисс Девин не было. Зато был жирный персидский кот. Она сидела в садике возле дома, в подвесной скамейке, с котом на коленях. Увидев молодых людей, мисс Девин проворно поднялась и подошла к забору, выкрашенному в белый цвет. Она и сама была беленькая, чистенькая и аккуратная.

— Чего это она так на нас уставилась? — прошептала Роуз. — Вот что, вы — тот самый Кристофер, приехали разузнать о своей настоящей матери.

— Не слишком ли чудовищная ложь?! — запротестовал Ричард так же шёпотом, но Роуз сердито посмотрела на него, и он подчинился.

— Здравствуйте! Вы — мисс Альма Девин? — дружелюбно спросила Роуз, подходя к белому забору. — Священник подсказал обратиться к вам, нас интересует Марион Ларкинз, она — мама вот этого молодого человека. Его зовут Кристофер, он был усыновлен после смерти матери...

— Конечно, я его сразу узнала! — мисс Девин так и просияла, глядя поверх очков. — Вы совсем не изменились! Наверное, вы не помните меня? А я так любила играть с малюткой Крисом! Никогда не видела такого послушного и милого ребенка. Вы уже тогда обещали вырасти отменным красавцем!

Ричард испытывал чудовищную неловкость, выслушивая эти слова. Он краснел и бледнел, и не мог спокойно стоять, потому что Роуз с завидным упорством щипала его повыше локтя.

— Да заходите же! — мисс Девин спустила кота на землю, и тот недовольно уставился на гостей. — Проходите! У меня чудесный торт с каштанами и миндалем! Я ждала в гости племянницу, но ваше появление — это просто чудо!

— Не надо, не стоит... — запротестовал Ричард, взмокший от одной только мысли, что сейчас они примутся за торт, который был приготовлен вовсе не для них.

— О, как мило с вашей стороны! — пропела Роуз, подхватывая Ричарда под руку и заводя его в белый палисад. — Только мы ненадолго, у нас поезд через тридцать минут. Мы так долго вас искали...

— Какая жалость, — лицо мисс Девин прорезали печальные морщинки. — Я хочу знать, как сложилась ваша жизнь, малютка Крис. Хорошо ли вам жилось в приемной семье? Но я вижу, что хорошо. Вы производите впечатление настоящего джентльмена!

— Он долго жил во Франции, — услужливо подсказала Роуз. — Приехал только в этом месяце, хотел побольше узнать о родственных корнях. Марион Ларкинз...

— Да, во Францию! — мисс Девин закивала головой. — Они собирались в Ривьеру, это я точно помню. Ваши приемные родители в добром здравии, я надеюсь?

Ричард опять залился краской, а Роуз даже не моргнула глазом, выдавая новую ложь:

— К сожалению, они погибли в автокатастрофе, в первый же год. Бедняга Крис опять попал в приют, а потом его усыновила другая семья.

— Бедный мальчик... — старушка сняла очки, и глаза ее заблестели от набежавших слез. — Но Господь всегда воздаёт нам за страдания. Вы много страдали в детстве, но теперь получили сторицей. Это ваша невеста? Она очаровательна. Вы прекрасно смотрите вместе.

Роуз ответила улыбкой и склонила голову на плечо Ричарду. Ричард же только и смог,

что промычать что-то невразумительное.

— Мы очень хотели бы услышать всё, что вам известно о Марион Ларкинз, — продолжала наступление Роуз. — Бедняжка Крис так переживает, что ничего не знает о своих настоящих родителях. Мы были в приюте, но там нам сказали, что...

— Да что они могут знать! — воскликнула мисс Девин. — Весь архив уничтожен!

— Как — уничтожен?

— Пожаром. К счастью, никто не пострадал, но старое здание сгорело дотла. Мне очень жаль, но теперь вряд ли можно что-то узнать о семье Кристофера.

— А с самой Марион вы знакомы не были?

— Нет, к сожалению. Она прожила в Вайдкомб-Муре меньше месяца. Но вот откуда она приехала, я не знаю. Ни с кем особо не общалась, была очень спокойной, вежливой. И вдруг — сердечный приступ. На малютку Криса даже не нашли документов. А когда приехал его дядюшка, Крис уже был оформлен в приёмную семью. Вы знаете, он был таким хорошеньким — больше похож на девочку, чем на мальчика. Черные кудряшки и...

— Дядюшка? — мягко перебила воспоминания старой девы Роуз. — А как его звали, вы помните?

— К сожалению, нет. Он общался с директрисой...

— Разве не вы были директрисой?

— Тогда я была простой воспитательницей и хозяйственной сестрой. Директрисой стала немного позже, когда погибла наша бедная Эмилия. Прежняя управительница приютом, — пояснила она, заметив удивленные взгляды молодых людей.

— Может, вы помните, как он выглядел? — спросила Роуз. — Высокий широкоплечий мужчина, гладко выбритый, загорелый...

— Он был настоящим джентльменом. Смуглым, да. Но такого тонкого, благородного телосложения. У него была окладистая черная борода, золотое пенсне. Он очень огорчился, когда ему сообщили, что мальчик вместе с приёмными родителями выехал из Англии. Собирался за ними следом. Получается, он вас не нашел?

Ричард отрицательно покачал головой.

— Но что было, то было, — утешила его мисс Девин. — Не оглядывайтесь назад, мой мальчик. Только вперёд! Оставьте прошлое — прошлому. Живите настоящим и надейтесь на будущее.

Они тепло распрощались, но перед тем, как уйти, Ричард не удержался:

— Простите, а как погибла директриса, которая служила до вас?

— Несчастный случай. Отправилась прогуляться на побережье и упала с обрыва.

Оказавшись снова в буковой роще, Роуз посмотрела по сторонам и спросила:

— Вы думаете, что это — странное совпадение? Гибель директрисы?

— Начинаю сомневаться, — признался Ричард. Рассказ произвел на него гнетущее впечатление. — Если только это не национальная английская черта — с завидной регулярностью падать со скал. Но за то, как мы сегодня обманывали этих милых людей, гореть нам в аду.

— Возможно, нам следовало бы... — Роуз заколебалась, прежде чем закончить, — следовало бы бросить наше расследование?

— Бросить? Почему?

— Мне страшно, — сказала она, пряча глаза. — Я думала, что старые тайны — это забавно. Но теперь не нахожу в них ничего забавного. Какая-то череда смертей. Такое

чувство, что все, кто был связан с Региной Гайлар, обречены погибнуть.

— А как же мумии и сокровища фараонов? — поддразнил девушку молодой человек.

Мисс Форест вдруг густо покраснела:

— Одно дело — тайны, которым много тысячелетий. А другое — когда они здесь, рядом. У меня странное предчувствие... что нам угрожает опасность. То есть, за себя я ничуть не боюсь, но... — она запуталась и замолчала.

— Вы боитесь за меня? — с улыбкой спросил Ричард. Роуз досадливо кивнула. Было видно, что признание досталось ей нелегко.

— Все эти песенки Беатрис... Теперь они кажутся мне не столь безобидными...

Ричард взял её за подбородок, заставляя приподнять лицо, она зажмурилась.

— Не бойтесь за меня, Роуз. Обещаю, со мной ничего не случится.

— Фу! Глупое обещание! — она шумно отстранилась и поспешила вперед, сбивая сумочкой придорожные цветы. — И не смейте мурлыкать со мной! Ваш французский акцент на меня не действует!

Следующий день ознаменовался появлением инспектора Фокса. Он появился к завтраку, и Ричард чуть не подавился тартинкой с салом, услышав звук его мотоциклета.

— Что-то Фокси к нам зачастил, — Роуз вытянула шею, выглядывая в окно.

Их неведение насчет визита инспектора не было долгим. От чая инспектор отказался, но тартинки пришлись ему по душе. Съев с полдюжины бутербродов, он вытер рот салфеткой, сложил из салфетки самолет, а потом поставил локти на стол, поглядывая по очереди на Роуз и Ричарда.

— Вы, похоже, неплохо проводите время вдвоём? — поинтересовался он.

Роуз со стуком поставила чашку.

— По-моему, тебя это не касается, Брайан, — сказала она холодно.

— По-моему, — парировал инспектор, — меня касается всё, что относится к расследованию.

— А разве мы вмешиваемся в ход расследования? — Роуз метнула в сторону Ричарда предупреждающе-выразительный взгляд. — Последние дни мы посвятили поездкам. Романтическим.

Инспектор саркастически рассмеялся:

— Романтические поездки к старым девам в Торки и Вайдкомб-Мур?

— Почему бы и нет? — Роуз невинно приподняла брови.

Ричард только крикнул, потому что под скатертью она пребольно ущипнула его за колено.

Фокс посмотрел на них испытующе.

— Вы ничего не хотите мне рассказать? — спросил он.

— Нет, Фокси, совсем ничего, — ответила Роуз, а Ричард промолчал.

Инспектор бросил салфетку-самолет на стол.

— Что ж, тогда больше нам говорить не о чем.

Он был раздосадован и не скрывал этого. На пороге он обернулся:

— Только запомните, что иногда хранить старые тайны очень опасно. И ещё. Мистер художник, не позволяйте ей так часто вас щипать, а то скоро будете пегий от синяков.

Когда звук мотора затих, Ричард сказал:

— Может, мы зря скрыли от него?..

— Вы такой простак, — сказала Роуз, покачав головой. — И почему только вы мне нравитесь? Сейчас мне надо идти — у хозяина куча писем, которые необходимо разобрать, а потом дела в деревне. Дядюшка просил навестить, зайду к нему по дороге. А вы сидите дома и не гуляйте по Вороновой Круче. Вдруг меня не будет рядом, когда вы захотите снова изобразить летающего человека?

Она удалилась, а Ричард повторил в памяти их разговор с Фоксом. Несомненно, Роуз предпочитала его инспектору. И это радовало, как выигранное пари.

От греющих душу размышлений Ричард был оторван самой отвратительной и гнуснейшей бранью. Ругательства доносились со стороны кухни, и изрыгал их Джейкоб. Появилась миссис Пауэлл, как всегда полная достоинства, но на щеках ее алели красные пятна, и веки были покрасневшими.

— Он вас обидел, дорогая миссис Пауэлл? — воскликнул Ричард в рыцарском порыве.

Он помнил, как страшен Джейкоб был в гневе и теперь всем сердцем возмутился, что конюх мог испугать женщину.

— Не обращайтесь внимания, мистер Дюран, — отозвалась кухарка, собирая посуду со стола. — Он с утра так шумит. Оставил в кухне свой плащ, а сейчас не может его найти. Наверное, плащ украл торговец на разнос. Он околачивался здесь неподалеку, предлагал ножи и иголки.

— После войны многие начали промышлять воровством, — поддакнул Ричард. — У мистера Фореста тоже побывал вор.

— Вот как, — заметила миссис Пауэлл без особого интереса.

Ричард припомнил то, что слышал под окном полицейского участка.

— Миссис Пауэлл, — сказал он, — ваше кулинарное искусство — выше всех похвал...

Она важно кивнула.

— Вы не могли бы кое-что приготовить?

— Во всяком случае, я постараюсь, мистер.

— Однажды мне привелось попробовать очень вкусный торт, такой пекут в Европе. Шесть слоев масляного бисквита под масляным кремом с карамелью. Как же он называется? Сейчас вспомню... Точно! Добош!

Кухарка замерла, не поднимая головы, а потом продолжила своё занятие.

— Значит, вам всё известно, мистер? — просто спросила она.

— Не бойтесь, я сохраню вашу тайну... — сказал Ричард со значением, так и впившись в неё взглядом.

— Да какая же это тайна? Хозяин был так добр ко мне. Когда меня отовсюду гнали, как бродячую собаку, он предложил мне место и хорошую плату. Он был знаком с Дугласами, миледи не держала на меня зла после того случая, она поняла, что я ни в чём не была виновата.

Блестящий план провалился. Ричард мигом растерял весь запал детектива и принялся утешать миссис Пауэлл, которая решила всплакнуть.

Вечерний чай Ричарду пришлось пить одному, зато потом появилась Роуз, и вид у нее был загадочный и немного печальный. Но Ричард опередил ее.

— Никто не шантажировал миссис Пауэлл, — объявил он и рассказал о разговоре с кухаркой. — Сэр Джимс знал о том, что ее судили за соучастие в краже и сам пригласил миссис Пауэлл на работу. Значит, шантажировали Вилсона, и скорее всего — экономка. За это-то он её и убил.

Но новость не произвела на Роуз того впечатления, на которое он рассчитывал. Она открыла сумочку и долго копалась там, в её сумочке всегда был ужасный беспорядок.

— Посмотрите, что я нашла, — Роуз протянула Ричарду старую газетную заметку, сложенную вчетверо.

— Что это? — он бегло перечитал статью. Это была заметка о корабле «Замок Моркант», затонувшем по пути из Англии в Ривьеру. Здесь же был напечатан список погибших.

— Вторая колонка, седьмая фамилия снизу, — подсказала Роуз.

Ричард проследил строки пальцем и прочитал: мистер и миссис Роберте, Кристофер Роберте трех лет.

— Несчастный малыш, — вздохнула девушка. — Как же ему не повезло в жизни. Когда я придумала эту историю, даже не догадывалась, насколько оказалась права.

— Никогда не надо шутить с такими вещами, — ответил Ричард, не выпуская газетной вырезки из рук. — У меня на душе остался премерзкий осадок из-за нашего вранья в Вайдкомб-Муре. А теперь противней вдвое. Что ж, тайна Регины Гайлар навсегда останется тайной.

Роуз ласково погладила его по щеке.

— Не грустите, Дик, милый Дик. Вспомните, что нам сказала мисс Девин? Оставим прошлое — прошлому, будем жить настоящим и мечтать о будущем.

— Выходите за меня замуж, Роуз? — сказал Ричард.

Глаза девушки расширились, она замерла, побледнела, а потом покраснела. Ричард схватил её за руку и поцеловал в ладонь.

— Я серьезно, — сказал он, потому что девушка молчала. — Давайте поженимся и уедем. Или уедем и поженимся. С тех пор, как я узнал вас, Роуз, для меня всё переменилось. Хочу слышать ваш смех и болтовню по утрам. Смотреть, как вы читаете газету или бежите по садовой дорожке, подпрыгивая на каждом шагу, словно птичка. Скажите «да» — и я буду счастливейшим человеком!

— А если я скажу «нет»? — пробормотала Роуз, опуская ресницы. Лицо её пылало.

— А вы скажете «нет»? — Ричард наклонился и поцеловал ее в губы.

Она слабо вскрикнула и отшатнулась.

— Зачем же вы так? — упрекнула она, чуть ли не со слезами. — Дайте хоть немного времени подумать...

— Три дня вам хватит? — спросил Ричард с улыбкой.

Она закивала головой и как-то угловато, сгорбив плечи, выскочила из гостиной.

Не прошло и двух дней из того срока, что были предоставлены мисс Форест для обдумывания предложения, как и предложение, и сам Ричард были приняты со слезами и поцелуями.

Теперь время шло не просто быстро, оно бежало, летело за разговорами о будущем. Роуз страшно боялась, что родители Ричарда не будут довольны выбором и предлагала отложить помолвку и свадьбу до официального представления.

— Ну подумай сам, глупыш, — говорила она, сидя у него на коленях, — если бы мой горячо любимый сын притащил в дом незнакомую девицу и объявил, что женился где-то за границей и теперь эта субретка будет жить с нами — я бы возненавидела её, какой бы хорошей женой она не оказалась.

— Я уверен, что ты понравишься! — протестовал Ричард. — В любом случае, я уже большой мальчик, и сам могу решить, какая жена мне подходит. И ничто не помешает нам устроить здесь скромную свадьбу. В свете последних событий, это будет первое радостное мероприятие. И твой дядя сможет присутствовать. Пригласим на праздничный ужин мистера Фореста и сэра Джеймса. А миссис Пауэлл испечет свадебный торт. Расходы я возьму на себя.

— Но мне бы хотелось, чтобы и твои родители смогли присутствовать на свадьбе, Дики, милый. Ты — единственный сын, это важно для них...

И так далее в том же духе. Наконец, было решено устроить помолвку в Англии, а свадьбу — во Франции. Роуз попросила никому пока не рассказывать об их планах, и Ричард согласился, хотя просьба показалась ему странной. Зачем скрывать? Не хватит ли уже тайн?

Сейчас Ричард вспоминал об этих разговорах с улыбкой. Нацеловавшись среди роз до головокружения, молодые люди расстались всего лишь полчаса назад. Роуз побежала во

флигель, а Ричард задержался — лорд Сент-Джонс попросил составить ему компанию.

Они сидели у камина, время от времени обмениваясь ничего не значащими фразами. Лорд потягивал джин, Ричард от выпивки отказался. Он был пьян от счастья.

— Розы завяли, — сказал граф, указывая на вазу, в которой стояли пожухлые цветы. — Мисс Миллер всегда следила, чтобы цветы были свежими, а у миссис Пауэлл не хватает времени. А Джейкоб... он же нарвет чертополоха вместо роз.

— Хотите, я нарву букет, — предложил Ричард из вежливости. Ему совсем не хотелось идти в темноту, но благодарная улыбка сэра Джеймса убедила, что он поступает правильно и просто обязан порадовать старика.

— Это было бы благородно с вашей стороны, — граф церемонно наклонил седую голову. — Садовые ножницы на кухне. Нарежьте белых роз с куста, который растет справа от беседки. У них очень тонкий аромат — сильный, но не надоедливый. Они подойдут лучше всего. А эти — выбросьте, пожалуйста. Унесите их на кухню, миссис Пауэлл разберется.

Освободив вазу и взяв ножницы, Ричард отправился в розарий. Розы белели в темноте, поэтому ему не составило труда срезать их. Собрав около дюжины цветов, он пошел к дому. Из розария была отлично видна гостиная, и Ричард увидел, что сэр Джеймс находится там не один. Бывший садовник Форест стоял перед ним, сжимая кулаки. Форест широко разевал рот, словно гневно кричал, но слов не было слышно. Лорд Сент-Джонс держался с высокомерным достоинством и что-то отвечал, презрительно кривя губы. Внезапно Форест бросился на графа и вцепился ему в горло обеими руками. Ричард уронил цветы и ножницы и подбежал к окну.

— Прекратите, Форест! Сейчас же прекратите! — закричал он, стуча кулаками по деревянной решетке. Но мужчины не обратили на его стук и крики никакого внимания, отчаянно борясь. Лицо графа приобрело багровый оттенок, он всё слабее сопротивлялся крепкому и мускулистому садовнику. Ричард помчался вокруг дома, влетел во входную дверь, пересек коридор, и тут раздался выстрел.

Гостиная была полна порохового дыма. На полу корчился Форест. Он пытался дотянуться до графа, но тот откатил кресло на несколько футов. Ричард схватил нападавшего и оттащил подальше.

— Остановитесь! — крикнул он, пытаясь удержать верзилу на полу.

Но бывший садовник забился в судорогах, захрипел и вцепился в лацкан пиджака Ричарда, подтянув его поближе к себе.

— Проклятье!.. Я солгал, солгал... — прохрипел он, откинул голову, ударившись затылком об пол, и затих.

Ричард выпустил его и посмотрел на свои ладони, заляпанные алыми пятнами, будто кармином. Его замутило от сладковатого запаха. Кровь. По рубашке Фореста, на груди, быстро расплывалось темное пятно.

— Он умер... — сказал Ричард потрясенно и посмотрел на графа. Лорд Сент-Джонс целился в него из пистолета. — Что вы делаете? — пролепетал Ричард. — Это же я... Вы меня не узнаете?..

По коридору кто-то пробежал, стуча каблуками, и на пороге в клубах порохового дыма возник инспектор Фокс, держа пистолет.

— Кто стрелял? — крикнул он, закашлявшись и разгоняя сизые клубы рукой.

Сэр Джеймс попытался что-то сказать, но из горла его вырвался лишь хрип. Он уронил

пистолет и откинулся на спинку кресла

— Форест? — инспектор проверил пульс бывшего садовника. — Мёртв, как камень. Да что здесь случилось?

Запинаясь на каждом слове, Ричард рассказал, что видел. Фокс тем временем взял со стола салфетку и вылил на нее воду из вазы.

— Приложите к шее, сэр Джеймс, — сказал он, протягивая салфетку графу. — Станет полегче.

На шее графа виднелись красные поперечные пятна, обещавшие завтра стать синяками. Лорд Сент-Джонс приложил салфетку к шее и вскоре смог прошептать:

— Это непостижимо... Он пришел убить меня. Форест, мой бывший работник... Хорошо, что Дикон вовремя стукнул в окно... Форест отвлекся, и я смог достать из ящика стола револьвер...

В комнату заглянул конюх, и увидев убитого попятился.

— Мистер Марвин! — крикнул Фокс. — Сгоняйте к моему помощнику, к мистеру Мерфи. Пусть едет на осмотр и захватит с собой доктора.

— Мне надо вымыть руки, — сказал Ричард. Он так и стоял с растопыренными пальцами. В голове было пусто, как в гнилом орехе.

— Вытретесь скатертью и никуда не уходите, — бросил Фокс.

Он стащил покрывало с кушетки и набросил на мёртвое тело, потом спрятал в карман свой пистолет и забрал пистолет графа, осмотрев оружие самым внимательным образом.

Часы в холле отсчитывали секунду за секундой, и Ричарду казалось, что время тянется невероятно медленно. Фокс обошел комнату, заглядывая во все углы, и даже выглянул в окно, приподняв раму.

— Так зачем Форест пришел вас убивать, сэр Джеймс?

— Похоже, он хотел ограбить меня, — прошептал граф, держась за шею и морщась от боли. Говорил он медленно и прерывисто, делая паузы между фразами, голос то и дело его подводил. — Когда Дик любезно предложил нарвать в саду цветов для букета, я сидел один, услышал шаги. Думал, это возвращается Дик, но появился Форест. Я спросил, что ему нужно. Он сказал, что ему нужны деньги. Я ответил, что ничего не понимаю, и тут он набросился на меня, требуя, чтобы я сказал, где ключ от сейфа. В сейфе хранятся наличные и фамильные драгоценности, — он слабо улыбнулся, — те, которые не были похищены моей невесткой. Разумеется, никакого ключа я ему не отдал, скорее бы умер. Остальное вы знаете. Мне пришлось выстрелить, иначе бы он задушил меня. Дик, мальчик мой, простите, что испугал. Я принял вас за грабителя, сообщника Фореста.

— Я и правда подумал, что вы меня застрелите, — признался Ричард.

Граф закашлялся. Фокс прошел к бару и плеснул немного джина в стакан.

— Какая веселая жизнь началась в Энкер-Хаузе, — сказал он. — Кстати, где Роза?

— Должно быть, во флигеле, уже спит, — ответил Ричард и побледнел. — Бог мой! Роуз! Для нее это будет ударом!

Фокс не ответил. Стакан с джином он отдал графу, тот благодарно кивнул.

— Что он сказал вам перед смертью? «Я солгал»? Очень любопытно.

«Форесты всегда лгут», — припомнилось Ричарду.

— Я не знаю, что он имел в виду, — сказал он глухо.

— Я должен сразу объясниться, — граф надсадно кашлял через каждое слово, но схватил инспектора за рукав, чтобы тот выслушал его. — На самом деле я уволил Фореста не

из-за экономии. Он попался на воровстве, поэтому я его рассчитал. Я думал, он раскаялся, он очень просил не позорить его имя — у него тогда жили сестра с дочерью, я пожалел его ради них. Всё это время его поведение было безупречным, поэтому я молчал. Но теперь он погиб, не вижу смысла скрывать. Наверное, перед смертью хотел покаяться в каких-то преступлениях... но не успел..

— Вот как, — хмыкнул Фокс, а Ричард по-другому посмотрел на убитого. Роуз предупреждала, что у дяди скверный характер, но он производил впечатление добродушного человека. Как же обманчива внешность.

— Тише! — предостерег граф.

Мужчины одновременно обернулись к двери. Там стояла Роуз, прижавшись щекой к косяку. За её спиной маячили полицейские и доктор с медицинским чемоданчиком наперевес. Доктор деловито протиснулся вперёд, опустился на колени перед телом и откинул покрывало.

Роуз вошла в комнату и встала спиной к стене, не в силах отвести взгляда от покойного.

Ричард поспешил к ней, чтобы обнять. Руки у него были в засохшей крови, он вспомнил об этом и отложил объятия до лучших времен.

— Он хотел убить хозяина? — спросила Роуз, глядя исподлобья.

— Да, — признал Ричард. — Если бы сэр Джеймс не выстрелил, мистер Форест задушил бы его. Я сам видел...

Она приникла к нему и не плакала. Фотограф сделал несколько снимков, доктор констатировал смерть, Фокс принялся надиктовывать помощнику осмотр комнаты

— Мне немного плохо, — сказала вдруг Роуз низким грудным голосом и потеряла сознание. Она упала бы, но Ричард успел её подхватить.

Роуз перенесли во флигель, доктор осмотрел её и выписал лекарства, а Джейкоб снова отправился в деревню, в аптеку. Едва девушка пришла в себя, она сразу и категорически отказалась от услуг миссис Пауэлл в роли сиделки и потребовала, чтобы ее оставили одну.

Ричард и граф находились в гостиной, пока полицейские оформляли бумаги и уносили тело застреленного садовника. Затянулось это надолго, и обитатели Энкер-Хауза разошлись спать только под утро. Ричард так и не смог заснуть — ворочался в постели, и стоило ему лишь прикрыть глаза, как ему виделся умирающий садовник и собственные окровавленные руки.

Наутро, благодаря стараниям миссис Пауэлл, в гостиной ничего не напоминало о вчерашней трагедии. Только дождь не прекращался, и в окно тихо стучали капли, будто кто-то просился впустить его в комнату.

Граф не пожелал оставаться наверху, и Джейкоб помог ему спуститься. Ричард уже был на ногах, и миссис Пауэлл уже готовила завтрак, уныло гремя посудой в кухне.

— Вам лучше, сэр Джеймс? — Ричард барабанил пальцами по стеклу, наблюдая низкие серые тучи, плывущие по небу, и деревья, ставшие серыми и унылыми.

— Да, теперь могу говорить почти в голос, — отозвался сэр Джеймс. — Как там малютка Роуз?

— Не хочет никого видеть. Заперлась во флигеле, в своей комнате. Доктор сказал, она пережила сильное нервное потрясение, надо дать ей время прийти в себя.

— Конечно, сколько понадобится, — кивнул граф. — Она сильная девочка, она справится.

— Вы про Розу? — в гостиную без стука и предупреждения вошел инспектор Фокс. Хотя, объявлять приход гостей теперь всё равно было некому. Вилсон арестован и ждет суда, мисс Миллер убита, Роуз потрясена гибелью дяди.

— Заходите, инспектор! — пригласил лорд Сент-Джонс. — Дик, предложите инспектору джин или...

— Нет, спасибо, — отказался Фокс слишком уж поспешно, на взгляд Ричарда. — Я вот по какому поводу.

Он расстегнул сумку, висевшую у него через плечо, и извлек оттуда картонную коробку.

— Взгляните, сэр Джеймс. Скорее всего, они вам знакомы...

Удивленный возглас графа заставил Ричарда подойти. В коробке лежали женские украшения. Немного потемневшее золото, не утратившие прозрачной зелени камни. Одна серьга — точно такая, какая была найдена у Беатрис, кольцо и тира. Сэр Джеймс вцепился в столешницу:

— Это... это же индийские изумруды Сент-Джонсов! Где вы их нашли?

— В доме Фореста, — Фокс задумчиво смотрел на драгоценности, потом закрыл коробку. — Были спрятаны в неработающем камине, в котельной. Кто бы мог подумать, верно?

— Но что же получается, — взволнованно заговорил граф. — Все эти двадцать пять лет мы думали, что драгоценности похитила моя невестка, а на самом деле они находились у Фореста?!

Инспектор пожал плечами.

— Подождите! — Ричард замер, пораженный внезапной догадкой. — Сэр Джеймс! В ночь, когда исчезла ваша невестка, вы видели её с мужчиной в саду. Мужчина убежал. Так?

— Совершенно верно, — глухо ответил лорд Сент-Джонс.

— Инспектор! Граф! Когда шло расследование, двадцать пять лет назад, Форест работал садовником в Энкер-Хаузе. Он давал показания, что видел, как леди Сент-Джонс целовалась с мужчиной в саду, как раз в ночь её исчезновения. Он сам мне говорил об этом. Он сказал, что не разглядел лица мужчины, но это точно не был Чарльз. До сего дня не было оснований не верить этому свидетельству, но теперь... Мы были уверены, что в саду леди Сент-Джонс встречалась с адвокатом, но может она встречалась с садовником?

Он в нескольких словах рассказал о поездке в Торки, к сестре адвоката Коулея.

Повисло тягостное молчание.

— Теперь я припоминаю, — сказал граф, — она всё время проводила в саду. Хотя не интересовалась цветами. Один раз я столкнулся с ней, когда она выходила из китайской беседки. Она была взволнована, прическа растрепалась, глаза горели — тогда я не придавал этому значения. Но, возможно, у нее и вправду был роман с Форестом? Не мне судить о мужской красоте, но он был высоким, крепким парнем. И очень дерзким. Такие, обычно, нравятся женщинам.

— Но Форест-то никуда не сбежал, — заметил Фокс. — А ваша с Розы самодеятельность... Я знал всё с самого начала, с того самого дня, когда вы сидели за завтраком и вращали мне в лицо. Не говоря уже о том, что вы устроили в Вайдкомб-Муре.

Но Ричард не слушал его.

— Форест не сбежал, и она не сбежала, — медленно сказал он, глядя в одну точку. — Она не сбежала, господа! Она мертва. Теперь мы никогда не узнаем, что произошло на самом деле, но скорее всего, Форест уговорил её похитить изумруды и бежать с ним, а когда драгоценности оказались у него, он убил её.

— Преотличная версия, — насмешливо сказал Фокс. — А главное действующее лицо не может ни согласиться, ни опровергнуть. Зачем же тогда он столько лет хранил изумруды у себя, даже не попытавшись их продать? Зачем было похищать драгоценности, чтобы потом прятать их до конца дней своих?

Ричард нахмурился. И правда, об этом он не подумал.

Слово взял сэр Джеймс:

— Мне кажется, Дик не так уж неправ, инспектор. Зная характер Фореста, я не думаю, что он планировал кражу с убийством. Не такой он человек. Но он мог убить импульсивно, по наитию. Из мести или из ревности. Если она вскружила ему голову, он мог приревновать её к адвокату. Может, он совершил кражу, чтобы убедить её сбежать с ним. Или она похитила изумруды, чтобы бежать с адвокатом, а садовник всё это видел, взревновал и убил Брижит.

— Регину, — машинально поправил его Ричард.

— Что?

— Не Брижит, Регину. Сэр Джеймс, вашу невестку звали Региной. Регина Гайлар.

Лорд Сент-Джонс задумался, а потом сказал:

— Да, могло быть и такое. Я ведь уже стар, мой мальчик, многое забывается. Почему-то мне запомнилось — Брижит...

— Пока драгоценности будут храниться в полиции, — сказал инспектор, — но когда следствие закончится, получите их обратно. Вам недолго ждать, управимся за две недели.

— Не торопитесь, — сказал граф. — Я ждал двадцать пять лет. Месяцем больше, месяцем меньше — уже не имеет значения.

— Надо рассказать об этом Розе, — сказал Фокс.

Ричард воспротивился, но инспектор его и слушать не стал.

— Возможно, ей что-то известно, — сказал он строго.

Граф, колебавшись, принял сторону полиции.

— Пусть делают своё дело, Дик, — сказал он примирительно. — А вы ступайте с ними. Мисс Форест сейчас нуждается в поддержке.

Вопреки опасениям Ричарда, Роуз приняла известие об обнаружении изумрудов очень спокойно. Только лицо её застыло, как маска, а глаза стали огромными, и в них теперь всё было черно.

— Если ты боишься, что я буду тебя упрекать, то забудь страхи! — говорил Ричард пылко и немного патетично, когда полицейские во главе с Фоксом ушли. — Мне нужна ты, Роуз, и будь у тебя в родне хоть сто убийц и двести воров, я не стану любить тебя меньше.

— Значит, полиция считает, что всё совершил мой дядя?

— Милашка Брайан молчит, но я уверен, что он просто долго думает. Теперь, когда нашлись драгоценности, головоломка сложилась. Послушай. Садовник влюблён в жену Чарльза Сент-Джонса. Садовник украл драгоценности, чтобы заполучить её. Наверно, она кокетничала с ним, а он принял кокетство за нечто большее. Потом он видит Регину с адвокатом. Адвокат убегает, садовник убивает Регину из ревности, а потом выслеживает адвоката, подстерегает его на прогулке и сталкивает со скалы.

— А Марион? — спросила Роуз.

— Теперь мы не узнаем ничего наверняка, но скорее всего Марион воспитывала сына Регины. Поэтому адвокат помчался в Энкер-Хауз, предупредить любовницу. Может, он сам был отцом Кристофера? Тогда понятно его волнение. И тогда понятно, почему пострадала директриса приюта, и сгорел архив.

— Почему же?

Ричард так увлекся детективными рассуждениями, что не заметил странного тона Роуз.

— Потому что это была месть садовника! Это он приезжал в Вайдкомб-Мур под видом дяди! Он хотел избавиться от сына Регины, как и от неё самой. Я читал об этом в криминальных хрониках. Иногда убийца настолько одержим ненавистью к своей жертве, что уничтожает не только тело, но и вещи, которые каким-либо образом связаны с жертвой. Если ненависть переносится на вещи, почему бы ей не быть перенесённой на людей? Он приехал в приют, чтобы забрать мальчика...

— Он показал документы, если вы помните...

Ричард не обратил внимания на холодное «вы» и пустился дальше в рассуждения:

— Что мешало ему выкрасть их у адвоката? Если он оказался так ловок с похищением драгоценностей, то украсть несколько бумажек не составило труда. Итак, дальше. Кристофер усыновлён, надо ехать во Францию. Чтобы замести следы, садовник расправляется с директрисой и поджигает архив. Теперь о Кристофере нет никаких сведений. И тут сама судьба играет по его правилам — корабль утонул, сын Регины погиб. Садовник возвращается домой и прячет похищенные драгоценности, которые ему больше не нужны.

— И что же заставило его напасть сегодня на милорда?

— Я думал об этом. Страх. Вероятней всего, сначала драгоценности были спрятаны не в доме. Где-то вне дома, там их и нашла безумная Беатрис. Когда она упала со скалы и была

обнаружена серьга, садовник начал опасаться, что дело, которое было похоронено четверть века назад, откроется в свете новых событий. Очень кстати от пищевого отравления пострадала мисс Бишоп, а Вилсон убил мисс Миллер, чтобы похитить деньги. При таком раскладе ещё одна смерть не показалась бы странной. Садовник приходит в Энкер-Хауз, застаёт графа в гостиной и пытается задушить. Но на этот раз удача ему изменила, — он остановился посреди комнаты, пораженный собственной догадливостью. — Как всё просто, Роуз! Немного везения, немного смелости — и никто не догадывался, что убийца жил рядом! Но теперь всё закончилось. По-настоящему закончилось.

Ричард хотел взять девушку за руку, она отстранилась.

— Вам надо уехать, — сказала она чужим голосом.

— Мы уедем вдвоём.

— Нет, мне надо позаботиться о похоронах и продать дом. Не хочу больше быть связанной с этим местом.

— Я буду рядом, моя дорогая. А когда ты закончишь с делами, отправимся во Францию. Сэр Джеймс тоже считает, что перемена обстановки пойдёт тебе на пользу.

— Да, он прав. Конечно. На пользу, — Роуз говорила все тем же странным голосом. — Простите, Дик, мне надо побыть одной.

— Я зайду позже, — пообещал Ричард, когда Роуз уже закрывала двери.

Она не ответила, и Ричард принял это, как знак согласия.

Он вернулся в Энкер-Хауз и как раз успел помочь Джейкобу поднять графа в его комнату для дневного отдыха.

— Дикон, задержитесь, мальчик мой, — попросил лорд Сент-Джонс. — Хочу просить вас о небольшой услуге. Мне надо написать письмо кухне в Уэксфорд, а мисс Форест я беспокоить не хочу — по понятным причинам.

— Конечно, я помогу, — Ричард с готовностью достал письменные принадлежности. Стол графа являл образчик чисто английской аккуратности. Кожаная папка с бумагами лежала на левой стороне стола, под столешницей находилась кipa белых листов, старомодная чернильница, металлические перья и декоративное перо — павлинье, украшенное стразами — в резном каменном письменном приборе, в противовес кожаной папке. Доставая гербовую бумагу из папки, Ричард неловко дернул рукой, и несколько листов слетели на пол. Бормоча извинения, художник подобрал бумаги и положил их на край стола. На верхнем вместо текста был рисунок — треугольник, на вершинах которого была написана буква «Р».

— Что это? — спросил граф, заметив рисунок. — Это мисс Форест постаралась? Вечно она чертит каракульки, где не следует. Порвите лист, Дикон, и вбросьте, пожалуйста. Рисункам не место в папке с документами.

Ричард так и сделал, а потом приготовился писать:

— Диктуйте, сэр Джеймс.

— Адрес: Ирландия, Уэксфорд, Ратньюр, для мисс Розмари Кинселла, — граф диктовал медленно, очень четко, глядя в окно, где бледными пятнами виднелись розовые кусты. — Теперь возьмите новым абзацем, отступив от левого края листа на три пальца: дорогая Розмари. Знак восклицания. Теперь новым абзацем, отступив от левого края на два пальца: получил твое письмо, благодарю, что не забываешь, что помнишь своего кузена, который, бывало, сажал лягушек в твою корзиночку для шитья.

Старомодным, немного напыщенным слогом он справлялся о здоровье кухни, о

здоровье ее супруга и детей. Потом сообщало о своем здоровье. Несколько фраз о погоде, упоминания об общих знакомых и родственниках — обыкновенное письмо старого человека. Но конец письма заставил Ричарда насторожиться.

— Возьмите новым абзацем. Дорогая Розмари! Последние события в Энкер-Хаузе надломили меня. Прости, что не могу написать подробнее. Мне не хотелось бы тебя волновать. Ты такая впечатлительная, ангел мой. Хочу, чтобы обо мне у тебя остались только самые светлые воспоминания. Когда узнаешь о моей смерти — не плачь, только не плачь. Знай, что мне будет больно, когда ты станешь плакать. Поэтому не надо слез. Грехи прошлого не дают покоя моему сердцу, только смерть принесет забвение. Ты, мой светлый ангел, молись о моей погибшей душе. Молись, не осуждай и прости. С любовью... Подпись я поставлю сам. Благодарю вас, Дикон.

Ричард отложил перо и с беспокойством взглянул на графа.

— Сэр Джеймс, это письмо... Оно очень...

— Это прощальное письмо, мой мальчик, — сказал граф. — Не спрашивайте, я не смогу вам ответить. Говорят, старики чувствуют приближение конца. Конца своей жизни. Теперь я в это верю. Мне немного осталось. Но в этом нет ничего удивительного. Таковы законы мироздания. Старики умирают, молодые живут дальше. Не печальтесь и не говорите ничего мисс Форест. Она хорошая девушка, не надо обременять её лишней тревогой. Вольно или невольно, но я оказался причиной смерти её единственного родственника. Я не забуду её в своем завещании.

От лорда Сент-Джонса Ричард вышел с тяжёлым сердцем, чувствуя острую необходимость переговорить с Роуз. Но в гостиной его поджидал инспектор Фокс.

— Вы будто поселились в Энкер-Хаузе, — сказал Ричард.

— Можно и так сказать, — согласился инспектор. — Пойдёмте-ка, прогуляемся. Мне нужно поговорить с вами.

С побережья дул холодный ветер, Ричард кутался в пальто, но его все равно колотило, как в лихорадке.

— Мне очень не нравятся ваши тайны, — сказал инспектор. Он шёл размеренно, крепко ступая и глядя под ноги. — Предлагаю рассказать всё начистоту. От Розы требовать что-то бессмысленно, она — маленький каменный человечек. Но вы-то, мистер Дюран, вы-то размышляете здраво. К тому же, я вижу, что вас что-то беспокоит, гнетет.

— Пусть будет по-вашему, — сдался Ричард. — Теперь, когда убийца никому не страшен, нет смысла молчать.

Он подробно рассказал обо всём, что ещё не было известно инспектору, и повторил свои догадки относительно садовника. Они прошли розарий, вышли в заброшенный сад. Ричард говорил, сбивая носком ботинка поганки. Фокс проявил неслыханную дотошность и то и дело просил повторить разговоры с обитателями Энкер-Хауза слово в слово.

— Вот, теперь вы знаете, — закончил Ричард. — Действительно, *всё* знаете. Конечно, мы с Роуз поступили неразумно, но это было... очень увлекательно.

— Согласен. Всё, за что берется Розы — увлекательно, — признал Фокс. — Странную историю вы рассказали. Послушать вас, хороший сюжетец для детективного романа получается. Такая картина маслом...

— Картина?

— Да, картина. Я ведь немного разбираюсь в этих ваших художественных штучках. Смотришь вблизи — мазня мазней. Отойдешь на несколько шагов и — оп! — появляется

пейзаж или портрет. Вы ведь так рисуете? Помалюете, а потом отступаете на шаг, чтобы посмотреть, не выскакивают ли отдельные мазки из общего рисунка.

— У вас достаточно примитивные представления... — начал Ричард, но Фокс его перебил.

— К чему я вам это говорю? А вот к чему. То, что вы мне рассказываете — это как картина. Много-много разноцветных пятнышек. И вот я отступаю, прищуриваюсь и вижу, что кое-какие группы этих пятнышек выбиваются из общего фона.

— Какие же? — Ричард разом потерял терпение. Он рассчитывал на серьезный разговор, а слушает какое-то дурачество про мазки и прищуривания.

— Какие? — инспектор возвел глаза к небу, а потом принялся загибать пальцы. — Во-первых, шляпка на портрете. Потом похищенный плащ мистера Марвина. Покушение на вашу персону. Поддельный чек. Кража из дома Форестов.

— А остальное, значит, вписывается? — съязвил Ричард.

— Более-менее, — признал инспектор. — Но именно эти пять нелепостей не дают мне покоя. Когда я разберусь с ними, всё разрешится. Ну, и ещё я жду кое-какую информацию от коллег...

— Что ж, удачи в написании картины преступления, — пожелал Ричард, задетый, что покушение на его жизнь обозвали нелепостью. — С вашего позволения, я пойду — хочу заглянуть к Роуз.

— Да, конечно. Я сам загляну к ней. Позже.

Оставив инспектора посреди сада, наедине с размышлениями о нелепостях, Ричард поспешил во флигель.

Когда он постучался и открыл двери в комнату Роуз, девушка стояла у окна, глядя в сад. Ричард подумал, что она, должно быть, видела их прогулку с Фоксом, и почувствовал себя почти предателем. Роуз оглянулась, и на лице не было и следа слез. Ричарду показалось, что в глазах её промелькнула досада.

— Роуз... — он обнял её, но девушка осторожно, но непреклонно высвободилась. — Повторяю, мое отношение к тебе не изменилось и не изменится, что бы ни произошло. Мы уедем, и ты вскоре забудешь...

— Вам надо уехать немедленно. И одному.

— Почему? — спросил Ричард, холодея от предчувствий.

Роуз резко повернулась, глядя ему прямо в глаза.

— Потому что, — сказала она твердо и чётко, — я не хочу вас видеть. Всё, что было между нами, позабудьте. Это из-за вас. Если бы не вы, мой дядя был бы жив.

— Что ты говоришь? — пролепетал Ричард.

Дверь открылась, и появился инспектор Фокс. Роуз вспорхнула с места, подбежала к нему, обняла за шею и крепко поцеловала в губы. Ричарду казалось, что он видит кошмарный сон.

— Мы с Брайеном решили пожениться, в воскресенье наша помолвка. Вы, Ричард, никогда мне не нравились. Уезжайте, я не хочу вас больше видеть.

Она несколько раз повторила: «Уезжайте, уезжайте немедленно».

Инспектор Фокс посмотрел на Роуз с некоторым удивлением, но потом обнял за талию и поцеловал в ответ.

— Ты молодец, что наконец-то решилась, — сказал он ей, а потом насмешливо взглянул на Ричарда. — Сожалею, мистер художник, но девушка сделала свой выбор. Осмелюсь

предположить, что она никогда об этом не пожалеет.

— Значит, всё, что вы говорили... это ложь?! — Ричард постепенно оправился от растерянности, и теперь его захлестывала самая настоящая ярость. — Всё это было ложью с самого начала? Вы просто смеялись надо мной, кокетничали, чтобы позлить этого типа? Фокса?

Роуз спокойно встретила его взгляд.

— Вы ещё омерзительнее, чем о вас говорили! — выкрикнул Ричард. — Я завтра же уеду из этого змеиного гнезда!

Оттолкнув Фокса, он бросился вниз по лестнице, а потом в дом, мимо ахнувшей миссис Пауэлл, которую чуть не сбил с ног. Ворвавшись в свою комнату, он принялся в гневе хватать альбомы, одежду, бритву и туалетные принадлежности, и запихивать в дорожную сумку. Ведьма! Вот кто настоящая ведьма! Обманщица! Лгунья! А ведь его предупреждали. Ему постоянно говорили, что Форесты лгут, что Форестам верить нельзя. Каким олухом он теперь выглядит в глазах этой парочки, что осталась во флигеле!

Он просидел в комнате до ужина, растравляя обиды, и не вышел даже к чаю, заслышав гонг. В восемь вечера в дверь постучали, это пришла миссис Пауэлл, напомнить, что ужин на столе и граф ждёт гостя. Ричард хотел отказаться сразу, но потом решил, что поступит невежливо по отношению к графу. Спустившись, он коротко поклонился лорду Сент-Джонсу и сказал, глядя в пол:

— Прошу меня простить, милорд, но сегодня мне совсем не хочется есть. Завтра я уезжаю, не спрашивайте, почему. Я не могу здесь больше находиться. Если не затруднит, поручите отправить мои холсты и краски с мольбертом, адрес я оставляю. Картину я допишу во Франции, вышлю вам почтой. Завтра я уже не успею с вами увидеться, поэтому прощаюсь сегодня. Благодарю за гостеприимство, и ещё раз прошу прощения.

Он круто развернулся и почти взбежал по лестнице.

— Дик! Дикон! — крикнул сэр Джеймс ему вслед. — Подождите, мальчик мой!..

Но для Ричарда разговаривать с кем-либо было выше сил. Он был измучен, но уснуть, как и в прошлую ночь, не смог.

Дождь шуршал по карнизу. Ричард встал с постели, подошёл к окну и прижался к стеклу лбом. Вспышка молнии осветила розарий так ярко, что стали видны листья на розовых кустах. И Ричард увидел Даму Дождя. Она стояла возле куста белых роз и смотрела прямо в окно.

Но теперь он не мог проникнуться её тайной и очарованием.

— Уйди, проклятое привидение! — сказал Ричард в сердцах, и проснулся.

Оказывается, он всё-таки уснул, а удар грома его разбудил.

Что за дьявольский месяц! Обиды снова захватили его, и мысли были лишь о Роуз. Какая двуличная и жестокая особа! Неудивительно, что её дядюшка оказался вором и убийцей! А этот мерзкий инспектор посчитал покушение на него, Ричарда, нелепицей! Понятно, что это был... А кто же это был? Форест? Но зачем Форесту убивать его? Они с Роуз тогда ещё не начали своего расследования, не ездили в Торки и Вайдкомб-Мур. Не хотел, чтобы между ним и Роуз появилась симпатия? Но Форесту ведь нравилось, что Роуз общается с ним. И он даже предостерегал его, говоря о легкомыслии племянницы. «Форесты всегда лгут», — так говорила безумная Беатрис. Но она плохо говорила обо всех. И о Сент-Джонсах тоже. Ричард вспомнил, как сэр Джеймс целился в него из пистолета. В тот момент он поверил, что граф сейчас нажмет на курок и... Граф не узнал его. Вполне возможно.

Когда тебя едва не придушили, в пороховом дыму не узнаешь и родного отца. Но почему он не узнал Ричарда по голосу? Ведь граф сам хвалился, что распознает на слух шаги всех обитателей Энкер-Хауза? И забыть имя ненавистной невестки... Но ведь граф стар, такое случается на склоне лет. Хотя, всё остальное он помнит на удивление хорошо, несмотря на старость.

А каков, собственно, возраст графа?

Ричард подскочил в постели. Если он старше Чарльза на полтора года, то... А когда родился Чарльз? Почему-то ему показалось страшно важным узнать когда родился Чарльз. Но как это сделать сейчас, ночью? Очень легко, ведь есть семейный склеп...

Вооружившись карманным фонариком с батареей «Eveready» (прекрасное достижение науки), нахлобучив шляпу и накинув пальто поверх пижамы, Ричард отправился к склепу Сент-Джонсов. Дождь лил как из ведра, но Ричард его почти не замечал, охваченный непонятными сомнениями.

На входе в семейную усыпальницу его ожидало разочарование — двери решетки запирали навесной замок. Ах да, замок был привешен Джейкобом. По просьбе графа. Зачем запирали склеп?

Он поднял камень и в два счета сбил замок.

Подсвечивая фонариком, он вошёл под низкие своды. Здесь было несколько каменных гробов. На крышках высечены имена и годы жизни. Всё под слоем пыли и мелкого сора. Ричард принялся смахивать пыль с надписей рукавом пальто. На пятой или шестой плите значился некий Джером Сент-Джонс, скончавшегося в 1901 году. Значит, и Чарльз должен лежать где-то поблизости.

Тут ноздрей Ричарда достиг знакомый запах. Едкий, резкий, какого не должно быть в склепе. Скипидар. Откуда здесь взяться скипидару? Принюхиваясь, как хорошая ищейка, художник уткнулся носом в крышку на могиле Ребекки Сент-Джонс, год смерти 1906. Пыль с одной стороны каменной плиты была стёрта, и камень поцарапан, как если бы крышку сдвигали. Волосы его зашевелились под шляпой, и разом вспомнились все страшные истории про вампиров, прячущихся в склепах. Утерев лоб, покрывшийся испариной, Ричард отступил на шаг и споткнулся о лом, приставленный к гробу. Зачем здесь лом?

Поколебавшись, Ричард взял фонарик в зубы, вооружился ломом и попытался сдвинуть крышку. Она ушла в сторону на удивление легко, а запах скипидара усилился. Внутри могилы лежал деревянный дубовый гроб, а на нем...

Ричард с удивлением вытащил плащ из дешёвой непромокаемой ткани, разохшуюся шкатулку, обитую изнутри выцветшим бархатом, кисти и тряпки, выпачканные масляными красками. В качестве растворителя пользуются скипидаром, и тряпка насквозь им пропахла. Подумав, он бросил вещи обратно в могилу и задвинул крышку. Кто знает, какие похоронные обряды у англичан. Не стоит отнимать вещи у покойных.

Размышляя о странных находках, Ричард двинулся дальше и нашел то, что искал — могилу Чарльза. Стерев пыль, он прочитал годы жизни младшего Сент-Джонса. Фонарик в руке художника дрогнул и высветил на каменном полу засохший след остроноса ботинка. Смутная догадка заставила Ричарда броситься обратно к могиле леди Сент-Джонс, снова достать и осмотреть шкатулку более внимательно. В бархате было четыре гнезда — два длинных, в виде полумесяцев, два маленьких, округлых. Серьги, тиара, кольцо. Изумруды Сент-Джонсов.

Теперь нужно было выяснить ещё кое-что. Ричард помчался в усадьбу, взбежал по

лестнице, прыгая через три ступеньки, вытащил из дорожной сумки скальпель, растворитель, масло и тряпки, и поспешил в галерею. Подтащив кресло, забрался на спинку и снял со стены портрет Регины Сент-Джонс, урожденной Гайлар. Руки его тряслись от нетерпения. Расположившись прямо на полу, он намочил тряпку в растворителе и принялся протирать лицо на портрете. Не до конца просохшая краска отставала достаточно хорошо. Чтобы дело шло быстрее, Ричард помогал себе скальпелем.

Он знал, что увидит, до того, как снял слой свежей масляной краски, но всё равно истинное лицо леди Сент-Джонс поразило его в самое сердце. Это была она — Дама Дождя таинственная незнакомка из розария. Он помнил черты этого нежного и печального лица до последней черточки. Даже родинку над бровью.

— Значит, ты догадался, мой мальчик? — раздался сзади знакомый, чуть надтреснутый голос.

Ричард испуганно оглянулся. Лорд Сент-Джонс, стоял у дверей, держа пистолет. Инвалидной коляски не было и в помине, и судя по всему, граф в ней не нуждался. Пистолет выглядел весьма натурально, а взгляд у лорда был холоден, но страх вдруг оставил Ричарда. На смену пришли злость и ярость.

— Это были вы! — сказал он, прекрасно понимая, что не переживет этой ночи. — Вы только притворялись стариком, а на самом деле вам нет и пятидесяти. Вы убили собственного брата, невестку, несчастную Беатрис, Пруденс Бишоп. И ещё избавились от адвоката Коулея и директрисы из Вайдкомб-Мура!

— Вы правы, дорогой Дик. И от дурака Фореста тоже. А теперь пришла ваша очередь, — произнес лорд очень спокойно.

— Имейте в виду, моя смерть не сойдет вам с рук столь же легко, как прошлые преступления! Роуз никогда не поверит...

— Роуз поверит. Поплачет и поверит в ваше самоубийство. Ведь рядом с телом она найдет записку, написанную вашей собственной рукой, — лорд достал из кармана сложенное вдвое письмо. — «Прошу не осуждай меня, и прости...» Это так трогательно. Она поймет, эта милая девочка. Уверен, что год или два она будет приносить на вашу могилу цветы. Возможно, даже розы с могилы Регины. Я закопал её как раз в том месте, где сейчас растут белые розы, что вам так понравились. Можете считать меня сумасшедшим, но я часто вижу её, Регину. Вижу такой, какой она была в свою последнюю ночь, когда я застал её в саду.

— С Коулеем!

— С адвокатом, да, — лорд замолчал, словно вспоминая.

Ричард лихорадочно искал путь к спасению. Искал — и не находил. Чтобы потянуть время, он выпалил:

— Вы убили её, потому что узнали о ребенке? Вашем племяннике?

— О ребенке? Нет, я узнал о нем позже.

— Тогда почему...

— Я думал, что поймал её с любовником. Мне очень хотелось в это верить. В то, что Регина не так целомудренна, как старалась казаться. Я начал упрекать её в неверности, но она молчала. Я сказал, что если она будет благосклонна ко мне, то ничего не скажу Чарльзу. Она дала мне пощечину. Я схватил камень и проломил ей голову.

— Вы убили её, потому что она отказала вам, — Ричард смотрел на графа, словно видел впервые. — Но ведь она была женой вашего брата. Как же вы посмели?..

— Мой брат был самым ничтожным существом на свете, — огрызнулся граф, и Ричард понял, что задел его за живое. — И ему всё доставалось даром. А мне... мне достался только титул. И эта скучная жизнь!

— Расскажите, я имею право знать... — сказал Ричард.

— Конечно, мальчик мой. Имеешь, — лорд Сент-Джон повел пистолетом, предлагая Ричарду отойти в дальний угол галереи, подальше от окна. Ричарду ничего не оставалось, как подчиниться. — Ты имеешь право знать, — продолжал граф. — Ведь ты член семьи. А у

родственников не должно быть тайн.

— Вы бредите?

— А ты так и не понял? Ты — Сент-Джонс. Кристофер Сент-Джонс. Так тебя называли и мою честь. Мое полное имя — Джеймс Руэл Кристофер.

Ричард замешкался всего на секунду:

— Но Кристофер погиб при крушении «Замка Моркант». Я читал список погибших.

— Я тоже так думал, — признал граф. — Пока не увидел в газете твою фотографию. Ричард Дюран, художник, поразительно похожий на Регину. Даже родинка над бровью та же. Я навел справки и понял, что чудеса на нашей грешной земле ещё имеют место. Наверное, твоя мать и вправду была святой, раз провидение так тебя хранило.

— Вы вызвали меня в Англию, чтобы убить, — Ричард ощутил досадную слабость в коленях, осознав, что всё это время ходил по краю пропасти, а в самом конце пути по собственной глупости угодил в ловушку.

— Это правда. Но ты удивительный человек, Дикон. Что бы я ни предпринимал — тебе удавалось вывернуться. В первый раз ты не избежал отравы, которую я подлили в пунш. Дура Пруденс уже выпила, поэтому мне тоже пришлось принять долю яда, чтобы не вызвать подозрений. И с Вороновой Кручи упал без вреда. И когда я решил застрелить тебя, после того, как убил Фореста, снова повезло — появился Фокс. А вчера, когда тебя ждал салат из трюфелей и мой фирменный пунш — ты внезапно отказался от ужина. Но этого достаточно. Сегодня везение закончится.

Граф подошел ближе и прицелился. Ричард невольно закрыл глаза. Раздался выстрел, но боли не было. «Может, так и умирают — сразу, не ощущая никаких страданий?» — подумал Ричард. Но сдавленные стоны и ругательства доказали ему, что он не умер. А потом с криком: «Дик! Милый Дик!» — ему на шею бросилась Роуз.

Ричард огляделся, понимая, что ему повезло в самый последний раз. Роуз — в одной пижаме — заливалась слезами, душа его в объятиях, а на пороге маячила коренастая фигура инспектора Фокса, это он только что выстрелил, и выстрел оказался метким. Граф прижимал к груди окровавленную руку, его пистолет валялся у окна. Держа графа на мушке, Фокс достал платок, подобрал оружие графа и упрятал поглубже в карман.

— Конец игре, сэр Джеймс, — сказал инспектор. — Пройдемте в гостиную. Вас надс перевязать, а Джейкоб сбегает в деревню за полицией.

Они сидели в гостиной, ожидая полицейскую машину. Роуз принесла бинты и положила на столик перед лордом Сент-Джонсом, но перевязать его не предложила. Он сам перемотал правую руку бинтом и насмешливо посмотрел на присутствующих.

— Я закурю, — Фокс прикурил от свечи, не выпуская револьвер из рук. — Розы, дай художнику выпить, он бледный, как привидение.

— О, нет! Увольте от выпивки в этом доме! — воскликнул Ричард. Нервное напряжение только сейчас отпустило его, и он выбивал крупную дробь зубами.

— У меня есть бутылка ликера, — сказала Роуз. — Я принесу.

И умчалась, прежде, чем её смогли остановить.

— Так что это был за яд, сэр Джеймс? — спросил Фокс. — Вы служили в Индии — наверное, что-то экзотическое? Слеза Шивы или слоновья трава?

— Поганка английская, обыкновенная, — ответил граф. Ответил спокойно, даже весело. — Настаиваешь грибы на спиртном — виски или джине, а потом угощаешь. Человек

умирает, и никто не догадывается, что это убийство, потому что симптомы похожи на пищевое отравление. Но узнал я об этом средстве в Индии, вы правы. Там толчется столько сброда, что вы и представить себе не можете.

Вернулась Роуз, держа бутылку на сгибе локтя, как ребенка. Ричард выпил, и стальная хватка где-то в животе ослабла.

— Представляете, Роуз, вы спасли мне жизнь дважды. Нет, трижды. Ведь из-за вас я вчера совершенно потерял аппетит. И вы, Фокс, тоже дважды. Я везунчик, не находите?

— Да уж, — признал инспектор. — После того, как вы спаслись с «Замка Моркант», я поверю, что бывают люди с семью жизнями.

— Вы слышали? — Ричард нервно засмеялся. — Я — английский аристократ. Это просто смешно.

— Не совсем, — сказал Фокс. — Вчера вечером, как раз после нашего разговора, я получил обещанную информацию. Из Арля, Франция. Мои французские коллеги побеседовали с супругами Дюран и выяснили, что те тоже плыли на «Замке Моркант». Познакомились с милой парой, у которой был чудесный малыш по имени Кристофер. Когда началось крушение, на мадам Дюран был спасательный жилет. А месье Дюран очень неплохо плавал. Мадам Дюран надела жилет на Кристофера. Им удалось отплыть подальше от воронки и продержаться до прихода судна, которое находилось поблизости с местом крушения. Своих детей у Дюранов не было, родители Кристофера утонули, и они решили присвоить ребенка. Вы и вправду были очень милым малышом, мистер художник.

Ричард молчал, как громом пораженный. Роуз хлопотала вокруг него, растирая ему ладони — руки у него были ледяные.

— Кроме признания ваших приемных родителей, есть ещё и фамильное сходство, — продолжал Фокс. — Вот сэр Джеймс сразу узнал вас. И кое-кто еще узнал. Верно?

— Безумная Беатрис! — воскликнула Роуз.

— Беатрис, — согласился инспектор. — Беатрис, слоняющаяся по округе и всюду сующая нос. И экономка. Мисс Миллер в юности жила в Париже, там и познакомилась с Чарльзом и его супругой. Правильно, милорд?

— Если вы обо всем догадались, то зачем утруждаете старика? — насмешливо отозвался лорд Сент-Джонс. — Продолжайте, продолжайте, прошу вас, инспектор.

— Хорошо, — Фокс не спускал цепкого взгляда с графа. — Не могу сказать, что я сразу разобрался в этой истории. Сбивало с толку, что господин граф не мог передвигаться самостоятельно — как же можно было подозревать его?

— А когда вы начали догадываться? — спросил Ричард.

— Когда увидел, как он целился в вас, после того как убил Фореста. Хорошее объяснение — принял за второго грабителя. Но меня-то за грабителя он не принял? Впрочем, с того момента я понял, тут нечисто. Да еще Роза проболталась: мол, ходила в библиотеку за старыми газетами. Мне не составило труда узнать, какой номер она прихватила с собой. Между прочим, это называется воровством, Роза.

Роуз покраснела, но не ответила.

— Учитывая, что я знал то, что знали вы от старых леди в Торки и Вайдкомб-Муре, заметка о крушении «Замка Моркант» натолкнула меня на мысль: мальчик не утонул, и этим мальчиком мог быть художник. Поначалу я подозревал, что он приехал в наши края не просто так — месть, поиски родственников... Вы ведь именно про поиск матери ввали мисс Девин, не так ли? Повторяю, тогда я принял всё это за чистую монету. И отправил запрос во

Францию. Чтобы точно узнать, чей же сын Ричард Дюран. Но пока я не получил подтверждения догадке, тыкался, как слепой котенок. Два несчастных случая, одно убийство, два покушения на убийство, мошенничество — получение денег по подложному чеку, кража — Вилсон скрылся с чемоданом, небрежно подброшенное в чемоданчик оружие убийства, с которого даже не потрудились стереть кровь, причем, шляпная булавка указывало на мисс Форест, которая же снимала деньги, и эти нелепости, о которых я говорил...

— Какие нелепости? — переспросила Роуз.

— Нелепости, которые не укладывались в общую картину, — улыбнулся Фокс. — Я разгадал их только после нашей вчерашней беседы с художником. Шляпка на портрете. Похищенный плащ мистера Марвина. Поддельный чек. Кража у Форестов. Покушение на художника. Но теперь всё стало на свои места.

— При чем здесь шляпка? — возмутился Ричард. — Хватит тайн! Выкладывайте, что знаете, инспектор!

— Шляпка... — Фокс усмехнулся, глубоко затягиваясь. — А вам не показалось странным, что вы узнали Регину Гайлар по шляпке, а не по лицу? Шляпка была выписана так реалистично, что вы вспомнили фотографию. Шляпку, но не лицо, понимаете? И тогда я подумал, что лицо могло быть изменено. Переписано. Для чего? Чтобы даму на портрете невозможно было узнать. Но кто должен был ее узнавать? Сбежавшая невестка не была знакома с жителями деревни. А вы узнали шляпку, значит, могли узнать и лицо. И тогда я понял, что это было сделано специально для вас. Так, подумал я, но зачем подобный спектакль ради приезжего художника? Кого так волнует его приезд? И тут я свалил дурака. Боюсь, я слишком предвзято думал о вас, Ричард, и слишком непредвзято о тебе, Розы. Это и помешало мне увидеть истинного виновника. Но вернемся к нашим нелепостям. Плащ мистера Марвина. Зачем кому-то красть старый плащ? А что, если это была не кража? Плащ взяли, чтобы не вымокнуть под дождем. Когда шёл дождь?..

— Всегда, — подал голос Ричард.

— Плащ пропал после покушения на вас, — ответил Фокс. — И тогда шёл дождь. Сильный, проливной. А что, если плащом воспользовался убийца, чтобы не промокнуть и не вызвать подозрений? Вы отправились в деревню, а он, накинув плащ, последовал за вами. Выждал удобный момент и столкнул с кручи. Вы ведь облегчили убийце задачу — к краю обрыва подошли, только что сами не спрыгнули. Но почему убийца схватил плащ именно Марвина, а не воспользовался своим, ведь это было бы логичнее? Потому что у убийцы не было плаща. Зачем дождевой плащ калеке? Дождь начался внезапно, если вы помните. Если бы сэр Джеймс промок, это могли заметить в Энкер-Хаузе и задуматься — а как мог вымокнуть под дождем человек в инвалидной коляске? Вот он и схватил первый попавшийся плащ в кухне, чтобы не упустить момент и не быть обнаруженным.

— А поддельный чек? — перебила Роуз. — Что удивительного в нём? Мисс Миллер подделала...

— Мисс Миллер ничего не подделывала.

— Тогда Вилсон...

— И Вилсон тоже к этому не причастен.

Роуз и Ричард переглянулись. Фокс рассмеялся, довольный произведенным эффектом.

— Ох уж этот поддельный чек. Признаюсь, он долго не давал мне покоя. Черт побери! Если чек подделала мисс Марвин, на что она рассчитывала, когда мошенничество

откроется? Ведь Роуз укажет на неё, а сэр Джеймс скажет, что ничего не поручал. Вилсон? Но разве мисс Миллер поверила бы словам Вилсона? Вспомните, она ничего не предпринимала без разрешения хозяина, даже отчитывалась перед ним каждый вечер — что сделано за день. И у них с Вилсоном была скрытая война за внимание хозяина. Вывод один — чек она получила от сэра Джеймса. Но почему он поддельный? Зачем сэру Джеймсу передавать экономке поддельный чек? И я опять сваял дурака, потому что уже одно это обстоятельство должно было указать мне на убийцу. Только когда мистер художник рассказал, как его спихнули с берега, всё стало ясно. И треугольник с буквами «Р» — Регина, Роуз, Ричард — вписался в общую картину, и удар, который нанесли мисс Миллер — хороший и точный, прямо под затылок. Этот удар сэр Джеймс тоже привёз из Индии. Именно так действуют тхаги-кинжальщики.[1] Что же касается вас, мистер художник, жаль, что вы не открылись мне раньше. Да и сами оказались несообразительны, а надо было пораскинуть мозгами. Кто отправил вас в сумерки по берегу? Сэр Джеймс. Кто сказал, что Роза убежала на встречу со мной, зная, что вы, влюбленный идиот, тут же помчитесь следом? Сэр Джеймс. А ведь мы не встречались с ней в тот вечер. Я видел её днем, когда рассказал о Регине Гайлар. Кто заведомо соврал, чтобы отправить вас в последний путь? Сэр Джеймс. Но для чего? Я не видел мотивов. Зачем нужно было избавляться от Дюрана — доброго, глуповатого олуха? — он с удовольствием повторил эти слова, поглядывая на Ричарда с насмешкой. — И вдруг меня осенило: так весь этот спектакль затевался ради одного зрителя — французского художника. Он-то и был главной жертвой, а все остальные — лишь актеры, не знавшие текста, случайно подвернувшиеся под руку убийце. Да, забыл про кражу у Форестов. Но тут мне повезло. Видите ли, я кое-что припрятал в рукаве — ложки и медали были найдены. Их нашел мой человек, которого я специально отправил осмотреть камни под Вороновой Кручей. Он лазал там два дня и нашел — завернутые в наволочку и привязанные к камню, чтобы наверняка утонули. Сначала я решил, что таким образом напуганный вор пытался отвести от себя подозрения. Но потом... когда мистер художник наконец-то соблаговолил излить душу, картина начала приобретать узнаваемые образы. Для чего нужна была имитация кражи? Для того чтобы оправдать взлом. Для чего нужно было проникать в дом Форестов? Для того чтобы оставить там изумруды.

— Так дядя не похищал драгоценности?! — вскричала Роуз.

— Нет, детка, нет, — Фокс явно наслаждался своей речью. — Убийство твоего дяди не было самозащитой. Это было именно убийство — продуманное, хорошо спланированное и отыгранное, как по нотам.

— Вы просто провидец, инспектор, — заметил лорд Сент-Джонс, как будто речь шла не о его преступлениях, а обсуждался новый детективный роман.

— Понять, что происходит сейчас, было не столь трудно, — скромно отозвался Фокс. — Разгадать тайну Дамы Дождя оказалось гораздо сложнее. Но я понял, как вы все провернули. Понял, когда Дюран рассказал мне о вашем письме «кузине Розмари».

Роуз вскинула голову.

— Дюран вряд ли знал, что настоящее имя мисс Форест — не Роуз, а Розмари. Она переименовала его в детстве, и мы все привыкли называть её так. Со своим братом вы повторили тот же трюк?

— Нет, — ответил сэр Джеймс. — Тут вы просчитались. Просто у нас очень похожие почерки. То предсмертное письмо было написано мной.

— Так вот почему вы завели секретаря. Чтобы никто больше не увидел вашего почерка.

Очень хитро.

— Мне надо выпить, — сказал вдруг сэр Джеймс. — Дикон, налейте своему дядюшке джину, будьте так добры.

Ричард не двинулся с места.

— Что ж, тогда я сам, — вздохнул граф, поднимаясь из кресла.

Фокс держал его на мушке.

— Смотрите, чтобы палец не занемел, инспектор, — усмехнулся сэр Джеймс, беря бокал и бутылку. — Любопытно было бы узнать всю историю из ваших уст. Не стесняйтесь, разоблачайте жестокого убийцу, а мы с удовольствием слушаем.

Он опять сел в кресло, покрывившись, когда задел раненую руку.

— Всю историю? Извольте, — Фокс уставился в потолок, собираясь с мыслями. — История эта началась давно, и вовсе не с момента появления Дамы Дождя в Энкер-Хаузе. Джеймс Сент-Джонс был старшим сыном и наследником титула. Родители очень гордились традициями и родословной, их девизом было — вести себя сообразно положению. Джеймса готовили на роль идеального наследника. Он получил прекрасное домашнее образование, планировалось поступление в Кембридж, учёба, государственная служба. В отличие от Джеймса, младшему брату — Чарльзу — не запрещалось заниматься любимыми делами. Он рисовал, музицировал, уехал в Париж, чтобы учиться живописи. Надо сказать, что все Сент-Джонсы прекрасно рисовали, хотя и считали это занятием второсортным. Из Франции Чарльз присылал весёлые, легкомысленные письма, описывая свою вольную жизнь, и тут Джеймс впервые проявил упрямство, настояв на военно-морском образовании. Ему хотелось стать таким же свободным от обязательств романтиком, как и брат. Он поступил в Королевский военный колледж в Сандхерсте, по окончании которого отправился в Индию. Но стремление к свободе и приключениям закончилось ранением в ногу и голову во время стычки с мятежниками, и малярией в придачу. Джеймс вернулся домой, женился на дочери пэра — религиозной, умной, некрасивой и скучной девице. Попытка жить свободно провалилась, и надо думать, он чувствовал себя законченным неудачником.

А в Энкер-Хауз приехал Чарльз, приехал не один — с женой, актрисой Региной Гайлар, разорвав помолвку с Пруденс Бишоп. К тому времени, отец Джеймса и Чарльза уже умер, мать была тяжело больна.

Джеймс набросился на брата с кулаками. Потом он объяснял свой гнев обидой за обманутую Пруденс, но на самом деле его гнев был вызван тем, что брат снова поступил по-своему, женившись на любимой женщине, которая была красива и умна. У Чарльза — свободная от обязательств, богатая событиями жизнь, у Джеймса — жизнь, подчиненная условностям и правилам, обязанность «держатъ лицо», заботиться о невменяемой матери, жить со скучной, нелюбимой женщиной. К тому же, Регина сумела завоевать сердце Джеймса, не прилагая к этому никаких усилий, и это ещё больше усилило неприязнь к Чарльзу, которому всё давалось легко и без особых трудов. Братья постоянно ссорились, и в конце концов, обиженный Чарльз вернулся с женой во Францию.

Во время эпидемии гриппа умерли мать и жена Джеймса. Формально он был свободен, но подорванное здоровье, а более того — страх, что он не создан для вольной жизни, не позволили ему отправиться в путешествие или заняться каким-либо авантюрным делом. Он продолжил жить в родовом поместье, всё более обособливаясь от людей.

Болезнь его прогрессировала, вы не знаете, но лорд Сент-Джонс страдал мучительными приступами бессонницы из-за ранения в голову, и вынужден был постоянно принимать

снотворные порошки. Это тоже не располагает к здравости мысли, скажу вам.

Через два года вновь приехали Чарльз с Региной. Чарльз хотел помириться. Джеймс сделал вид, что разногласия забыты, но его миролюбие оказалось лицемерным. Он всё больше увлекался невесткой, которая не желая новых ссор между братьями ничего не говорила мужу. Наверное, Джеймс преследовал её. Иначе не объяснить, что он оказался в саду ночью, когда Регина встречалась с адвокатом? Адвокат прибыл тайно, сообщить, что сын Регины и Чарльза, которого Регина оставила на попечение няньки, побоявшись брать ребенка в Энкер-Хауз (видно, она раньше всех поняла чёрную сущность своего деверя), попал в приют. Требовалось немедленно ехать в Вайдкомб-Мур. После того, как адвокат ушёл, Джеймс попытался добиться благосклонности невестки. Сначала он клялся ей в любви, пытался поцеловать. Вспомните, Форест говорил, что видел Регину целующейся с мужчиной, и это точно не был Чарльз. Думаю, Форесту было известно больше. В мужчине он узнал Джеймса, а вовсе не адвоката, но не стал выдавать хозяина — солгал полиции. Наверное, именно об этом он и хотел сказать вам, Дюран, перед смертью.

— Дядя был заодно с убийцей?! — Роуз оторвалась от Ричарда и слушала с волнением, накручивая на пальцы локоны.

— Нет, мистер Форест ничего не знал об убийстве. Более того, я уверен, что он не догадывался о нём все эти годы — иначе он не позволил бы тебе стать секретарем сэра Джеймса. Но вернёмся к прошлому. Итак, встретив отказ, Джеймс убивает Регину, закапывает тело в саду, а наутро объявляет, что невестка сбежала, прихватив драгоценности. Конечно же, драгоценности не были похищены, но и избавиться от фамильных ценностей Джеймс не смог, а спрятал, это его и погубило. Чарльз не поверил брату и спешно телеграфировал адвокату. Телеграмма, отправленная адвокатом, исчезла, но надо думать, там содержался краткий ответ — миссис Сент-Джонс не появлялась в Торки, не приезжала в Вайдкомб-Мур. Чарльз понимал, что его жена не могла сбежать, бросив сына. Понимал, что произошло что-то страшное, и делился своими подозрениями (не рассказывая о сыне, потому что так просила Регина) с братом. И хотя Чарльз не отличался большой проницательностью, особенно в том, что касалось человеческой подлости, Джеймс испугался, что брат вскоре догадается о его причастности к исчезновению Регины. И Джеймс решил избавиться от брата, тем более, он давно ненавидел его, а совершенное убийство принесло острые ощущения и осознание собственной значимости. Столкнув Чарльза с Вороновой Кручи, он написал предсмертную записку от его имени и очень верно повел себя — умолял инспектора представить всё, как несчастный случай и не порочить древнее имя Сент-Джонсов недостойным поступком брата — хватит, мол, и беспутной невестки. Никто и подумать не мог, что было совершено убийство. На месте, где был спрятан труп Регины, Джеймс высадил розовые кусты, представляясь страстным садоводом, и уволил Фореста, опасаясь, как бы тот не обнаружил труп, копаясь в саду.

Однако вскоре приехал Коулей, адвокат. Он был очень обеспокоен отсутствием Регины, узнал о самоубийстве Чарльза и рассказал Джеймсу о племяннике, который попал в детский приют и которого собираются отдать на усыновление. Адвокат недоумевал, как могло произойти, что Регина и Чарльз — такие любящие родители, бросили ребенка. Джеймс понял, что ошибся, придумывая легенду о бегстве и версию с самоубийством. Теперь требовалось устранить и адвоката, пока он не обратился в полицию. Убедив Коулея, что надо поскорее вернуться, чтобы начать процесс по установлению опеки над мальчиком, а с исчезновением Регины он разберется сам, Джеймс тайно отправился в Торки следом за

Коулеем, встретил его на побережье и столкнул со скалы — благо, опыт умерщвления таким способом у него уже был. Смерть Коулея была признана несчастным случаем, а сам убийца вернулся домой никем не замеченный. Теперь его цель — племянник. Немного изменив внешность — борода, очки, он отправился в детский приют. Тут ему стало известно, что мальчика уже усыновили. Узнав данные о новой семье, Джеймс без зазрения совести спустил со скал директрису и устроил пожар в кабинете, уничтожая архив. Ему оставалось лишь расправиться с малолетним Сент-Джонсом. Нет, ребенок не представлял для Джеймса опасности, но он был сыном ненавистного Чарльза и гордячки Регины! Значит, должен умереть. Однако вмешалось провидение — малыш и приёмные родители отправились во Францию, и в пути корабль потерпел крушение. Прочитав заметку и найдя в числе жертв Кристофера, Джеймс успокоился — месть свершилась, небеса были на его стороне, раз сами устранили последнего участника этих событий. Джеймс вернулся домой, начал уединенную жизнь, ограничил число слуг, и всюду развлекался, изображая немощного старика. Он пересел в инвалидное кресло, и вскоре его стали воспринимать именно так — как старика, сломленного болезнями и личным горем. Вечное лицемерие, игра на публику, и только ночью, когда прислуга удалялась во флигель, Джеймс мог побыть самим собой. Наверное, это была не очень лёгкая жизнь, сэр Джеймс? Один в пустом доме, в окружении призраков... Вам не было страшно? Ведь их кровь требовала возмездия.

— Вы слишком чувствительны, инспектор, — сказал граф, — какое счастье, что у меня не такая тонкая натура.

— Я продолжу, — сказал инспектор. — Наступил 1924 год. Прошло столько лет со времени убийства Регины, и вдруг в одной из газет Джеймс находит статью о модном художнике из Франции — Ричарде Дюране. В газете фото художника, и он удивительно похож на Регину. Выяснив кое-что о молодом человеке и его семье, Джеймс понимает, что Ричард — его племянник, чудом спасшийся во время кораблекрушения. И вот уже задумано новое убийство. Джеймс отправляет Дюрану приглашение, якобы, для крупного заказа, и глупый художник расправляет крылья и летит навстречу смерти.

— Это ужасно, — пробормотала Роуз и невольно бросила взгляд в окно, где в неровном предраассветном свете белели розы над могилой французской артистки.

— Ужасно, — согласился Фокс. — Но верно. Я прав, сэр Джеймс?

— Потрясен вашим разыгравшимся воображением, мой друг, — невозмутимо ответил граф. — Но продолжайте, продолжайте. Очень интересно вас слушать.

— Конечно, ведь история имеет продолжение, — Фокс раскурил новую сигарету. — Итак, художник приехал, и Джеймс, присматриваясь к нему, всё больше убеждался, что Дюран — сын Регины. Внешность, жесты — все напоминало давно убитых женщину и брата. Джеймс был подготовлен к встрече и убийству — лицо на портрете невестки переписано, чтобы у гостя не возникло лишних вопросов, настойка на поганках приготовлена и всегда под рукой. Предполагалось отравить художника за ужином и принять часть яда самому, чтобы не вызвать подозрений. Оставалось дожидаться подходящего момента, но тут Пруденс во время очередного визита с негодованием рассказывает, что мистер Дюран справлялся о драке, имевшей место при появлении Чарльза с женой в родном поместье. Джеймс встревожен: почему Ричард спрашивает об этом? И главное, откуда он узнал? Пруденс рассказывает, что виной всему сумасшедшая Беатрис. Лорд вспоминает, что утром он слышал, как экономка отчитывала Марвина за поведение сестры и спешит поговорить с мисс Миллер. Экономка повторяет слова о розах, которые лишь прикрытие, и лорд начинает

подозревать, что в ночь убийства Беатрис могла что-то видеть — недаром она шныряет всюду. Если сумасшедшая и дальше будет болтать — вдруг кто-то заинтересуется его розами? И болтуня Пруденс может наговорить лишнего. А мисс Миллер не местная, она вряд ли что-то поймёт. Джеймс принимает решение быстро. Он приглашает Пруденс на ужин, рассчитывая убить разом двух лишних людей. Согласно распорядку дня, он каждый день дремлет в полдень в саду, никто не мешает ему и не посещает розарий в это время. Вот мимо проходит Беатрис, и наш инвалид отправляется за ней и сталкивает с обрыва, после чего преспокойненько возвращается в своё кресло. Пруденс приходит на ужин, яд добавлен в бокалы, но тут появляется Роуз и уводит главную жертву. Так как Пруденс уже выпила свою порцию, Джеймсу приходится принять немного яда, чтобы создать видимость, что он тоже пострадал. А затем начинается самое интересное. Смерть Пруденс и Беатрис списывают на несчастный случай, но у Беатрис находят изумрудную серьгу — и история о вороватой невестке готова рассыпаться, как карточный домик. Джеймс в ярости — Беатрис обнаружила тайник. Она была не в себе, но любила яркие вещицы — вот и прихватила серьгу, как сорока, которая тащит блестящие предметы. Поэтому-то и отдано это странное распоряжение — поставить замок на фамильный склеп. Проще было бы избавиться от драгоценностей, выбросив их в море, но Джеймс не мог с ними расстаться — в некоторых случаях он проявлял чертовскую сентиментальность, к тому же, насчет драгоценностей у него появился новый план. Но тут убийце приходит анонимное письмо, что некто видел его, возвращающегося в сад, знает о переписанном портрете и трупке под розовым кустом и требует пять тысяч фунтов за молчание. Послание составлено из вырезанных букв. В Энкер-Хаузе появился шантажист. Но кто? Джеймс размышляет: это не кухарка — она чуть не потеряла работу из-за отравления и до сих пор пребывает в упадническом состоянии духа; скорее всего, не Роуз и не Дюран — они прогуливались в это время в деревню; конюх глуповат. Остаются экономка или дворецкий. Желая проверить догадку, Джеймс передает экономке чек на предъявителя, и просит поручить Роуз тайно съездить в банк, чтобы получить деньги. В этот же день он получает новое письмо от шантажиста — оставить деньги в семейном склепе. О деньгах знали двое — экономка и Роуз. Если становишься на путь преступления, надо быть умнее — это я о мисс Миллер. Кстати, чек был подписан через стекло — так можно добиться похожей, но не идентичной подписи. Видите ли, когда вы обводите чужую подпись на стекле, то нажимаете на бумагу с одинаковой силой, а в настоящей подписи нажим разный — то сильнее, то слабее. Это-то и встревожило потом банковского клерка.

— Но зачем нужно было подделывать собственную подпись? — спросила Роуз. Она держала Ричарда за руку, словно боялась, что ему ещё что-то угрожает.

— Во-первых, чтобы лишний раз опорочить мисс Миллер. Одно дело — когда свидетелем убийства становится добропорядочная женщина, а другое — мошенница, получившая деньги хозяина по поддельному чеку. Тем более, что у мисс Миллер уже был подобный опыт. Во-вторых, втягивая тебя, Розы, в эту историю (вспомни о своей шляпной булавке, которая стала орудием убийства), сэр Джеймс мстил тебе за предательство. Он знал о твоей мечте заработать достаточную сумму на путешествия по миру, и расставил тебе западню. К тому же, племянник всё еще жив, а ты крутишься вокруг него, словно он намазан медом. Тебя требовалось нейтрализовать, но не посредством убийства. Когда ты приехала с деньгами и передала саквояж экономке, убийца подкараулил экономку в холле и нанес ей удар булавкой, которую заблаговременно выкрал. Булавку он кладет в чемоданчик с

деньгами, тело переносит в беседку, рядом ставит чемоданчик и открывает его, чтобы видны были деньги, после чего, никем не замеченный, возвращается к себе в комнату. Он вызывает дворецкого и просит позвать к нему Роуз, которую намеревается отправить на поиски экономки. Он рассчитывал, что она, обнаружив деньги, не сможет устоять перед искушением и прихватит саквояж. Но получилось так, что труп нашел Вилсон. Он видит чемодан с деньгами, хватает его и сбегает, не заметив окровавленной булавки.

План опять не сработал, и Джеймс всё больше теряет выдержку и становится более дерзким. Ведь столько преступлений уже сошли ему с рук, сойдёт и ещё одно.

Однажды Роуз отпрашивается пораньше, объясняя, что хочет съездить в Торки, кое с кем встретиться. Джеймс отпускает её, а когда художник появляется в саду, говорит, что Роуз только что ушла в деревню. Разумеется, мистер Дюран мчится следом, на что, собственно, и был расчет. Джеймс берет плащ конюха, идет к обрыву и поджидает, когда художник будет возвращаться и сталкивает его с обрыва. Что происходит дальше? Мистер художник появляется живой и невредимый. Какое крушение надежд! Как он смог спастись? И не видел ли, кто его толкнул? Но Дюран ведет себя, как обычно, только Розы липнет к нему всё больше и почти никогда не оставляет одного. Прибегать к грубому убийству лорд не хочет, чтобы не вызвать подозрений, поэтому нужен новый хитроумный план. Узнав от Роуз, что её дядюшка отправляется на рыбалку, а она будет ночевать во флигеле, Джеймс проникает в дом садовника, имитирует кражу, прячет в камине изумруды, а похищенные у садовника вещи бросает в море, когда возвращается обратно в усадьбу.

Вызвав к себе садовника на определенное время и загодя отправив Ричарда в сад, Джеймс в ходе беседы вывел садовника из себя. Для этого не много было надо. Например, упомянуть, что всех убила и всё подстроила Роуз, и что он обвинит её в убийствах и мошенничестве. Садовник бросился с кулаками на обидчика, это видел Дюран, но пока он бежал вокруг дома, Джеймс застрелил садовника. Не появился я — появилось бы два трупа. Вроде как художник на пару с бывшим садовником задумали ограбить престарелого аристократа. Тогда Джеймс прибегнул к крайней мере — попросил написать письмо под диктовку. Письмо составлено таким образом, что его можно принять за предсмертную записку мистера художника. Наш злодей ждет удобного момента, чтобы напоить жертву своим смертоносным эликсиром из поганки английской, обыкновенной, — Фокс отвесил лорду Сент-Джонсу комичный поклон, — но тот вдруг отказывается от ужина и говорит, что завтра уезжает. Теперь надо действовать быстро. Джеймс берет пистолет и ночью идет в спальню Дюрана. Он планирует застрелить его, а потом сказать, что художник украл пистолет из ящика стола и покончил жизнь самоубийством. Но в спальне никого нет. Джеймс в ужасе — неужели, ненавистный племянник уже уехал, и его планы опять пошли прахом? Тут он видит свет в окне галереи. Идет туда и находит там Дюрана собственной персоной — он занят тем, что снимает верхний слой с портрета своей матери. Ну, а остальное вы знаете. Мне оставалось только немного полюбоваться сценой и в нужный момент выстрелить.

— За что я вам очень благодарен, инспектор, — Ричард почувствовал дурноту, снова переживая страшные события.

— Но какого чёрта вы поплелись в галерею? — задал вопрос Фокс.

Ричард нервно засмеялся:

— Вообще-то я пошел сначала в склеп и нашел там тряпки, выпачканные маслом и скипидаром, кисти, дождевой плащ мистера Марвина и шкатулку от изумрудов.

— Отличная находка и самое дикое безрассудство, которое я когда-либо видел, — заметил Фокс. — Нет ничего глупее, как шнырять ночью по склепам, когда на тебя открыли охоту. Слышали, сэр Джеймс? Ваш тайник обнаружен.

— Я прочитал дату смерти... младшего брата, — торопливо сказал Ричард, споткнувшись на имени Чарльза Сент-Джонса. Все-таки странно думать о незнакомом и давно умершем человеке — мой отец. — И понял, что граф не так стар, как постоянно подчеркивал. Мне показалось это странным. А потом я увидел на полу отпечаток остроносого ботинка. Такие сейчас не носят. А граф всегда одевался старомодно.

Все невольно посмотрели на ноги Сент-Джонса. Он был обут в остроносые ботинки.

— Вы проиграли, сэр Джеймс, — сказал Фокс.

— Уверены? — вежливо спросил граф. — И что же вы предъявите суду, молодой человек? Свои фантазии? Или слова этих милых детей? — он небрежно указал на Ричарда и Роуз. — Один из них — иностранец, вторая — отъявленная лгунья. Вы считаете, присяжные им поверят? Мои адвокаты в два счета разобьют обвинение, и это дело станет вашим последним делом в полиции, инспектор. Вас уволят, и можете мне поверить — на этом острове никто не примет вас на работу. Но мы можем разрешить коллизии полюбовно. Скажем, я похлопочу кое перед кем, подключу связи, и вы можете стать самым многообещающим инспектором Скотланд-Ярда в Лондоне. Поработаете годик-другой, к вам присмотрятся и, возможно, предложат место в Секрет Сервис. Как вам такое предложение?

Роуз вскрикнула, переводя округлившиеся глаза с Сент-Джонса на Фокса. Инспектор улыбался, постукивая пальцами по подлокотнику кресла.

— Очень заманчиво, сэр Джеймс, — сказал он. — Но вы забыли об одной маленькой детали. Чемоданчик с деньгами, который вы, якобы, не видели и не прикасались к нему, был самым внимательнейшим образом исследован нашими экспертами. И на одной из купюр очень отчетливо отпечатался след пальца. Видимо, убийца выпачкал руку кровью мисс Миллер, а потом коснулся одной из купюр, когда прятал шпильку, и не заметил этого. Угадайте, чей палец оставил этот отпечаток?

На мгновение лорд сбросил маску насмешливого благодушия. Глаза его стали холодными, а рот сжался в тонкую полоску.

— На досуге можете подумать, как ваши адвокаты будут объяснять это присяжным, — сказал с издевкой Фокс.

Появились четверо полицейских. Они явно робели и продолжали топтаться на месте, когда инспектор объявил, что лорд Сент-Джонс арестован по подозрению в убийствах и в покушении на убийство.

— Смелее, смелее, ребятки, — подбодрил их сэр Джеймс и пошел к выходу крепкой, упругой походкой. Полицейские испуганно расступились перед ним. — Можно подумать, вы опасаетесь, что я превращусь в морское чудовище.

— Вы и есть чудовище, — сказала Роуз твердо. — Мерзкое, отвратительное чудовище.

Сэр Джеймс задержался на пороге, взглянув на девушку через плечо. По его лицу пробежала едва заметная тень.

— Ах, глупые женщины, — сказал он. — Вы всегда влюбляетесь в нищих художников. А ведь я мог дать вам гораздо больше, чем пустые поцелуи и пустые слова.

Он вышел в сопровождении полицейских, а Роуз пришла в великолепное бешенство.

— О ком это говорилось?! — возопила она, тыча пальцем в сторону двери. — Он... он...

— Он говорил о тебе, Роза, — Фокс сунул пистолет в карман и расположился в освободившемся кресле с комфортом, поставив ноги на каминную решетку. — Если бы судьба не явила себя в лице мистера художника, ты вполне могла бы стать очередной леди Сент-Джонс. Подумай об упущенных возможностях.

— Какая гадость! — Роуз бросилась к Ричарду и спрятала лицо у него на груди. Но потом она с усилием взглянула на инспектора: — Прости, Брайан... я...

— Если ты думаешь, что я хоть на секунду поверил тому фарсу, что ты изобразила передо мной и мистером художником вчера вечером, то не обольщайся. Я сразу понял, что ты пыталась спровадить его из Энкер-Хауза. Так что не беспокойся по поводу моего разбитого сердца.

И он даже принялся что-то фальшиво насвистывать.

— Брайан, спасибо, — с благодарностью сказала Роуз, еще крепче обняла Ричарда и прошептала ему на ухо: — Я так виновата перед ним. И перед тобой.

— Да, — признал Ричард, — ты заставила меня пережить несколько ужасных часов.

— Я сделала это только чтобы спасти тебя! В какой-то момент мне показалось, что вокруг тебя вьются умертвия — как будто смерть стреляла в тебя, но промахивалась. А сегодня ко мне пришла она — Дама Дождя, и я поняла, что с тобой произошло что-то ужасное...

— И она помчалась в ночь в одном исподнем и натолкнулась на меня, — закончил Фокс. — Я это время следил за графом. Признаюсь, полуголые девицы, в полночь выскакивающие на тебя из темноты и вопящие: скорее! скорее! — это не для слабонервных.

— Ты видела Даму Дождя? — волнуясь спросил Ричард.

Роуз быстро закивала, глаза её затуманились:

— Она постучала в мое окно и указала на усадьбу.

— Опять эти сказки, — проворчал Фокс.

— Но я тоже видел её, — запротестовал Ричард. — Женщину, стоявшую возле куста роз, где... где граф закопал труп. Что же это было, как не душа, которая не может успокоиться?

— Я думал об этом, — сказал Фокс. — Сначала решил, что всему виной ваше воображение человека, занимающегося искусством. Но потом понял, что вы видели мисс Миллер.

— Мисс Миллер?

— Да, скорее всего, она шпионила за хозяином, сложила два и два, и решила покопаться под кустом. Возможно, она даже убедилась, что именно здесь спрятана Регина Гайлар. Возможно, и об этом она намекнула сэру Джеймсу, когда осмелилась на шантаж.

— Но принять мисс Миллер за темноволосую красавицу... — Ричард наморщил лоб, припоминая видение женщины под дождем.

— Мисс Миллер была молодой и привлекательной женщиной, — продолжил инспектор. — Одевалась она всегда в мешковатые костюмы, поэтому вы и не смогли оценить красоты её фигуры. А намкнув под дождем светлые волосы всегда кажутся более темными, тем более ночью. Уверен, что вы не разглядели лица, как следует, а потом домыслили образ Дамы Дождя по детским воспоминаниям, сохранившимся на подкорке, — Фокс постучал пальцем себя по лбу. — Никакой мистики.

— Но получается, что экономка хотела меня спасти? Когда сказала, чтоб я уезжал?

Фокс покачал головой:

— Вряд ли её посетили такие христианские намерения. Судя по вашему разговору, она

приняла вас за шантажиста.

— Меня?!

— Угу, — инспектор достал ещё сигарету и раскурил. — Она узнала вас сразу — вспомните разбитую вазу. Просто узнала вас и в меру своей натуры решила, что вы тоже охотитесь за денежками.

— Как странно, — медленно сказала Роуз.

— Что тебе странно, детка? — спросил Фокс.

— Теперь я понимаю, что Энкер-Хауз похож на пещеру чудовищ, как в детском аттракционе. Вилсон — шпион, миссис Пауэлл была замешена в деле о хищении драгоценностей, мисс Миллер — шантажистка, и я... — она замаялась, — лгунья, и только...

— Не говори так, — Ричард поцеловал ей руку. — Ты не лгунья, ты — фантазёрка.

Роуз поблагодарила его улыбкой, но с беспокойством посмотрела на Фокса.

— И только Джейкоб ни в чем не виновен, — закончил инспектор. — Ты это хотела сказать?

— Случайность ли это? — прошептала Роуз.

— Нет. Скорее всего, нет, — Фокс потер переносицу, загасил окурок и бросил его в бокал с недопитым ликером, вместо пепельницы. — Сэр Джеймс специально подбирал людей с безупречным прошлым. Может, в их окружении чувствовал себя не таким законченным негодяем. А может, считал, что зная их прошлые преступления, легче будет ими манипулировать. А Джейкоб... Есть у меня к нему несколько вопросов.

— Мелтон, — сказала Роуз.

— Мелтон, — кивнул Фокс.

— О чем вы? — спросил Ричард, обиженный их туманными фразами.

— Джон Мелтон утонул в ручье, — пояснила Роуз. — Помните, дядюшка рассказывал вам? Сколько домыслов было по поводу его смерти. А ведь так просто повалить пьяного в воду и держать... пока он не захлебнётся... Наверное, сэр Джеймс увидел...

— Вот так тихое местечко, — проворчал Ричард. — Я успокоюсь, только когда увижу берег Англии далеко на горизонте. Лучше объясните, догадливый инспектор, откуда взялось это прозвище — Дама Дождя?

— Да, Фокси, знаешь ли ты об этом? — к Роуз вернулось её обычное любопытство, и даже глаза загорелись.

— Знаю и об этом, — Фокс забрал кепку со стола, приготовившись уходить. — Когда я ездил в Вайкомб-Мур, чтобы узнать, какого чёрты вы туда таскались, то встретил некую леди Квинси. Ей сто лет в обед, и она глуховата на оба уха. Так вот, оказывается, она приезжала к Сент-Джонсам, когда те давали обед в честь жены младшего сына. И когда ей представили Регину Сент-Джонс... Мистер художник, скажите-ка нам, как во Франции называют маленьких девочек, у которых слишком помпезное и громоздкое имя Регина?

— Уменьшительное от Регины будет... — Ричард замер. — Господи, как это оказалось просто!

— Рейн, — закончил за него инспектор. — Вот вам и Дама Дождя.[2]

Кто-то промчался по коридору, топая, как подкованный тяжеловоз. В комнату ворвался полицейский из числа тех, кто должен был сопровождать лорда Сент-Джонса в участок.

— Что случилось? — резко спросил Фокс, вскакивая.

— Мы не смогли его остановить... — еле выговорил полицейский, задыхаясь от быстрого бега. — Когда проезжали мимо Вороновой Кручи... он выпрыгнул из машины...

бросился к обрыву и...

— Он жив?

— Разбил голову о прибрежные камни.

— Всё-таки, этот негодяй избежал правосудия, — с негодованием воскликнула Роуз.

— Идите, Говард, я сейчас буду, — велел Фокс полицейскому, и когда тот вышел, сказал: — Это лучший выход. Ведь он правильно говорил насчет доказательств. Умный адвокат разбил бы это дело в два счета.

— Как так?! А отпечаток на купюре?!

— Его не было, — Фокс нахлобучил на голову кепку и криво улыбнулся. — Отпечаток существовал лишь в моём воображении.

Он дошел до порога, но вернулся и встал перед Ричардом, скрестив на груди руки.

— Хочу еще сказать вам, Дюран. Роза — прелестная девушка. Знаете, что в ней самое лучшее? Не носик и не кудряшки, нет. Какой бы паршивости ни был человек, она найдет в нём что-то хорошее. Что-то, о чем сам он не догадывается. Так и со мной было. Я ведь не очень правильный. И если бы не Роза, сейчас находился не по эту сторону, а по ту, — он усмехнулся и сложил пальцы крест-накрест, изобразив решётку. — Талант у меня к этому делу есть, можете не сомневаться. А Роза всегда считала, что я способен на большее, и была в этом так уверена, что и меня убедила. Иначе я мог оказаться в Фелстеме.[3] Только не обольщайтесь. Роза — та еще штучка, с характером. Не могу сказать, что вам повезло, но все равно вам завидую. И если когда-нибудь узнаю, что вы обидели Розу... — он поднес кулак к самому носу Ричарда, — я найду вас даже в Америке и так взгрею, что мало не покажется.

Он отсалютовал на прощанье и вышел.

— Ужасный человек, — сказал Ричард сердито.

— Не обращай внимания, — Роуз прижалась щекой к его щеке. — На самом деле Брайан и бабочку не обидит.

— О чем ты? Сэра Джеймса он убил вернее, чем если бы выстрелил ему в голову с расстояния в фут.

— Я уверена, что Фокси не хотел подталкивать его к самоубийству, — воспротивилась Роуз. — Он просто блефовал — отчаянно, глупо, но так смело.

К Роуз вернулась прежняя деловитость и вместе с тем, в ее голосе стали ясно звучать по-матерински заботливые нотки, когда она обращаясь к Ричарду:

— Уже почти утро, тебе надо поспать. Переночуешь в моей комнате, во флигеле, тут я тебя не оставлю. Завтра мы пригласим священника и позаботимся о твоей маме. Она должна обрести покой.

— Роуз, — Ричард тронул девушку за плечо. — Инспектор сказал, что это мисс Миллер бродила по саду ночью под дождем. Но я уверен... почти уверен... сегодня я видел Даму Дождя снова. И ты говорила... Ты думаешь, она просто почудилась нам?

Роуз с нежностью потрепала его по голове, взъерошив волосы:

— Мне кажется, мать почувствовала, что сыну грозит опасность. И пришла на помощь.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

[1] Тхаги-кинжалы — секта поклонников богини Кали, совершавших ритуальные убийства ударом тонкого в подзатылочную ямку

[2] Тут игра произношения «lady rain» — «lady Reine»

[3] Фелстем — тюрьма для подростков, совершивших серьезные преступления.